

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М.Г. Хохлова

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ
(Россия в международном контексте)**

Москва
ИМЭМО РАН
2021

УДК 316.44
ББК 65.240
Хохло 862

Рекомендовано к печати
НИС Ученого совета ИМЭМО РАН

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова»

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор **Е.С. Хесин**
доктор философских наук, профессор В.А. Мансуров

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук В.В. Комаровский

Хохло 862

Хохлова М.Г. Профессиональная мобильность населения как форма
социальной адаптации (Россия в международном контексте). М.: ИМЭМО
РАН. 2021. 162 с.

ISBN 978-5-9535-0565-9

DOI: 10.20542/978-5-9535-0565-9

Центральной темой монографии является проблема адаптации рабочей силы к структурным сдвигам и условиям рыночной экономики в период с начала 1990-х годов по наши дни в России. Большой объем статистического материала был использован для анализа профессионально-квалификационной и образовательной структуры занятых и безработных, изменения социальной роли профессии. Автор фокусирует внимание на такой наиболее значимой форме адаптации как *регулируемая* – изменениях в образовательном и профессиональном уровне рабочей силы. Рассмотрены и такие *стихийные* формы адаптации, как неформальная занятость (проанализированы эмпирические данные их профессиональной и образовательной структуры); внутренняя трудовая миграция; зарубежный опыт самоорганизации в социальной экономике. Перспективы перемен рассматриваются с учетом прихода нового поколения, его отличий от предыдущих поколений в свете влияния институциональных и исторических факторов.

Khokhlova M. Professional Mobility of the Population as a Form of Social
Adaptation (Russia in the International Context).

ISBN 978-5-9535-0565-9

DOI: 10.20542/978-5-9535-0565-9

The central topic of the study was to examine the possibilities of adaptation of the labor force to the structural shifts and conditions of the market economy from the period of the early 1990-s to nowadays in Russia. A large amount of statistical material was used to analyze the professional qualification and educational structure of the employed and unemployed, the change in the social role of occupation. The author focuses on such the most significant form of adaptation as *regulated* – changes in the educational and professional level of the labour force. The following *spontaneous* forms of employment were considered: informal employment (the analysis of empirical data of their professional and educational structure was also carried out); internal labor migration; a model of social economy was proposed in the form of a self-organizing labor force based on the experience of some countries. Prospects for change are considered taking into account the arrival of a new generation, its differences compared to previous generations, as well as in the light of the impact of institutional and historical factors.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте: <https://www.imemo.ru>
ISBN 978-5-9535-0565-9

© ИМЭМО РАН, 2021
© Хохлова М.Г., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глоссарий	4
Используемые сокращения	7
Введение	8
Глава 1. Изменение численности профессиональных групп занятых и безработных в переходный период	22
1.1. Профессия и изменение ее социальной роли	22
1.2. Количественные и качественные аспекты динамики российской безработицы	27
1.3. Трансформация профессионально-квалификационной структуры занятых и безработных	38
Глава 2. Профессиональное образование как форма регулируемой социальной адаптации	45
2.1. Профессиональное образование в России – преемственность и различия	47
2.2. Влияние образовательного уровня рабочей силы на ее востребованность во время кризиса	58
Глава 3. Формы стихийной профессиональной адаптации	66
3.1. Роль и место неформальной занятости на рынке труда	67
3.2. Профессионально-возрастной состав и образовательный уровень неформально занятых	84
3.3. Адаптационный потенциал внутренней трудовой миграции в России	92
3.4. Занятость в социальной экономике как возможность адаптации в местах постоянного проживания	111
Глава 4. Роль младших поколений в трансформации рынка труда	119
4.1. Молодежный рынок труда: состояние и перспективы	120
4.2. Региональные особенности адаптации молодежи и значение индивидуального выбора в различных странах	124
4.3. Роль национальных институтов ряда стран для адаптации выпускников учебных заведений на рынке труда	133
Заключение	142
Список использованных источников и литературы	149

ГЛОССАРИЙ

Адаптивный потенциал рабочей силы – набор факторов, позволяющих сохранить занятость взамен потерянной в условиях социально-экономических и политических изменений.

Безработные (по критериям МОТ) – лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период соответствовали одновременно следующим критериям: не имели работы (доходного занятия), занимались поиском работы, были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели. Обучающиеся в образовательных организациях, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они не имели работы, занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

Безработные, зарегистрированные в органах государственной службы занятости – трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка (трудового дохода), проживающие на территории РФ, зарегистрированные в центре занятости по месту жительства в целях поиска подходящей работы, ищущие работу, готовые приступить к ней.

Занятие (согласно ОКЗ) – вид трудовой деятельности, осуществляемой на рабочем месте с относительно устойчивым составом трудовых функций (работ, обязанностей), приносящих заработок или доход. Любое лицо может быть связано с определенным занятием посредством основной работы, выполняемой в настоящее время, второй работы, будущей работы или ранее выполнявшейся работы. К занятиям относится любой вид трудовой деятельности как требующей, так и не требующей специальной подготовки.

Качество жизни – эта категория включает, согласно «Human Development Index», показатели ожидаемой продолжительности жизни, образования, минимального обязательного образования, ожидаемое количество лет обучения в школе, доход (доход на душу населения, посчитанный по паритету покупательной способности).

Занятые – лица в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность (хотя бы один час

в неделю), связанную с производством товаров или оказанием услуг за плату или прибыль. В численность занятых включаются также лица, временно отсутствовавшие на рабочем месте в течение короткого промежутка времени и сохранившие связь с рабочим местом во время отсутствия.

Занятые в неформальном секторе – лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица¹.

Неформальная занятость или незаявленная (undeclared)² – это любая производительная деятельность, законная по своей природе, но о которой не заявлено официальным органам (принимаются во внимание существующие различия в системах регулирования различных стран).

Неформальная экономика трактуется МОТ как понятие, включающее как неформальный сектор, так и неформальную занятость.

Основная работа (основное доходное занятие) или первая работа – это та работа, которую лицо считает для себя основной.

Прекариат (от латинского *precarios*) – ненадежный, непрочный, зависящий от непредвиденных обстоятельств. Понятие зонтичное, которое может относиться и к части занятых (формально и неформально), и даже к безработным (работающим лишь время от времени), то есть всем тем, кто имеет неустойчивый социально-экономический статус.

Профессия – определенный род трудовой деятельности, который возник в связи с разделением труда, требующий для своего выполнения специальных знаний и трудовых навыков, приобретенных в результате специального обучения и практики³. Профессию

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2018. М.: Росстат, 2018. С. 88.

² European Commission. European Employment Observatory Review. Autumn 2004. Luxemburg: Office for Official Publications of European Communities. 2005.

³ Занятость, безработица, служба занятости. Толковый словарь терминов и понятий. М., 1996. С. 288.

составляет комплекс работ, главные задачи и обязанности которых характеризуются высокой степенью схожести⁴.

Профессиональная группа – несколько близких по характеру профессий, объединенных вместе, как это принято в статистических изданиях Росстата и МОТ.

Рынок труда (по критериям МОТ) представляют: работник, работодатель и государство.

Рабочая сила (активное население) – лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период (обследуемую неделю) считаются занятыми или безработными.

Самозанятые – это индивидуальные предприниматели, главы и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы и иные лица, занимающиеся частной практикой, и не являющиеся индивидуальными предпринимателями, а также с 1 января 2019 года к данной категории отнесены лица, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход».

Самозанятость – форма получения оплаты за свой труд непосредственно от заказчика.

Уровень безработицы – отношение численности безработных к численности рабочей силы.

Уровень занятости – отношение численности занятых в экономике к общей численности населения.

Уровень участия в рабочей силе – отношение численности населения, входящего в состав рабочей силы, к общей численности населения.

⁴ Международная стандартная классификация профессий (МСКП).

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НФЗ – неформально занятые.

ФЗ – формально занятые.

ВТМ – внутренние трудовые мигранты.

СНС – система национальных счетов.

МКТС – Международная конференция статистиков труда.

ОКЗ – общероссийский классификатор занятий.

NEETs (Not in Education, Employment or Training) – поколение молодых людей, которые не работают и не учатся.

CIS-STAT, СНГ-СТАТ – Межгосударственный статистический комитет Содружества независимых государств (Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States).

ВВЕДЕНИЕ

Разделение труда как базовая причина возникновения профессий продолжает существенно углубляться в глобальном масштабе, возникает разнообразие видов деятельности в том числе в результате технологических изменений, меняя смысл профессиональной деятельности в сторону лучшего уровня жизни. Работа посвящена анализу того, как социальный ресурс, сформированный в ходе образования и профессиональной деятельности, способствует адаптации на рынке труда в условиях кардинальных социально-экономических сдвигов.

Как социальный институт профессия обладает уникальной возможностью под влиянием объективных и индивидуальных факторов трансформироваться и открывать те или иные возможности для смены сферы занятости и достижения индивидом желаемого социального статуса.

Новизна исследования состоит в раскрытии механизмов адаптации в профессиональной занятости, обеспечивающей человеку социальную включенность и материальное благополучие, в анализе профессиональной мобильности как формы адаптации к изменениям социальной среды в условиях наложения процессов технологического прогресса и трансформации общественно-политического строя.

Социология профессий как отдельное и самостоятельное звено социологии сформировалась еще в начале XX века и связана с именами П. Сорокина, Г. Спенсера, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и др. Изначально в нее входили такие направления науки, как социология труда, индустриальная социология, а также теории социальной стратификации и мобильности, социология образования.

Эти составные теоретические подходы оказали влияние, как на логику изложения материала, так и методологию изучения факторов, связанных с соответствующими направлениями исследования: *социология труда* для освещения проблем рынка труда (занятости, безработицы, миграции); *индустриальная социология*

служила пониманию на микроуровне природы и истоков «неформальности».

В рамках теории *социальной стратификации и мобильности* П.А. Сорокин рассматривал профессиональные различия как одну из трех форм социальных различий, что в свою очередь подразумевало различия как между профессиями (по роду деятельности, занятиям и по престижности самой профессии), так и внутри них (разделение на руководителей и подчиненных). Подходы *социологии образования*, предметом которой является исследование механизмов взаимодействия институтов образования и общества как ресурса развития, присутствуют в работе для раскрытия связи профессионального образования с возможностью адаптации.

Вопросы социальной адаптации, или социализации, рассматривались Э. Дюркгеймом, который считал эти два понятия синонимами, поскольку общество и человек «приспосабливаются друг к другу»⁵. М. Вебер⁶ отмечал, что первичен человек, а общество вторично (адаптируется тот, кто рационален, а не тот, кто нормативен). По мнению Э. Дюркгейма действиями человека руководят социальные нормы. При этом М. Вебер уточнял, что нормативное поведение обусловлено уровнем рациональности, привлекая других своим поведением, человека становится нормативом. Таким образом, по Веберу адаптивен тот, кто наиболее рационален. То есть М. Вебер подчеркивает первостепенность личного выбора, а Э. Дюркгейм – общества.

Т. Парсонс как представитель американской школы структурного функционализма рассматривал адаптацию как приспособление, которое происходит в результате действия познавательных и защитных механизмов, ведущих к равновесию: если оно есть – общество стабильно, а если его нет – возникает конфликт. В процессе выработки баланса индивид усваивает нормы, принятые в его среде. Используя понятие социальная среда, Т. Парсонс подразумевал непосредственное окружение индивида, с которым он взаимодействует.

⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 352.

⁶ Вебер М. Основные социологические понятия. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Для футуролога Э. Тоффлера адаптация – это принятие новых условий существования: привлекательности для человека возрастающего темпа жизни, когда «экономика постоянства неизбежно уступает экономике недолговечности»⁷.

Теория социальной мобильности П. Сорокина относительно вертикальной (восходящей и нисходящей) и горизонтальной направленности социальных перемещений в обществе сохраняет актуальность и объясняющую силу для событий, происходивших в России с начала 1990-х годов, когда менялась общественная формация и в результате системного кризиса с последовавшим обрушением экономики развивалась структурная и кризисная безработица.

Возможности поиска новой занятости в 1990-е годы кардинально изменились: возникновение большого числа частных фирм, часто с низким технологическим уровнем и отсталыми формами организации производства, усугубляло различия в состоянии общества. Эти изменения широко использовались безработными и занятыми (формально и неформально), готовыми занять любую позицию на рынке труда.

В массовом порядке в 1990-е годы происходила смена профессии как на менее сложную, когда инженеры и учителя становились торговцами и охранниками (*нисходящая социальная мобильность*), так и смены профессии на новую современную и востребованную, когда бывшие советские служащие, имевшие дипломы юристов и экономистов, становились адвокатами и бухгалтерами (*восходящая социальная мобильность*).

Таким образом, форма адаптации демонстрировала зависимость как от экономической конъюнктуры, так и от индивидуального выбора работника, его возможностей и готовности занять активную позицию на рынке труда. Одни вынужденно меняли *профессию* на *занятие*, которое приносило доход, другие – адаптировали свою профессию в соответствии с конъюнктурой рынка. На различие между профессией и занятием часто обращается внимание в западной литературе⁸. Для настоящей работы важно, что профессию

⁷ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. С. 51, 67.

⁸ В работах западных социологов профессии уделяется особое внимание именно с точки зрения возможности контроля, которое дают некоторые профессии,

отличает от занятия наличие самостоятельности содержания, хранения, передачи и расширения знаний, обусловленных рамками конкретной профессии, мотивации к деятельности и профессиональной карьере.

Имеющийся статистический материал позволил провести анализ меж-профессиональных перемещений в условиях изменения экономической и политической конъюнктуры на *трех* уровнях обобщения:

– *макроуровень* обобщения использовался для определения направлений динамики численности безработных, формально (далее ФЗ) и неформально занятых (далее НФЗ), возрастной структуры, масштабов внутренней трудовой миграции (далее ВТМ) в целом по стране и по отдельным регионам на базе официальных изданий Росстата;

– *средний уровень обобщения* применялся в первой, третьей и четвертой главах при анализе данных о профессиях безработных и занятых, в том числе ФЗ и НФЗ, их образовательном уровне, благодаря чему были выявлены, остававшиеся прежде скрытыми за общими показателями, закономерности профессиональных перемещений;

– *микроуровень* использовался в меньшей степени и был представлен опросами тех, кто подавал объявления о поиске работы в газету «Из рук в руки»⁹, а также кейс-стади в виде интервью с безработными, которые послужили наглядной иллюстрацией постоянного поиска временной занятости, что характерно для *прекариата*.

Исторический подход был необходим для того, чтобы показать экономический и политический фон, на котором происходили процессы замены советской плановой системы на рыночную, проанализировать, как менялась при этом социальная структура общества, систематизировать последствия этого перехода, отделяя разрушительные процессы от созидательных, и, главное, увидеть

подчеркивая этим различие между занятием и профессией: «Профессия – это не вид занятия, а средство контролировать занятие. Профессионализация – это не процесс модернизации вида труда, а политический процесс получения большего контроля над ним». (Abbott A. The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago, 1988. P. 26).

⁹ Безработица в постсоветской России: социальная компонента. Социально-трудовые исследования. Выпуск XVII. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 114.

возможности адаптации рабочей силы на рынке труда в новых условиях.

В начале 1990-х годов в Россию отечественными реформаторами были привнесены идеи неолиберализма, которые к тому времени сменили господствовавшие до этого в мире идеи кейнсианства о государственном регулировании. Идеи, подразумевающие свободу рынка, в середине 70-х – начале 80-х годов XX века были претворены в жизнь М. Тэтчер в Англии, Р. Рейганом – в США. С тех пор приятие и большие надежды на неолиберализм обернулись во многих его аспектах его критикой. В отношении рынка труда – это возрастание доли институционально незащищенной рабочей силы и развитие новых форм занятости, представленных многочисленной армией прекариата, которая по некоторым оценкам составляет от 30% до 50% активного населения в мире¹⁰.

В России реформы 1990-х и последовавших за ними лет изменили состав и численность профессиональных групп рабочей силы. Общемировая тенденция перехода к постиндустриальному развитию совместилась в России с разрушением советской системы, кризисными явлениями, которые наложились друг на друга. Кризисная безработица, последовавшая за структурными реформами, стремительно изменила состояние рынка труда. Уровень безработицы как производная от совокупности различных факторов – экономических, политических, а также отношения к ним со стороны участников рынка труда под влиянием всего этого постоянно менялся, что позволило выделить в исследуемом 30-летнем периоде *временные* отрезки, каждый из которых отличался уровнем безработицы и формой профессиональной адаптации¹¹.

Профессиональная мобильность рабочей силы, анализируемая на протяжении всей работы для ФЗ, НФЗ и ВТМ, выражалась в массовой и обвальной смене профессий. Сутью этих перемен была дихотомия обновления и кризиса: с одной стороны появился запрос на развитие сферы услуг (в том числе высокопрофессиональной в области финансов и коммерции), а с другой – происходило абсолютное сокращение

¹⁰ Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. N.-Y.: Bloomsbury academic, 2011. P. 209.

¹¹ ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2020. URL: www.ilo.org/wesodata.

занятости в промышленных профессиях (которые затрагивала смена технологий), пропагандистско-идеологических профессиях, связанных с советской системой учета-контроля и планирования; а также неконкурентоспособных профессиональных группах, вытесненных импортом и челночной торговлей (преимущественно в легкой и пищевой отраслях).

Адаптация рабочей силы приобрела восходящий (число юристов возросло более чем в 90 раз за 2 года¹²) и нисходящий характер как форма социальной мобильности, что выражалось в растущей численности уличных торговцев (в абсолютных цифрах) в 50 раз, дежурных, диспетчеров, осматривающих – более чем в 13 раз.

В настоящей работе занятые и безработные, а также учащиеся профессиональных учебных заведений рассматриваются как активные участники единой системы, то есть как органическая целостность индивидов, деятельность которых нельзя понять и объяснить вне этого целого, поскольку существует «особый для каждой системы способ связи ее элементов, благодаря которому система функционирует и развивается..., способ связи, который представляет не что иное, как структуру системы»¹³.

В 1990-е годы это «целое» было разрушено и, возникающая под влиянием рыночных отношений и постиндустриального развития, новая целостность создавала новые связи и отношения, что предполагало и новые механизмы ее жизнедеятельности, «ее структуры как комплекса устойчивых связей и отношений системы»¹⁴.

Эмпирический анализ профессиональной структуры занятости и безработицы, образовательного уровня, а также формальной и неформальной занятости проведен в главах 1, 2 и 3. Для достижения поставленных целей из более, чем 80 профессиональных групп (используемых Росстатом¹⁵ как базовые) были отобраны

¹² Специалисты с высшим юридическим образованием, занятые прежде в советской системе, переквалифицировались в юристов для работы в коммерческих фирмах, банках и пр. См.: Хохлова М.Г. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. Безработица в постсоветской России: социальная компонента. Социально-трудовые исследования. Выпуск XVII. М., 2005. С. 64–76.

¹³ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. С. 45–46.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Группировка профессий, используемая Росстатом, соответствует принятой в МОТ, ОЭСР и МВФ.

29, в которых численность рабочей силы составляла более 1 млн. человек. Также анализировались не столь многочисленные, но «знаковые» для новой рыночной экономики профессии: юристы, бухгалтеры, охранники и некоторые другие. То есть критерием выбора служила возможность, во-первых, максимально полно отразить состав рабочей силы, во-вторых, увидеть происходящие изменения.

Строение монографии определяется ее целью – проанализировать, от каких условий зависит наличие профессиональной занятости, которая обеспечивает социальную адаптацию, какую роль в этом играет образование. Изучение проблемы массовой вертикальной нисходящей социальной мобильности особенно актуально, когда реальностью глобального мира является прекаризация, захватывающая, по некоторым оценкам, до половины рабочей силы, преимущественно молодежь.

В Главе 1 рассматривается профессиональная занятость как важнейший фактор социальной стратификации и социального статуса индивида: значимость его социальной роли, определяемая его участием (местом) в разделении труда в обществе; стиль его жизни; статусное положение, или престиж профессии¹⁶.

Внимание акцентируется на изменении понимания *социального статуса* по мере возрастания значения *качества жизни* и с появлением возможности «приобретать» статусные блага независимо от формального статуса профессии. Следовательно, в условиях роста значения качества жизни изменяется понятие профессионального статуса.

Проблема занятости анализируется сквозь призму ее противоположности – безработицы, которую, согласно опросам, более трети граждан РФ воспринимают как главное социальное зло. Учитывая масштаб перемен, происходивших тогда в стране, формально безработица, тем не менее, удерживалась на сравнительно низком уровне за счет ряда административных ухищрений (высокого уровня она достигла лишь однажды в 1998 г. – 13,3%). Тем не менее, можно констатировать высокую степень адаптивности рабочей силы благодаря массовой смене профессий, происходившей в крайне

¹⁶ Профессиональные группы в модернизирующемся российском обществе. Отв. ред. Мансуров В.А. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 220 с.

неблагоприятных условиях кризиса и параллельной трансформации структуры рынка труда.

Показатели динамики численности профессиональных групп занятых и безработных были рассчитаны автором с использованием большого массива статистики из официальных источников за период 1992–1994(6) гг. Эти годы были показательны для понимания механизма замены существовавшей прежде профессиональной структуры рабочей силы, которая практически полностью обнулилась, и стремительного начала формироваться новая. В 1998–2002 гг., следующем периоде наблюдения¹⁷, статистический анализ свидетельствует о других тенденциях, свойственных началу этапа стабилизации в экономике.

Глава 2 посвящена профессиональному образованию как перспективной и масштабной *форме регулируемой адаптации*. История формирования мировых образовательных систем, свидетельствующая о безусловной самоценности образования и его роли в формировании личности, тем не менее, говорит и о том, что массовое образование всегда преследовало прагматические цели. Критерием их достижения была последующая трудовая деятельность выпускников образовательных учреждений (по приобретенной ими профессии). Таким образом, и профессиональная социализация выступала доминирующей целью.

Профессия является изменяемой социальной характеристикой человека, на которую можно влиять, а наличие профессии и образования – «сильным средством» для социализации и адаптации. Система образования социалистического государства, наследником которой является Россия, занимала особое место среди мировых систем образования. Ее бесплатный характер имел несомненное значение для повышения культурного и образовательного уровня, необходимого самым широким массам для их адаптации как строителей индустриальной экономики.

1990-е годы принципиально изменили ситуацию: «заказ» на образование стали формировать сами учащиеся, часто не имея

¹⁷ В статистике учитывается последняя профессия, по которой работает занятый или работал безработный, но к этому времени люди уже много раз могли ее сменить, и это была уже «новая» профессия, возможно, полученная «наспех», а не та первоначальная – результат продуманного выбора и обучения.

ни объективной возможности, ни личной установки работать по полученной профессии. В результате изменений, произошедших в экономической и политической сферах (либеральные реформы и рыночная экономическая модель в конце XX в., технологические изменения и цифровизация в начале XXI века) вопросы профессиональной социализации не были решены и продолжали оставаться делом *индивидуального выбора*. Об этом может косвенно свидетельствовать тот факт, что более половины выпускников профессионального обучения не работают по полученной специальности.

Формы стихийной адаптации рассматриваются в Главе 3:

- неформальная занятость;
- внутренняя трудовая миграция;
- участие в социальной экономике.

Неформальная занятость продолжает сохраняться на достаточно высоком уровне в мире (хотя и сильно колеблется в зависимости от страны), а в России даже наблюдался ее определенный рост: за 10 лет (2001–2010 гг.) она увеличилась, согласно данным Росстата, на 40,8% (или на 3327 тыс. человек). Так, она росла в экономически благополучные 2002–2007 гг. (к 2007 г. она достигла 18,3% от численности всех занятых), в 2007–2014 гг. она выросла еще на 1,8 п.п., а в 2019 г. ее доля составила более 21% (§ 3.2)¹⁸.

Феномену неформальной занятости уделено в монографии значительное внимание: ее отличию от самозанятости, сравнению политик различных государств, причинам ее относительно высокого уровня.

В отличие от форм незаконной деятельности, которая преследуется статьями *уголовного* права, неформальная занятость, легальная по своей сути, тем не менее, подпадает под действие статей *административного* права из-за неуплаты налогов и отсутствия регистрации в качестве юридического лица. Эти различия в мере ответственности являются определяющими, однако, не исчерпывающими для используемых терминов, которых насчитывается в мире несколько десятков.

¹⁸ Уровень безработицы в эти годы сокращался и, соответственно, составлял в 2007 г. – 5,7%, 2008 г. – 7%, 2014 г. – 5,2%, 2019 г. – 4,4%, что может говорить об адаптации значительной части безработных именно за счет неформальной занятости. Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020. М.: Росстат, 2020.

Отношение государства к неформальной занятости можно охарактеризовать в двух словах: неодобрение, но неизбежность. С одной стороны, НФЗ уменьшают налоговые поступления в казну, сокращают правовое поле трудовых отношений, а с другой – для многих миллионов неформальная занятость является источником средств к существованию. Проводимые меры способствовали сокращению НФЗ в мире за 10 лет (2002–2012 гг.) примерно на 2–3%¹⁹.

НФЗ достаточно мобильный сегмент рынка труда, часто наиболее готовый к смене занятий. Их положение проблематично и они, как увеличительное стекло, показывают состояние и рынка труда, и экономики в целом. Росстат начал фиксировать данные о НФЗ с 2001 г., когда уже в полной мере проявили себя рыночные тенденции в экономике и в полной мере ощущалось их влияние на распределение профессий между секторами формальной и неформальной занятости.

Для сравнения профессиональной динамики НФЗ и ФЗ используется та же методика, что и для сопоставления динамики профессионального состава занятых и безработных. При том, что глубочайшие кризисные и структурные изменения, происходившие в российской экономике, оказывали воздействие на всю рабочую силу, были выявлены различия в профессиональных «предпочтениях» НФЗ. Большею частью НФЗ были сосредоточены в профессиях, требующих малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве, строительстве и услугах. Однако, некоторая часть НФЗ, обладающая весьма востребованными в рыночной экономике профессиями, оказалась подвержена влиянию *кризисных* явлений в меньшей степени, а их «самочувствие» при *структурных* изменениях было иным. Эта подготовленная часть рабочей силы быстро реагировала на конъюнктуру рынка и шла, прежде всего, в сферу квалифицированных услуг в качестве фрилансеров.

Несмотря на относительно небольшое число НФЗ – обладателей современных профессий, этот феномен указывает на двойственный характер неформальной занятости. Под влиянием реальных запросов экономики и императивов рыночной конкуренции происходит

¹⁹ ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2020. URL: www.ilo.org/wesodata.

формирование современного рынка труда, на котором мобильная и образованная часть НФЗ, не связанная «формальностями», быстро улавливает тенденции.

Внутренняя трудовая миграция, рассматриваемая в настоящей монографии как еще один вид стихийной адаптации, способна стать нормой жизни современного человека. Особенно это относится к молодым людям, представляющим собой качественно новое поколение, выросшее в условиях развития информационных технологий, позволяющих им ощутить себя частью глобальных процессов. Учебная иммиграция из СНГ рассматривается как перспективная форма адаптации выпускников профессиональных учебных заведений для их дальнейшей работы в России.

Внутренняя трудовая миграция и в прошлом была значимым источником формирования трудовых ресурсов. Преимущественно это были восточные территории России, которые обживались и осваивались мигрантами. Для их адаптации на новом месте были разработаны законы и изучены стимулы, многие из которых остаются актуальными. Немаловажным позитивным фактором для адаптации мигрантов до сих пор является осознание общего культурного прошлого и знание русского языка, что, однако, постепенно может утрачиваться.

Приводятся научные подходы, с позиции которых иногда рассматривают причины, побуждающие к миграции: неолиберальный, центр-периферия, текучая миграция, миграция за образованием, стремление изменить стиль жизни и социальный статус.

Менее благоприятные условия жизни в местах исхода приводят к обезлюдиванию целых регионов, в результате проблема трансформируется в разработку мер, способствующих адаптации коренного населения. В качестве возможности закрепления рабочей силы в местах их постоянного проживания предлагается самоорганизация как одна из форм институционального развития на местах. В обществе сформировался запрос на так называемую модель социальной экономики, которая широко применяется в Западной Европе, где доля таких предприятий в ВВП некоторых странах составляет до 10%.

Глава 4 посвящена проблемам трансформации рынка труда под влиянием прихода нового поколения. Молодежный рынок

труда – своего рода прогноз на будущее. Подростки, чьи представления и мечты о будущем складываются в конкретных условиях той социально-политической и экономической реальности, в которой проходит их молодость, сохраняют черты своего поколения на протяжении своей жизни, подобно тому, как, например, возрастная когорта, социализировавшаяся в 1990-х гг., характеризует современный рынок труда.

Являясь мобильной и уязвимой частью рабочей силы, молодежь быстро реагирует на происходящие изменения (вектор ее жизни часто еще не определен), благодаря чему она весьма адаптивна.

Сравнение уровней общей и молодежной безработицы используется в качестве критерия успешности процесса профессиональной адаптации, разница между которыми, как правило, отражает реальное положение молодежи на рынке труда в стране. Чем эта разница меньше, тем лучше ситуация с молодежной занятостью, и наоборот.

Неравномерность регионального развития в России отражается на доле безработной молодежи, треть которой считают ее главной причиной неудовлетворенности своей жизненной позицией. Как показывают опросы, проблема профессиональной адаптации воспринимается молодыми людьми как чрезвычайно важная. В свою очередь сравнение реальной доли безработных в регионах не всегда коррелирует с долей молодежи, обеспокоенной по этому поводу.

Противостоять негативным последствиям глобализации способны национальные институты, которые могут стать препятствием стихийным явлениям, смягчать и направлять их воздействие в определенное русло. В § 4.3 рассматривается европейский опыт содействия адаптации молодых людей в переходе *школа-работа*, а также в системе дуального образования в германоязычных странах, которые, по словам Й.Н. Шнайдер-Аммана, президента Швейцарии в 2016 г. (он же министр образования), не знакомы с понятием «молодежная безработица». Проблемы профессиональной адаптации и изучения позитивного опыта других стран актуальны с точки зрения стратегических интересов России

Заключение содержит выводы о масштабах изменений в профессиональном составе и образовательном уровне рабочей силы,

их воздействию на социальную структуру российского общества в 1990-е годы. Данные изменения рассмотрены с точки зрения их роли в адаптации населения к кардинальным сдвигам в обществе.

Основываясь на анализе механизмов адаптации к произошедшим кардинальным сдвигам, выдвигается гипотеза о необходимости использования накопленного опыта кризисной адаптации и в процессе преодоления современного кризиса, вызванного пандемией.

При разработке многих аспектов социально-экономической политики следует учитывать, что ячейки «сита» профессионального отбора будут становиться все более мелкими, что усугубит необходимость постоянной «подгонки» профессиональных знаний к часто изменяющейся ситуации, что профессиональная структура будет и дальше усложняться, следовательно, возрастет угроза углубления социального неравенства, в том числе и по профессиональному признаку.

В 1990–1992 гг. на рынке труда проявились закономерности профессиональной адаптации рабочей силы, которые можно было наблюдать совсем недолго, подобно вспышке на солнце, позволяющей ученым делать открытия. Отечественный опыт представил исключительный материал для понимания механизма формирования новой структуры рабочей силы, свидетельствуя о том, как профессия в переломные моменты может быть социальным институтом, позволяющим человеку адаптироваться, моделируя свой социальный статус согласно обстоятельствам.

Знаковые перемены 1990-х и 2020-х годов имеют разные причины: системные явления в первом случае и технологическая революция, ускоренная пандемией, – во втором. Происходящие фундаментальные трансформации на рынке труда под влиянием технологической революции и всепроникающего интернета, вносят изменения в разделение труда и профессиональную структуру. Пока лишь можно делать оценки и строить гипотезы относительно масштаба той социальной мобильности, которая этим обусловлена, поскольку социальная наука – это наблюдатель, который делает окончательные выводы из уже имеющихся достоверных статистических наблюдений. Несмотря на то, что

в основе трансформационного кризиса 1990-х и происходящей технологической революции 2020-х годов лежат различные причины, методологическая база исследования и метод сравнительного анализа динамики занятости/безработицы по профессиям, использованные в работе, будут иметь объясняющую силу для понимания масштаба современных перемен профессионального, а следовательно, и социального характера, что позволит получить представление о том, что происходит со структурой рабочей силы в настоящее время.

Глава 1

Изменение численности профессиональных групп занятых и безработных в переходный период

Профессиональный состав рабочей силы отражает постоянный поиск его баланса с экономической структурой общества. Усложнение и масштабность производства требуют все большее количество профессионально подготовленных людей по разным направлениям, что приводит к росту новых профессий. В настоящей работе профессии (также занятия) рассматриваются как элементы, связанные между собой в единую систему и образующие профессиональную структуру. Под структурными изменениями в работе понимается череда мощных социальных сдвигов в российском обществе обусловившая и такие процессы как смена профессии и занятия подавляющей частью рабочей силы.

1.1. ПРОФЕССИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ

Изменение профессионального состава рабочей силы (занятых и безработных), численность которой составляет более 75 млн. человек, или более половины населения страны, затронуло таким образом большую часть российского общества, для которой наличие или отсутствие профессиональной занятости являлось главной компонентой их *социального статуса*, включающей место в общественном разделении труда, а благодаря заработку и мерилом качества жизни.

Определение профессии как «особого рода деятельности индивидуума, имеющей рыночную стоимость, которой этот индивидуум занимается с целью получения дохода, и которая предопределяет его социальное положение» часто цитируется в литературе²⁰.

²⁰ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учебное пособие. М.: Наука, 1995. 237 с.

Значение профессии многопланово:

- такие ученые, как П. Сорокин, Т. Парсонс стремились подчеркнуть отличие профессии от занятия наличием самостоятельных знаний, обусловленных автономностью конкретной профессии, привлечением и направленностью подготовки новых кадров; заинтересованностью в целесообразности итогового результата деятельности профессиональной группы;

- при этом в рамках профессии не только хранятся и передаются накопленные профессиональные знания, но и расширяется их спектр за счет инноваций под давлением рынка, что может приводить к возникновению новых функций для профессии и тем самым менять ее статус-кво²¹. Изменение общественной значимости может влиять на получение представителями отдельных профессий контроля над общественными процессами;

- профессиональная занятость переносит усилия человека в сферу трудовой деятельности, что позволяет оценить ее результаты по конкретным показателям. Успешная профессия дает ощущение социальной «устроенности» и благополучия, смягчает социальную напряженность, даже если отдельные группы остаются на различных ступенях социальной лестницы;

- являясь важной социальной характеристикой человека, профессиональная занятость имеет существенные отличия от других его характеристик. Так, если гендер, место рождения, возрастные и этнические характеристики – это объективная данность, то профессиональные навыки, образование, хотя и обладают некоторой инертностью, тем не менее, изменяются на индивидуальном уровне исключительно быстро, являясь средством адаптации индивида к рыночным требованиям и новой реальности.

При том, что образование и профессиональная занятость представляют собой осознанный выбор, сделанный самим человеком, и этот выбор он может менять в течение жизни – одновременно это и «... социальный ярлык, который возникает в результате усложняющегося разделения труда и становится, во-первых, элементом идентичности, а во-вторых, параметром социальной структуры общества»²².

²¹ Гульбрандсен Т. Элиты и профессионалы. МЭиМО, 2016, № 11. С. 71–83.

²² Романов П., Ярская-Смирнова Е. Антропологические исследования профессий. Сборник научных статей. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2005. С. 35.

Понимая профессию²³ как «значимую социальную роль индивида», которая определяет: 1) участие (место) человека в разделении труда в обществе; 2) стиль его жизни²⁴; 3) статусное положение или престиж профессии, можно проследить и некоторые новые возможности в формировании этой роли. Новые особенности появились после того, когда разрабатывалась концепция «социального лифта»²⁵.

Социальная значимость профессии для индивида наиболее заметна в следующих сферах:

Участие (место) человека в разделении труда в обществе. Структура профессионально-квалификационной занятости формируется под существующую экономическую базу страны, которая служит механизмом активации возможностей отдельных профессиональных групп²⁶. Она определяется как необходимый набор профессионально-квалификационных характеристик, которые требуются от индивида. Безработица, наоборот, – это деактивация тех, в ком экономика перестает нуждаться.

Утрата значения многих старых профессий и появление новых в структуре занятости наблюдается как общая тенденция в мире²⁷. Однако процесс меж-профессиональных перемещений в России в 1990-е годы определялся и иными факторами. Первоначальным

²³ Мансуров В.А., Юрченко О.В. Выбор профессии и профессиональное образование: исторический ракурс. Материалы Международной научной конференции Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений 14–15 апреля 2011. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. С. 58.

²⁴ Более широкое понятие стиль жизни в настоящей монографии рассматривается с позиции социологической категории качества жизни, то есть того, что включают *Human Development Index*: ожидаемую продолжительность жизни; образование, минимальное обязательное образование; ожидаемое количество лет обучения в школе; доходы (доход на душу населения, посчитанный по паритету покупательной способности).

²⁵ Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Академия, 2005. 588 с.

²⁶ Волошина И.А., Новиков П.Н., Зуев В.М. Понятие профессии в составе профессионально-трудовой и образовательной терминологии. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2016, № 10. С. 87.

²⁷ Эти явления рассматриваются в работах, например: Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., Попова И.П., Семенова А.В. Профессиональные династии как социальный механизм воспроизводства профессиональных групп: на примере инженерных династий России. // Международная научно-практическая конференция: XXI Уральские социологические чтения. «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития»: (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 53–59; Гульбрандсен Т. Элиты и профессионалы. МЭМО, 2016, № 11. С. 71–83.

импульсом послужили социальные потрясения, которые, с одной стороны, открыли путь инновационному развитию экономики, а, с другой – имея стихийный характер, они исключительно быстро до основания разрушали многие из существовавших профессий: сокращался человеческий потенциал в науке, в высокотехнологических областях уменьшалось число молодых специалистов (где и поныне средние возрастные группы меньше представлены).

Такие перемены в профессиональной занятости носили социальный характер. Изменения в уровне жизни людей, происходившие со сменой сферы занятости, становились все более знаковыми. При этом часто менялась социальная среда и установки людей, изменения происходили как в материальном положении, так и в сознании, что формировало новую социальную структуру российского общества.

Стиль или качество жизни. Появление возможности полнее удовлетворять свои потребности (определяющие качество жизни) за счет профессиональной занятости в конъюнктурных областях, изменило традиционную оценку статуса профессии. В условиях недостаточного развития социальной сферы, низкого уровня жизни в стране в целом все чаще приоритетом становится высокое качество индивидуального потребления, когда человек может заявлять о своем месте в обществе, обеспечивая себе и своим близким соответствующие стиль и качество жизни.

Таким образом, происходящая смена потребностей людей и возможностей их удовлетворения обуславливает доминирующее значение экономической составляющей профессии, дающей возможность улучшить качество жизни, поэтому социально-статусная оценка профессиональной деятельности также трансформируется.

Статусное положение или престиж профессии. Люди, живущие в неудовлетворительных бытовых или материальных условиях, могут отказаться от более сложного характера труда, соответствующего их профессиональному уровню (диплому), в обмен на более высокую заработную плату ради тех благ, которые они при этом могут приобрести. Известны случаи, когда дипломированные специалисты, и даже кандидаты наук, предпочитали работать охранниками и вахтерами в отраслях нефтяной и газовой промышленности.

Межпрофессиональные перемещения в 1990-е годы были тесно связаны с изменением социального статуса. На рис. 1.1.1

в схематическом виде представлена социальная направленность профессиональных перемещений.

Рис. 1.1.1. Профессиональная адаптация рабочей силы

I группа профессий	II группа профессий	III группа профессий
Вертикальные восходящие перемещения	Горизонтальные перемещения без сдвигов в вертикальных позициях	Вертикальные нисходящие перемещения

Несмотря на то, что ни экономическая, ни тем более политическая мобильность рабочей силы не рассматриваются отдельно в настоящей работе, тем не менее, следует отметить, что и то, и другое являлось значимыми установочными векторами для многих людей в процессе структурной ломки 1990-х годов, а профессия при этом приобретала новый контекст. Профессиональная мобильность (как одна из составляющих социального статуса) находилась во взаимодействии с экономической и политической²⁸ мобильностью. Они тесно переплелись между собой в российской действительности, часто именно профессия была драйвером дальнейшего социального восхождения.

Для одних (группа I) – адаптировать свою профессию и «вписаться» в новые условия, приобретая тем самым новый социальный статус (адвоката, бизнесмена и др.), означало, что, даже не меняя профессию, эта часть рабочей силы могла получить доступ к благам в новой экономической и политической реальности.

Несмотря на происходившие изменения, прежняя профессиональная структура сохранялась, хотя и в усеченном виде (группа II) и характеризовалась горизонтальными перемещениями без сдвигов в вертикальных позициях.

Для большей части активного населения смена профессии была возможностью выжить в сложных условиях кризиса (многие инженеры и учителя вынуждены были менять профессию на различные занятия). Такая нисходящая индивидуальная профессиональная адаптация (группа III) в 1990-е годы происходила в массовом порядке.

²⁸ Сорокин П.А. Социальная мобильность. С. 304.

Социальная политика государства, являясь самостоятельным и очень важным направлением исследований, рассматривается в работе опосредованно как готовый результат всей совокупности принятых и непринятых государством мер, что имеет важное практическое значение для учета недоработок и выработки политики государством. В следующем параграфе представлена периодизация российской безработицы, где показано отношение государства к ситуации на рынке труда и то, какие меры оно принимало или не принимало на каждом новом ее витке.

1.2. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Ситуация на рынке труда является производной многих переменных: динамики развития экономической ситуации, продолжительности и глубины циклических кризисов как в мире, так и в России, а также целого ряда социальных факторов и политических решений и в немалой степени адаптивного потенциала населения в трудоспособном возрасте. Периоды безработицы в России (табл. 1.2.1) выделены исходя из ситуации на рынке труда.

Таблица 1.2.1.

Численность и уровень занятости/безработицы в России в 1992–2019 гг.

		1992	1998	1999	2007	2008	2013	2014	2019
Занятые	тыс. чел.	71171	58464	63633	70814	70603	72324	71539	71968
	%	67,1	53,0	57,4	63,2	63,1	64,8	65,3	59,4
Безработные	тыс. чел.	3889	8938	9158	4246	5289	4264	3889	3334
	%	5,2	13,3	12,6	5,7	7,0	5,5	5,2	4,4
Среди них зарегистрированные безработные	тыс. чел.	578	1929	1263	1553	1552	918	877	730
	%	0,8	2,9	1,7	2,1	2,0	1,2	1,2	0,9

Источники: Обследование рабочей силы в Российской Федерации: бюллетень 2019. М.; Росстат, С. 1;

Труд и занятость в России. М.: Росстат, 2017. С. 42, 44, 76, 78.;

Российский статистический ежегодник. 2003. М.: Росстат, 2003. С. 129.

В России данные по безработице публикуются Росстатом с 1992 г., когда с началом экономических реформ она была легитимирована и стала фиксироваться государственной статистической службой. До этого факт безработицы в стране отрицался, и она пребывала «в тени»²⁹. За последовавшие за этим почти три десятилетия безработица стала серьезным фактором жизни многих людей, различавшимся в зависимости от региона, возраста. Особенно серьезную проблему она стала представлять для молодежи.

Формы безработицы, как правило, весьма многообразны и в них фокусируются изменения, происходящие в экономической (кризис, фаза цикла – спад/подъем), социальной (уровень профессиональной подготовленности и готовность работать) и политической (стратегии государства) сферах жизни страны.

Уровень регистрируемой безработицы в России (табл. 1.2.1) был в 4–7 раз ниже уровня общей безработицы (рассчитываемой по методике МОТ), поскольку безработные просто не видели смысла регистрироваться в службах занятости, хотя таковые существовали, и оказывали помощь по переобучению безработных. Однако государственные мероприятия не охватывали рынок труда в достаточной мере, и в целом процесс развивался стихийно.

На каждом этапе динамики безработицы и реакция государства и населения имели свои особенности:

1992–1998 гг. В результате общего падения производства число занятых в этот период сократилось более чем на 12,7 млн. человек, а число безработных возросло более чем на 5 млн. человек, составив почти 9 млн. человек. Уровень безработицы вырос с 5,2% в 1992 г. до 13,3% в 1998 г. – это была его высшая точка (табл. 1.2.1).

Интереснейшим феноменом в 1990-е годы была профессиональная адаптация безработных. Отрицательная динамика по целому ряду профессий среди занятых и безработных

²⁹ Клопов Э.В. У истоков рыночной трансформации сферы занятости: отмена «фланговых» ограничений рынка труда (легализация безработицы и снятие запретов на вторичную занятость). *Varia*. (Материалы изучения сферы труда). Социально-трудовые исследования. Вып. XIV. М.: ИМЭМО РАН, 2000. С. 94–123.

свидетельствует о том, что не только сокращалось число занятых в целом ряде профессий, но и претендентов из числа безработных становилось меньше на эти рабочие места (табл. 1.2.2). Казалось бы, сокращение вакансий по определенным профессиям должно увеличивать и число безработных по ним, но возникало явление «бегства» от целого ряда профессий и претендентов становилось заметно меньше (то есть безработных в них).

Поскольку изменения носили системный характер, в результате становились невостребованными целые группы профессий. Прежде всего, это были профессии, наличие которых было обусловлено советской системой, требовавшей постоянного «учета и контроля», а также профессии, так или иначе связанные с идеологией советского государства и его управлением (избранные и освобожденные работники общественных организаций, а также отчасти – руководители, работники культуры, специалисты по кадрам и профориентации).

Происходившая деиндустриализация экономики и появление рыночного хозяйства, преимущественно ориентированного на развитие сферы услуг, уменьшало спрос на массовые промышленные профессии (прессовщики, штамповщики по металлу, аппаратчики, сортировщики, комплектовщики). Многие профессии были вытеснены импортом и челночной торговлей. Особенно это ощущалось в легкой и пищевой промышленности – маслоделы, пекари, тестоводы, вафельщики (табл. 1.2.2).

То есть происходило бегство из профессий, о чем свидетельствует сокращение уровня безработицы в данных профессиональных группах в условиях жесткого кризиса, когда, теряя работу, в свою профессию уже не возвращались.

Следует особо отметить, что этот процесс был стремительным: если сравнить периоды 1992–1994 и 1992–1996 гг. (табл. 1.2.2), то показатели практически не отличаются. То есть всего за два года, уже к 1994 г. структура профессиональной занятости поменялась.

Несмотря на глубину трансформационного кризиса на протяжении всего переходного периода в России, безработица, тем не менее, удерживалась на непропорционально низком уровне.

Таблица 1.2.2.

**Профессии безработных
с нисходящей динамикой (группа III)
в 1992–1996 гг., п.п.**

Профессиональные группы	1992–1994	1992–1996
Избранные освобожденные работники общественных организаций	-0,34	-0,38
Изготовители масло-сырной продукции	-0,71	-0,72
Специалисты по кадрам	-1,08	-1,08
Пекари, тестоводы	-1,9	-1,9
Арматурщики, асфальтоукладчики	-1,44	-1,61
Аппаратчики	-3,04	-2,98
Контролеры, пробоотборщики	-2,49	-2,63
Прессовщики, штамповщики (металл)	-0,51	-0,63
Лаборанты, замерщики	-1,13	-0,95
Бисквитчики, вафельщики	-2,37	-2,43
Специалисты по обслуживанию ЭВМ	-0,98	-1,18
Специалисты в области культуры	-2,06	-2,07
Руководители	-4,1	-4,46
Сортировщики, комплектовщики*	-1,46	-15,46

Источник: рассчитано автором. См. Хохлова М.Г. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. // Социально-трудовые исследования. Выпуск XVII. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 67.

*Примечание – это преимущественно рабочие с общим средним образованием.

Наряду с этим, как среди занятых, так и среди безработных были представители и весьма востребованных на рынке труда профессий (табл. 1.2.3). Это отражало меняющуюся структуру экономики страны. Рост занятости шел параллельно с ростом претендентов в среде безработных, желающих работать по этим профессиям.

Таблица.1.2.3.

**Профессии занятых/безработных,
имевшие восходящую динамику
в 1992–1996 гг., п.п.**

Профессиональные группы	Занятые	Безработные
Водители	+7,33	+6,8
Учебно-воспитательный персонал	+5,04	+1,64
Специалисты в области коммерции	+4,56	+4,64
Специалисты в области здравоохранения	+3,81	+1,18
Слесари	+3,63	+4,75
Горничные, кастелянши	+2,98	+2,3
Выгрузчики, фасовщики	+1,57	+2,51
Машинисты дорожно-строительных машин	+1,45	+0,75
Дежурные, диспетчеры, осмотрщики	+0,71	+0,49
Специалисты по праву	+0,45	+0,21
Продавцы рынка, уличные торговцы	+0,85	+0,39

Источник: рассчитано автором. См. Хохлова М.Г. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 67.

1999–2007 гг. Начиная с 1999 г. уровень безработицы стал постепенно снижаться и достиг в 2007 г. 5,7%, что стало минимальным зафиксированным показателем за этот период, а уровень занятости увеличился почти на 5,8 п.п. (табл. 1.2.1). Происходило умеренное увеличение числа квалифицированных работников высшего и среднего уровня (табл. 1.2.4). Соотношение занятых и безработных свидетельствовало о некоторой стабилизации профессионально-образовательной структуры: рост числа занятых сопровождается падением числа безработных в одних профессиях и, наоборот, сокращение числа занятых приводило к росту безработных в других. То есть это уже были в значительной части профессии (*2 группа профессий*), из которых не наблюдалось массового бегства.

**Динамика численности занятых/безработных
по профессиям в 1998–2002 гг., п.п.**

Профессиональные группы	Занятые	Безработные
1 группа профессий		
Квалифицированные работники товарного с/х	+2,02	+1,36
Операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования	+0,26	+1,16
Операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики промышленных установок	+0,15	+0,31
2 группа профессий		
Прочие специалисты высшего уровня квалификации	+0,76	-0,61
Другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких предприятий	-0,68	+0,34
Работники сферы индивидуальных услуг и защиты собственности	+0,56	-1,51
Специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных видов деятельности	+0,38	-1,51
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации	+0,16	-0,7
Специалисты в области биологических и с/х наук	+0,07	-0,07
Специалисты в области образования	+0,06	-0,06
Специалисты в области естественных и инженерных наук	+0,03	-1,85
3 группа профессий		
Средний персонал в области финансово-экономической и административной деятельности	-0,05	-1,02
Рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и строительных работах	-0,12	-2,88
Специалисты среднего уровня и вспомогательный персонал	-0,16	-0,88
Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	-0,24	-2,04
Специалисты среднего уровня в сфере образования	-0,28	-0,54
Профессии рабочих транспорта и связи	-0,28	-0,66
Руководители	-0,59	-0,78
Водители и машинисты подвижного оборудования	-0,73	-2,11
Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	-1,72	-4,82

Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 75–76.

Таким образом, по сравнению с предыдущим периодом смена профессии занятыми и безработными в большинстве профессий выглядит более «логичной». Сокращение занятых в профессии ведет к увеличению в ней безработных и, наоборот, увеличение занятости в других профессиях ведет в них к уменьшению безработных, что характерно для периодов, когда профессионально-квалификационная структура более или менее стабилизировалась. Лишь некоторые профессии в сельском хозяйстве демонстрируют иную динамику. По-прежнему сокращаются профессии, характерные для горнодобывающей промышленности и некоторые другие, но уже с заметно меньшей динамикой. После 1998 г. достаточно обширная категория профессий, которые можно было назвать перспективными в предыдущий период, попали в группу относительно убывающих, что, скорее всего, свидетельствовало о насыщении рынка. Это, например, затронуло средний персонал в области финансово-экономической деятельности.

2008–2013 гг. После завершения предкризисного периода относительной стабилизации с августа 2008 г. вновь наблюдается рост безработицы – и это при том, что обычно в летние месяцы происходит рост занятости за счет сезонных работ, а безработица снижается за счет этого фактора. Любопытно также, что падение производства статистика зафиксировала только на рубеже сентября/октября 2008 г.³⁰ в то время как уровень безработицы стал возрастать уже с августа 2008 г. В январе 2009 г. он уже составлял 8,7%, а в марте – 10,0%.

Число безработных в марте 2009 г. составило 7,5 млн. человек, что, казалось бы, не так плохо по сравнению с кризисным 1998 г., когда безработных было вдвое больше. Однако новый виток безработицы развивался столь стремительно, что только за 8 месяцев кризиса число безработных возросло на 3 млн. человек (в то время как за 6 лет предыдущего периода – немногим более чем на 5 млн. человек).

В отличие от 1990-х годов, когда в условиях экономического кризиса и политической напряженности было трудно проводить последовательную социальную политику на государственном уровне,

³⁰ Россия в цифрах. 2009. М.: Росстат, 2009. С. 25.

в рассматриваемый период ситуация в целом была иной: социальные противоречия если и были, то находились в латентном состоянии. Так, согласно статистическим данным число участников забастовок в 2006 г. составило чуть более 1 тысячи человек, в 2007 – менее 3 тысяч человек, а в январе-феврале 2009 г. зафиксирована всего 1 забастовка³¹. Во многом столь малое число протестов объясняется особенностями трудового законодательства и статистического учета трудовых конфликтов. При этом по данным профсоюзов в 2007 г. прошло более 1100 забастовок с числом участников около 500 тыс. человек³².

Для ситуации этого периода характерно и другое³³. Государство, в отличие от 1990-х годов, обладало необходимыми ресурсами для антикризисной политики: если в декабре 1991 г. резервы составляли всего 25 млн. долл. США, то в 2009 г. – 400 млрд. долл. США.

В марте 2009 года службой занятости было зарегистрировано уже 2,2 млн. человек безработных³⁴, что свидетельствовало о том, что люди теперь могли надеяться на государственную поддержку и обращались в службу занятости, которая выплачивала пособие по безработице и содействовала в устройстве на работу (табл. 1.2.1).

Таким образом, с точки зрения материальных возможностей ситуация в России принципиально отличалась от 1990-х годов, она давала время на решение проблем с занятостью. В рамках антикризисной программы на поддержание стабильности на рынке труда были выделены необходимые средства: например, из совокупности в 43,7 млрд. руб. 8,5 млрд. пошли на переподготовку 216 тысяч человек. Средства направлялись предприятиям как для сохранения занятости, так и на организацию общественных работ и поддержку малого бизнеса. Однако ситуация продолжала усугубляться

³¹ Социально-экономическое положение России (январь–февраль 2009 г.). М.: Росстат, 2009. С. 245.

³² Шмаков М. Право на достойный труд необходимо отстаивать в борьбе. Профсоюзы, 2008. № 9. Официальный сайт ФНПР. URL: fnpr.ru/6/31/4069.html.

³³ Хохлова М.Г. Безработица в условиях современного кризиса: производственный потенциал или источник социальной напряженности (опыт 1990-х годов). Материалы конференции в ИМЭМО РАН 20–21 апреля 2009 г. Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия. М.: ИМЭМО, 2009. С. 112–117.

³⁴ Там же.

и выделенных фондов оказалось недостаточно. Поэтому, 10 апреля 2009 г. Правительством было принято постановление о выделении еще 34 млрд. руб. на социальные выплаты и реализацию программ занятости. Из них 29,8 млрд. руб. предназначалось на материальные выплаты, в том числе за период участия в общественных работах, а 4,1 млрд. руб. – на реализацию мероприятий в рамках программы по переобучению³⁵.

В условиях продолжающегося кризиса этих мер было недостаточно. В сложившихся условиях работодателями достаточно широко использовались стандартные приемы сокращения издержек на персонал, как и в 1990-е годы: задержки заработной платы, административные отпуска, работа по сокращенному графику³⁶. По данным Росстата, в марте 2009 г. 4,5% списочной численности работников были заняты в режиме неполной рабочей недели по инициативе работодателя. Доля работников, находящихся в отпусках с частичным сохранением заработной платы по инициативе работодателя, которые, как правило, были связаны с простоями, в марте 2009 г. составила 2,3% списочной численности (в январе 2009 г. – 3,0%, а в феврале 2009 г. – 5,8%).

Наибольшие масштабы неполной занятости отмечались в обрабатывающих отраслях, где в феврале 2009 г. 8% работников списочного состава были заняты неполное время по инициативе работодателя, 5,6% – по соглашению между работником и работодателем, а 5,1% – находились в отпусках с частичным сохранением оплаты труда по инициативе руководства (в феврале 2009 г. – 5,5%).

По данным за март 2009 г. перевод на неполное рабочее время по инициативе работодателя происходил в финансовой сфере в большей степени, чем в какой-либо другой отрасли. Здесь только с февраля по март рост переведенных на неполное рабочее время составил 136,5%. В отпусках с частичным сохранением заработной платы по инициативе работодателя было отправлено сотрудников в 4,2 раза больше, чем в феврале³⁷.

³⁵ Там же.

³⁶ Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001. С. 308.

³⁷ Занятость и безработица в Российской Федерации. М.: Росстат, 2010. URL: gks.ru>bgd/regl/b09_01/Isswww.exe/Stg/d09/3-2htm

2014 – по н/в. Безработными в РФ в июне 2019 года числились 3334 тыс. человек, а уровень безработицы составил 4,4% (табл. 1.1.1). Официальная статистика не всегда может отразить реальные масштабы неблагополучия на рынке труда. Например, человек может работать неполный рабочий день, быть неформально занятым и трудиться в тяжелых условиях, не иметь социальной защиты и пр., но при этом он считается занятым.

Таблица 1.2.5.

Динамика численности занятых/безработных по группам занятий в 2001–2007 гг. и в 2015–2017 гг., п.п.

Группы занятий	2001–2007 гг.		2015–2017 гг.	
	занятые	безработные*	занятые	безработные*
Руководители	+3,1	+0,1	-1,8	-1,4
Специалисты высшего уровня квалификации	+2,2	-0,1	+3,9	+2,3
Специалисты среднего уровня квалификации	-1,2	-1,9	-0,3	-2,2
Служащие, занятые подготовкой, оформлением документов, учетом и обслуживанием	-1,5	-1,0	+0,3	+0,2
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собств.	+2,5	+2,4	+1,3	+2
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства	+0,9	+2,0	-1,0	+0,4
Квалифицированные работники промышленности, строительства, транспорта и родственных занятий	-3,0	-2,7	+0,2	-0,3
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	-1,8	-2,1	+0,5	+0,9
Неквалифицированные рабочие общие для всех отраслей	-1,3	+3,2	-1,3	-1,5

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России. М.: Росстат, 2016., С. 31, 136; Рабочая сила, занятость и безработица в России. М.: Росстат, 2018. С. 72, 133.; Экономическая активность населения России. М.: Росстат, 2002. С. 175; Экономическая активность населения России. М.: Росстат, 2008. С. 75, 153.

* Примечание – безработные, имевшие опыт работы.

Стихийная адаптация за счет смены профессии, а также финансирование государством переобучения, как возможность повышения уровня профессиональной подготовки даже в условиях жесткого экономического кризиса, являются положительными факторами обеспечения занятости. Однако с каждым витком экономического кризиса эти возможности все более ограничены. Из имеющегося арсенала инструментов снижения издержек на персонал в этот период практиковалась задержка зарплат, перевод на неполный рабочий день, а самими безработными (на что указывают косвенные свидетельства) – уход в тень, или рост числа неформально занятых (подробно в главе 3). Не имея возможности найти формальную занятость, для многих неформальная занятость становилась единственным шансом. В этом смысле неформальную занятость можно рассматривать как стихийную адаптацию со стороны безработных, что в целом занижает показатель формальной занятости³⁸.

Анализ 30-летнего периода в истории новой России позволил выделить четыре этапа, чтобы показать разные политики участников рынка труда в противостоянии безработице: в 1992–1998 гг. безработица быстро росла, и стихийная адаптация происходила за счет массовой смены занятий, государство не имело возможности влиять на процесс трудоустройства потерявших работу граждан; в 1999–2007 гг. сокращение безработицы в профессиях происходило за счет роста в них занятости, что отражает тенденции некоторой стабилизации, государство принимало участие (функционировали агентства по трудоустройству и переобучению); в 2008–2013 гг. после короткого всплеска безработицы в кризисный 2008 г. наблюдалась устойчивая тенденции сокращения безработицы уже за счет других факторов – работодателями использовалась неполная рабочая неделя, уход в неформальную занятость и пр.; в 2014–2019 гг. был самый низкий уровень безработицы за все время наблюдения – 4,4%.

³⁸ В своем выступлении в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 15 августа 2016 г. уполномоченный при Президенте по правам предпринимателей Борис Титов, ссылаясь на данные Федеральной налоговой службы, заявил, что число рабочих мест в России сократилось почти на 7 миллионов за три года. Б. Титов подчеркнул, что эти цифры расходятся со статистикой Росстата. По мнению бизнес омбудсмена, для улучшения ситуации нужно вкладывать средства в развитие малого и среднего бизнеса, а также легализовать неформальный бизнес.

1.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТЫХ И БЕЗРАБОТНЫХ

Десятилетие 1992–2002 гг. в настоящей работе уделяется особое внимание, поскольку в этот период были исключительно наглядны первичные профессиональные перемещения, которых требовала рыночная экономика под влиянием неолиберальных реформ. Обычно такие процессы происходят латентно, оставаясь часто скрытыми от наблюдения. В 1990-е годы они происходили стремительно: для этого потребовалось всего два года с 1992 по 1994 гг. (табл. 1.2.2). С 1992 года, как отмечалось выше, Росстат стал регулярно в своих официальных изданиях публиковать данные о безработных. Безработица оказалась гранью новой социально-экономической реальности. В безработице сфокусировались изменения, происходившие в стране, которые она буквально «сканировала». Под влиянием безработицы происходили значительные преобразования в профессиональной и образовательной структурах активного населения. Перемены в экономике диктовали совершенно новые запросы на профессии. Поэтому, если рассматривать безработицу (скрытую и явную) под углом зрения ее профессионального состава как своего рода резерв, из которого черпались нужные работники, обладающие востребованными новой экономикой профессиями или готовые таковые приобрести, то следует оценивать поведение людей в условиях разрухи переходного периода как психологически мотивированное, хотя в целом хаотичное, рассчитанное на удачу.

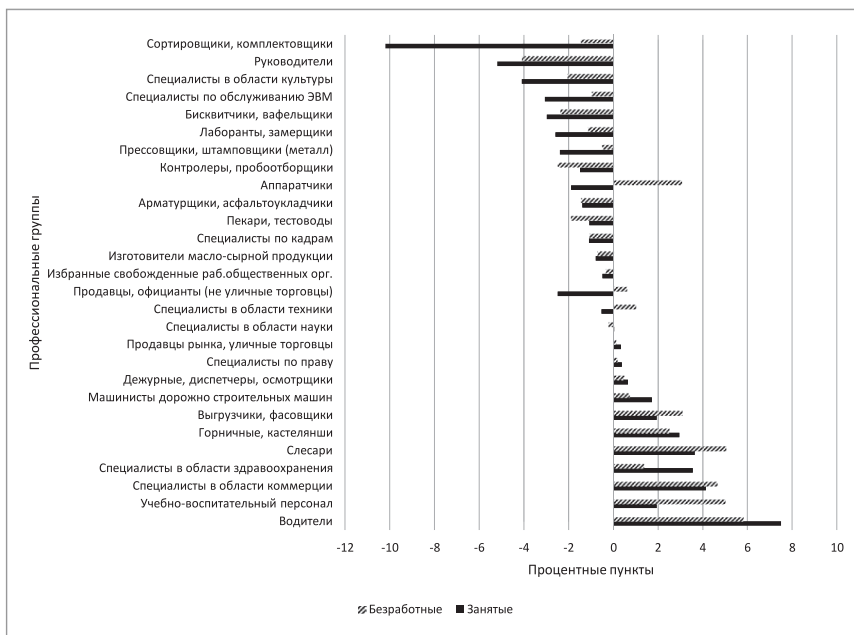
В эти годы происходило преобразование облика всей рабочей силы, а исследователь впервые мог наблюдать эти процессы вживую и таким образом осмысливать новую реальность.

В качестве базовой возрастной группы для анализа взяты безработные и занятые в возрасте от 25 до 39 лет, поскольку эти люди уже завершили образование, имеют опыт профессиональной деятельности, полны замыслов и сил для их выполнения. Анализ изменений в этой группе представляется наиболее перспективным и далее рассматривается преимущественно эта возрастная группа. Помимо наиболее массовых профессий были рассмотрены также профессии, не столь многочисленные, но являвшимися знаковыми, например,

юристы, численность которых в абсолютных числах возросла более чем в девяносто раз, дежурные, диспетчеры, осмотрщики – более чем в тринадцать раз, уличные торговцы – в сорок семь раз.

Тенденции первого периода, который рассматривается в работе (1992–1996 гг.), представляют особый интерес и отражают глубокий кризис (рис. 1.3.1). В этот период еще не все потерявшие работу успели приобрести новую профессию и числились в статистике безработными по своей последней профессии (профессией безработного считается та, по которой он работал перед потерей им работы).

Рис. 1.3.1. Трансформация профессиональной структуры занятых и безработных в 1992–1994 гг., п.п.*

Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 75–76.

* Примечание: на рис. 1.3.1 показано изменение численности занятых и безработных за 2 года (1992–1994 гг.): на горизонтальной оси вправо с положительным знаком указан их рост, а влево с отрицательным знаком – их сокращение (за ноль на горизонтальной оси координат принят 1992 г.)

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рост занятости в структуре отдельных профессиональных групп сопровождался увеличением относительного числа безработных в этих же профессиях. И, наоборот, падение занятости совпадает с аналогичным движением безработицы. То есть для показателей занятости и безработицы наблюдается определенная синхронность. Чем сильнее возрастающая динамика занятости (например, водители, учебно-воспитательный персонал, специалисты в области коммерции и пр.), тем, как правило, выше и аналогичные показатели по безработным. И чем сильнее падают показатели занятости (см. сортировщики, комплектовщики, руководители, специалисты в области культуры и пр.), тем они становятся ниже и у безработных.

Подобная закономерность, как уже отмечалось, позволила для целей исследования разделить все рассмотренные профессии на три группы:

- первая группа профессий с растущей относительной численностью и занятых, и безработных;
- вторая группа профессий, в которых колебания динамики менее значительны, а также те профессии, которые подчинялись другой закономерности: то есть сокращение доли занятых в определенной профессии сопровождалось увеличением в ней безработицы, или наоборот;
- третья группа профессий, в которых относительная численность и занятых, и безработных сокращалась.

Таким образом, схожесть динамики численности безработных и занятых (и в сторону ее увеличения, и в сторону уменьшения) наблюдается, прежде всего, в тех профессиях, которые наиболее ярко олицетворяют собой смену прежней экономической модели. На смену плановой индустриальной модели приходит новая, рыночная, в значительной степени сервисного направления, сопровождающаяся деиндустриализацией экономики страны.

Помимо двух профессиональных групп (1 и 3), в которых ярко выражены синхронные колебания занятых и безработных, есть профессии с невысоким уровнем перемещений (группа 2). То есть прежняя профессиональная структура не исчезала, а сохранялась, хотя и в усеченном виде.

При этом речь не идет об основных закономерностях, скорее это указывает на тенденцию, при которой часть безработных

функционирует по законам динамики занятых, а не прочих безработных и именно за их счет сформировалась соответствующая картина. По своим адаптивным характеристикам (определяющей которых в этот период структурной перестройки экономики было наличие/отсутствие соответствующих навыков и профессий, а также готовность их приобрести) рабочую силу можно было разделить на тех, кто перейдет (или уже перешел) в разряд застойных, и тех, кто является ее резервом.

Существует, как минимум, три объяснения такого явления, когда вектор колебаний занятости и безработицы совпадал, а не был направлен в противоположные стороны, что (как будет следовать из дальнейшего изложения) характерно для условий, когда структурная перестройка в целом завершается:

- В начале 1990-х годов, когда с предприятий не увольняли (но и не платили зарплату), люди формально не становились безработными³⁹, а в это время, возможно, приобретали новые профессии (медсестры, бухгалтера, водителя и пр.) и находили работу по новой профессии, минуя статус безработного;

- В условиях общеэкономической нестабильности начала 1990-х годов создававшиеся в большом количестве фирмы разорялись, их владельцы, не имея опыта в предпринимательской деятельности, теряли работников, которым приходилось искать работу, разумеется, в конъюнктурных областях, где росло их число;

- Опросы безработных⁴⁰ выявили появление новой категории лиц, тех, которых теперь принято называть прекариатом. Это именно те возрастающие по численности профессиональные группы (водители, горничные, строительные рабочие), которые находятся в постоянном поиске работы, то есть выполнив работу, они могут позволить себе какое-то время не работать и жить на заработанные деньги, имея при этом статус безработного. Многие из них, скорее всего, самозанятые или сезонные рабочие.

Главный косвенный вывод состоит в том, что в условиях кризисной ситуации, когда распространяется структурная и одновременно

³⁹ На это явление указывали такие ученые, как Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, Р.И. Капелюшников.

⁴⁰ В рамках исследования по газете «Из рук в руки». См. Безработица в постсоветской России: социальная компонента. Социально-трудоовые исследования. Выпуск XVII. М.: ИМЭМО РАН, 2005.

кризисная безработица что и наблюдалось в 1990-е годы, и структура занятости, и структура безработицы демонстрируют во многом (группа 1 и 3) одни и те же тенденции.

Скорее всего это связано со сходностью переживаемых условий жизнедеятельности как безработных, так и занятых индивидов. Находит работу быстрее тот, у кого соответствующая профессия. Именно профессия в такой ситуации является некоторой гарантией выхода из безработицы.

Второй период анализа охватывает 1998–2002 годы, характеризовавшиеся некоторой стабилизацией в экономике (рис. 1.3.2), когда структурная перестройка в целом уже состоялась. Тогда начали действовать совершенно иные тенденции в соотношении динамики численности безработных и занятых, соответствующие более или менее традиционному представлению об этом: когда сокращение занятых в какой-либо профессии ведет к увеличению в ней доли безработных и, наоборот, увеличение числа занятых – к сокращению численности безработных⁴¹.

Сопоставление межпрофессиональных перемещений занятых и безработных свидетельствует об адаптивных преимуществах и слабостях обладателей различных профессий. Сравнение профессионально-квалификационных характеристик занятых и безработных показало, что в периоды кризисов значительная часть рабочей силы «функционирует» по единым законам рынка, а их профессионально-квалификационные характеристики могут не различаться, поскольку причиной их незанятости являются объективные обстоятельства. Так, была обнаружена закономерность в одинаковой направленности вертикальной нисходящей мобильности в условиях кризиса и у занятых, и у безработных в одних профессиях и вертикальная восходящая мобильность – в других. То есть у тех и других наблюдался приход и уход из одних и тех же профессий.

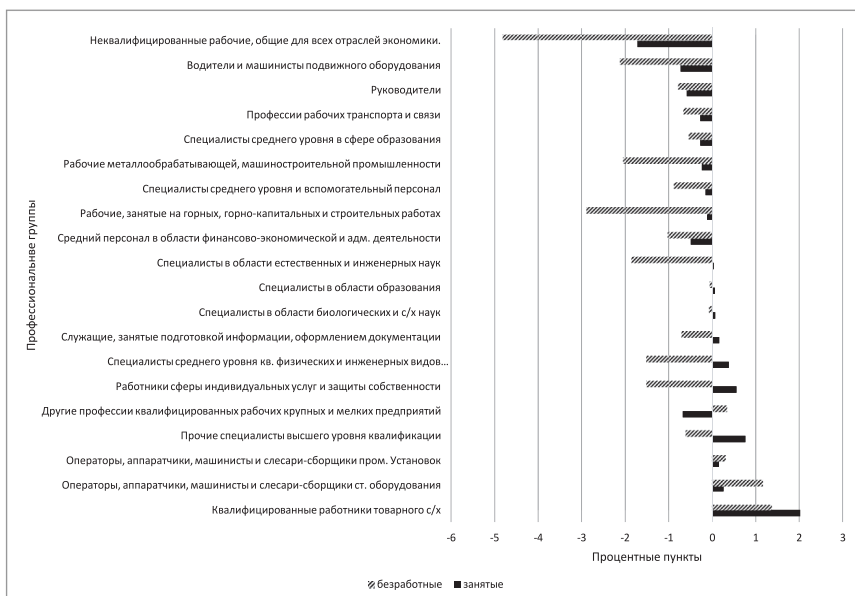
Происходившие в 1990-е и в начале 2000-х годов перемены были знаковыми для выбора алгоритма поведения на рынке труда, которое характеризовалось:

- высокой адаптивностью людей, в особенности тех, кто имел профессиональное (кроме среднего общего и основного общего) образование;

⁴¹ Подробно там же. С. 64–76.

■ готовностью пренебречь своим профессиональным статусом ради качества жизни, что особенно характерно для молодых, образованных, то есть тех, кого можно отнести к «сильным» с социальной точки зрения. Адаптация не уничтожила полностью прежнюю профессиональную структуру, а внесла в нее серьезные коррективы за счет возрастающей роли качества жизни, важной компоненты социального статуса⁴²;

Рис. 1.3.2. Трансформация профессиональной структуры занятых и безработных в 1998–2002 гг., п.п.*

Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 75–76.

* Примечание: рис. 1.3.2 построен аналогично рис. 1.3.1, но за базовый год (горизонтальная ось координат) взят уже 1998 г. и сравнивается динамика численности занятых/безработных по профессиям за период с 1998 г. по 2002 г.

⁴² Социальный лифт продолжает существовать, например, как обучение детей из малоимущих семей за счет государства (широко практикуется, например, в Индии). Как правило, эти дети обучаются тем специальностям, на которые не готовы идти дети из обеспеченных семей. Однако в 1990-е годы в России социальный лифт понимался уже как доступ к профессиям с высоким профессиональным статусом, подразумевавшим современные стандарты жизни и потребления.

- стихийная адаптация за счет массовой смены профессий преимущественно имевшая нисходящую вертикальную динамику, позволила избежать высокого уровня безработицы, который предполагали сокрушительные перемены, происходившие в стране;

- в 1990-е годы безработные и занятые могли мало отличаться по уровню образования, поскольку люди теряли работу не из-за личных качеств, а в результате структурной перестройки экономики, поэтому и вектор профессиональных перемещений у занятых и безработных был одинаковый (массовый уход от одних профессий и приход в другие, наиболее перспективные).

Данные об уровне безработицы, наиболее полно отражая изменения на рынке труда (рассмотренные в разрезе профессий, сопоставленные и динамике для занятых и безработных), свидетельствовали о массовой смене профессий в условиях структурного кризиса, что можно рассматривать как форму стихийной адаптации к происходящим социально-экономическим сдвигам.

Под влиянием смены профессий, происходившей в знаковые 1990-е годы, в большинстве случаев менялся социальный статус индивида. Сумма таких индивидуальных «адаптаций» свидетельствовала о масштабной смене профессий как занятыми, так и безработными, что приводило к изменению социального статуса большинства населения и социальной структуры всего российского общества. Приобретаемый новый статус имел как вертикальную восходящую, так и нисходящую динамику, как нельзя лучше показывая выдвигание и понижение отдельных профессий и профессиональных групп. Изменилось и само понимание профессионального статуса, в котором возросло значение качества жизни.

С одной стороны, массовая смена профессий явилась результатом кризиса, а с другой, она была драйвером формирования новой социально-экономической модели российского общества, которая к 1994 г. уже обрела некоторые устойчивые черты новой структуры, о чем косвенно свидетельствует уменьшение интенсивности межпрофессиональных перемещений к этому времени.

Глава 2

Профессиональное образование как форма регулируемой социальной адаптации

Профессиональное образование все больше становится фактором занятости, самодостаточности и той пользы, которую обеспечивает молодой человек своим трудом будущему страны⁴³. Профессия, являясь личным выбором человека в отличие от его постоянных характеристик (возраст, место рождения, расовая и этническая принадлежность), может меняться в течение жизни, а знания по мере необходимости в условиях глобальной перестройки обновляться и с годами только накапливаться.

Приобретение профессии – это один из основных элементов социализации личности. В трудных экономических условиях именно профессиональное образование помогает обрести занятость, а его отсутствие затрудняет вход в рынок труда. Востребованность молодого человека и, что чрезвычайно важно, его мотивация работать по приобретенной профессией – остаются важнейшими критериями успешности образования⁴⁴.

На рис. 2.1 показана роль профессионального образования в системе образования в целом:

Профессиональная деятельность как результат обучения занимает центральное место в адаптации человека к внешней среде.

Трансформация общества (реформирование советской плановой экономики в рыночную в 1990-е годы) сопровождалась обрушением не только промышленности, но и всей плановой и идеологической системы, под которую долгие годы подстраивалось образование. Разрушение единой системы привело к тому, что профессиональная

⁴³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. с изменениями от 29 июля 2017 г.

⁴⁴ Избежать неправильного выбора образования помогает, как свидетельствует практика, правильная профессиональная ориентация на уровне среднего образования (см. дуальная система и целенаправленная политика в отношении перехода школа-работа).

деятельность многих людей не могла воспроизводить общественное и личное достояние и обеспечивать стабильность, что повергло многих людей в растерянность.

Рис. 2.1. Роль профессионального образования в системе социализации личности.

Новая ситуация породила новые формы образовательной деятельности, однако ее уровень был в силу объективных и субъективных причин недостаточным и неадекватным запросам того периода.

Опыт 1990-х годов свидетельствует, что индивидуальный выбор работника и его инициатива весьма значимы, однако без государства и участия бизнеса, система не «запускается» или остается малоэффективной. Многие учебные заведения приобрели коммерческий характер, снизили качество подготовки, а неясные перспективы, с которыми сталкивались выпускники, в конечном итоге приводили к тому, что профессиональная адаптация имела незаконченную форму, в результате чего многие выпускники не работают по профессии.

В 1990-е годы произошел разрыв профессиональной и образовательной структур, которые перестали быть частями единой системы.

Образование как форма социальной адаптации не сразу обрело ту значимость, какую оно имеет в настоящее время. основополагающим фактором успешного развития стало наличие развитых институтов социального государства, в частности института образования, что все в большей мере становилось важным параметром достижения конкурентоспособности страны в глобальном мире.

2.1. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ

Основы современной систем образования, способной обеспечить массовую подготовку специалистов в России, как и в мире, стали складываться в тот момент, когда образованные люди перестали быть редкостью, когда образование уже не ассоциировалось исключительно с властью, с принадлежностью к элите или особой одаренностью.

Индустриализация сыграла ведущую роль в этом процессе, когда начиная с XVIII в. бурно развивалась промышленность. История развития образования свидетельствует о том, что изначально образование широких масс служило исключительно прагматической цели повышения производительности труда, а самоценностью оно стало позднее как «побочный продукт».

«Народное образование было тем искусным механизмом, который индустриализация создала для подготовки необходимого ей взрослого контингента... Сама организация знания строилась, исходя из индустриальных посылок – по принципу неизменных дисциплин»⁴⁵.

Дореволюционная Россия. Демократическая тенденция в образовании формировалась на протяжении XIX в.: в средние и высшие учебные заведения наряду с детьми дворян могли принимать представителей других сословий (кроме детей крепостных крестьян). Возможность учиться за счет казны была своеобразным социальным лифтом, которая более отчетливо обозначилась в 60-е годы XIX в.

Тогда были созданы классические и реальные гимназии, открывалось большое количество земских школ, начало развиваться женское среднее и высшее образование. Среднее профессиональное образование в России также сформировалось в конце XIX – начале XX в. В конце XIX в. уже насчитывалось 143 средних специальных учебных заведения⁴⁶. Профессиональное обучение осуществлялось в высших инженерных школах, которые

⁴⁵ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008. С. 433–434.

⁴⁶ Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/107/007.htm>.

в большом количестве в XVIII–XIX вв. возникали в России⁴⁷ и в других странах мира.

Во многих регионах Российской империи в тот период открывались школы с преподаванием на национальных языках, для этого велась подготовка учителей соответствующей национальности⁴⁸.

Советская Россия. Система образования социалистического государства занимает особое место среди мировых систем образования. Всеобщее обязательное и бесплатное образование – бесспорное завоевание социалистических государств.

После революции 1917 г. деятельность государства в области образования, осуществлявшаяся в широчайшем масштабе в целях адаптации населения для «строительства коммунизма», была успешной в решающей степени благодаря дореволюционной интеллигенции, представители которой были привлечены к работе в высшей и средней школе, а также активно включились в борьбу с неграмотностью. Как ни парадоксально, после революции существовала преемственность поколений: те, кто хотел и был способен, могли благодаря этому получить хорошее образование. Это было важно для создания советской интеллигенции из среды рабочих и крестьянства, поскольку несло в себе значительный просветительский потенциал, давало возможность широким слоям населения адаптироваться, и приспособиться к новой социальной среде.

Так, 2 августа 1918 г. СНК РСФСР был издал указ⁴⁹, согласно которому можно было поступать в вузы без экзаменов и предъявления документов об образовании. Для решения проблемы подготовки молодых людей, занятых преимущественно физическим трудом и командированных предприятиями к поступлению в вузы, 11 сентября 1919 г. были организованы рабфаки (рабочие факультеты). Их целью была подготовка молодых людей, порой не умеющих читать, в течение трех-четырёх лет к поступлению в вуз. Примерно 40% мест при приеме получали выпускники рабфаков. На оставшиеся места

⁴⁷ Институт инженеров путей сообщения (1809 г.), Николаевская инженерная Академия (1810 г.), Институт гражданских инженеров (1842 г.), Московское высшее техническое училище (1830 г.).

⁴⁸ Боргояков С.А. Состояние и перспективы родных языков в системе образования. Наука и Школа, 2017, № 6. С. 20–31.

⁴⁹ Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/107/007.htm>

также существовал «социальный фильтр», был ограничен прием детей из состоятельных в прошлом семей и семей интеллигенции. Однако обучение в вузе часто требовало более основательной подготовки, чем та, которую давали рабфаки, поэтому для преодоления возникавшего когнитивного барьера существовал, так называемый, бригадный метод обучения, когда один наиболее подготовленный студент отвечал за подготовку остальных студентов в группе и сдачу ими экзаменов. Такая имитация профессионального образования успешно функционировала за счет огромного спроса даже на таких специалистов в годы первых пятилеток.

Было ли это формой профессиональной адаптации? Да, в тот период система образования, приспособленная к потребностям индустриализации, регулировала адаптацию большого числа рабочей силы, обеспечивая ей занятость. Естественно, при такой постановке вопроса обеспечивались высокие показатели численности, но не качества подготовки. Тем не менее, прорыв в области образования был налицо, а специалисты даже с низким уровнем подготовки в целом находили себе место в бурно развивавшемся производстве времен первых пятилеток. Дифференцированный подход к приему студентов в вузы в той или иной форме сохранялся на всем протяжении существования советского государства (преимущества для отслуживших в армии, имеющих трудовой стаж и пр.).

Такие базовые ценности системы образования в Советском Союзе, как всеобщий и бесплатный характер, выплата стипендий, единство системы народного образования, единые учебные программы, преемственность всех типов учебных заведений, возможность перехода от низших ступеней обучения к высшим – все это не только обеспечивало адаптацию населения для целей индустриализации страны, но и повышало его культурный уровень.

Характерной особенностью (еще в большей степени, чем в до-революционной России) СССР было то, что *заказ* на образование определяло государство, которому были нужны инженеры для промышленности, ученые, врачи, учителя. После окончания вуза выпускники получали распределение на работу туда, где они должны были обязательно трудиться несколько лет после окончания учебного заведения.

Особенности 1990-х годов и наших дней. В 1990-е годы ситуация изменилась – заказ на образование стали формировать родители

или сами учащиеся, которые решали чему и где учиться. Если судить по количеству выпускников вузов, престиж образования в России продолжал сохраняться. Так, в 2019 году организациями высшего профессионального образования (табл. 2.1.1) было выпущено в 2,3 раза больше специалистов от их числа в 1990 г. В условиях социально-экономической трансформации в 1990-е годы очень мало оставалось мест, где эти знания можно было «капитализировать». Затем после 2000-го года последовал рост числа выпускников вузов, но затем, начиная с 2013 г. вновь происходило сокращение их численности. Учитывая инерционность процесса образования, тем не менее он следовал за уровнем экономического благополучия/неблагополучия в стране.

Таблица 2.1.1.

**Выпуск бакалавров, специалистов, магистров
организациями высшего образования, тыс. чел.**

1990	2000	2005	2010	2013	2016	2019
401	635	1152	1468	1291	1161,1	933,2

Источник: Россия в цифрах 2015. М., 2015 С. 187;
Россия в цифрах 2019. М.: Росстат, 2019. С. 142.

При этом следует отдать должное системе высшего государственного и муниципального образования (табл. 2.1.2), которая подстраивалась под требования рынка труда, о чем свидетельствует динамика численности выпускников по направлениям профессиональной подготовки.

Таблица 2.1.2.

Динамика численности выпускников (бакалавров, специалистов, магистров) государственных и муниципальных вузов в 2005–2014 гг. по некоторым направлениям подготовки*

Направление подготовки	2005 тыс. чел.	2014 тыс. чел.	2005–2014 %%
Архитектура и строительство	29,4	43,0	1,5
Информатика и вычислительная техника	17,7	27,0	1,5
Автоматика и управление	11,4	16,5	1,4
Энергетика, энергетическое машиностроение, электротехника	22,0	29,3	1,3

Здравоохранение	28,2	35,9	1,27
Экономика и управление	292,7	331,0	1,13
Транспортные средства	29,4	33,8	1,1
Сельское и рыбное хозяйство	34,8	32,1	0,9
Металлургия, машиностроение и металлообработка	25,8	23,3	0,9
Технологии продовольственных продуктов и потребительских товаров	17,5	16,0	0,9
Образование и педагогика	129,0	96,9	0,75

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. С. 210–211.

* Примечание: в таблице представлены направления подготовки, по которым было наибольшее количество выпускников.

Иначе выглядят показатели выпуска квалифицированных рабочих и служащих (табл. 2.1.3). Число профессионально-образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих и служащих, сократилось почти в 4,3 раза за период с 1990 г. по 2014 г., а еще сильнее число учащихся в них студентов. Это происходило независимо от кризиса/подъема в экономике. За период с 1990 по 2019 гг. выпуск квалифицированных рабочих и служащих упал в 7,5 раза. Особенно ускорилось сокращение в 2014–2019 гг.

Таблица 2.1.3.

Подготовка квалифицированных рабочих и служащих, тыс. чел.

	1990	2000	2005	2010	2013	2014	2019
Число профессиональных образовательных организаций	4328	3893	3392	2356	1271	1007	н/д*
Выпущено квалифицированных рабочих и служащих, тыс. чел.	1272	763	703	581	436	403	169
Обучалось на 10000 занятых в экономике человек	126	115	105	70	54	50	37
Выпущено на 10000 занятых в экономике чел.	169	118	105	86	64	59	23

Источник: Россия в цифрах 2015. С. 186;

Россия в цифрах 2019. С. 141.

* Примечание: данные о числе средних и высших учебных учреждений профобразования отсутствуют за 2019 г. URL: https://www/gks.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2019.pdf. С. 187.

Согласно Программе Цифровой экономики на основе атласа новых профессий создается системы рекомендаций для профессиональной ориентации обучающихся и применения их образовательными организациями, а с учетом требований к компетенциям цифровой экономики предусмотрено обновление образовательных программ всех уровней образования в целях использования в учебной деятельности (п. 2.5.2).

Партнерство государства и бизнеса. Следует отметить важное обстоятельство – запрос на высшее образование в 1990-е годы продолжал сохраняться. В условиях неясной перспективы родители и абитуриенты выбирали, как им казалось, перспективные направления обучения в надежде адаптироваться в «новой стране». Для вузов открылись новые возможности для привлечения средств за счет платного характера обучения.

Функции участников процесса профессионального образования

Государство: аккредитация, лицензирование, стандартизация, планирование, финансирование, налогообложение и пр.	Предприятие, работодатель (бизнес): корпоративное обучение, локальное финансирование, трудоустройство	Потребитель (учащийся): заказ на образование, финансирование
---	---	--

Таблица 2.1.4

Выпуск бакалавров, специалистов и магистров частными вузами* по некоторым направлениям подготовки в России в 2005–2014 гг.

Направление подготовки	2005 тыс. чел.	2014 тыс. чел.	Рост численности студентов в 2005–2014 гг., %
гуманитарные науки	55,7	76,1	1,4
экономика и управление	77,0	112,4	1,5

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. С. 212.

* Примечание: эти данные не учитывают платные места в государственных вузах.

Так, за 10 лет (табл. 2.1.4) почти в полтора раза увеличивалось число студентов частных вузов по гуманитарным наукам, экономике и управлению. Государство все реже предлагает бесплатное образование, а студенты идут туда, где образование лучшего качества и стоит дешевле.

Выбор в пользу того или иного направления и уровня подготовки определяет набор факторов-детерминантов: престиж образования и учебной профессии; возможность будущего трудоустройства, оценка своих способностей. Поскольку заказ на профессиональное образование формируют сами абитуриенты, вузам важно привлекать их, добиваясь высокого рейтинга, в результате чего политика, рассматривающая знание как товар, успешно развивается.

Принцип участия государства в формировании инфраструктуры образования традиционен и не должен нарушаться, поскольку система профессионального образования, встроенная в государственные стратегические приоритеты, обеспечивает большую вероятность того, что будущая трудовая деятельность учащегося будет соответствовать заказу государства и рынка труда, лучшему учету современных требований к обучению.

Мировой опыт показывает, что у государства есть достаточно рычагов для выработки механизмов мотивации социальной ответственности бизнеса, например, в рамках действующей налоговой политики, государство имеет возможность мотивировать предприятие к социальным действиям: разрабатывать налоговый режим, предусматривающий различные налоговые льготы и преференции за те или иные действия бизнеса.

Такая практика используется повсеместно:

В Испании система профподготовки зиждется на двух соглашениях 1992 г., заключенных между государством и социальными партнерами. Выполнение соглашений контролируется трехсторонней национальной Комиссией, а также Комитетом по непрерывной профподготовке. На местном уровне мероприятия по профподготовке независимо от статуса слушателей финансируются органами самоуправления. Заочное обучение стимулируется Министерством образования и науки и фондами по профобразованию. В 2006 г. между государством, профсоюзами и предпринимательскими кругами было подписано новое Соглашение о профессиональной подготовке и занятости, которое

«инициировало процесс интеграции профессионального обучения и внутрифирменной производственной практики, создание двойной (с участием предприятий) системы подготовки кадров»⁵⁰.

В Нидерландах политика государства с 1991 г. имеет своей целью обеспечить минимальную профподготовку каждому для выхода на рынок труда, и распределить ответственность между государством и частными фондами развития образования и платой за образование, получаемой от частных лиц⁵¹.

В Великобритании ключевую роль играют 450 колледжей, которым государством оказывается финансовая помощь. Университеты и политехнические школы обеспечивают средний и высший уровень подготовки. Большое число организаций объединяет Национальный институт образования для взрослых. Значительную роль играют национальная система профессиональной квалификации (NVQ) и Советы по обучению и навыкам (LSC), регулирующие деятельность учреждений профподготовки и являющиеся посредниками в деле обеспечения финансирования. Займы для развития карьеры со стороны государства могут покрыть до 80% расходов рабочего или служащего, в частности, через налоговые вычеты и льготы бизнесу.

Принцип участия государства в формировании инфраструктуры образования традиционен и в России, и за рубежом. Он не должен нарушаться, поскольку система профессионального образования, встроенная в государственные стратегические приоритеты, способна поддаваться лучшему учету современных требований к обучению.

Государство решает стратегические задачи, обеспечивая доступ разных категорий граждан своей страны к образованию и к таким важным объектам инфраструктуры страны, как например, инвестиционные фонды, технопарки, технико-внедренческие экономические зоны, центры трансфера технологий⁵² и пр.

⁵⁰ Современная Испания: проблемы и решения. Под ред. Кузнецов А.В. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 53.

⁵¹ Полушкина Е.А., Краснова Г.А. Развитие системы непрерывного образования Нидерландов: состояние и перспективы. Вестник РУДН, серия Информатизация образования, 2014, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-neprepryvnogo-obrazovaniya-niderlandov-sostoyanie-i-perspektivy/viewer>

⁵² Архипов А.И., Шацкая И.В. Совершенствование механизма государственно-частного партнерства в сфере образования. Государственно-частное партнерство: состояние и проблемы. Махачкала: Наука плюс, 2015. С. 94.

Соответственно роль государственного участия должна возрастать, «поскольку экономика знаний требует увеличения вложений в области, от развития которых выигрывает все общество, а для частного инвестора отдача недостаточна. Государство участвует не только в формировании и модернизации инфраструктуры или финансировании исследований. Иными словами, речь идет о вложениях в человеческий капитал. Так будет возрастать вклад государства в повышение эффективности и конкурентоспособности производителей»⁵³.

Глобальное информационное общество поменяло философию обучения, ознаменовав собой «конец знакомого мира» и начало формирования с середины XX в. нового алгоритма профессионального образования для тех, кто способен и готов адаптироваться в меняющийся мир.

Изменение содержания образовательных дисциплин:

- современное обучение – это не простое запоминание определенного набора фактов, а овладение методом и приобретение навыков, позволяющих человеку самому добывать необходимые знания, доступность которых обеспечивается электронными библиотеками с неизмеримыми возможностями поиска информации, развивающими программами, активизирующими умственную деятельность (применение цвета, графики, звука, средств видеотехники и пр.);

- приоритеты меняются в сторону личной инициативы и мотивации, критического мышления и умения учиться самостоятельно, когда учащиеся сами получают все больше информации, а учитель постепенно превращается в разработчика новых технологий обучения, консультантом, наставником, посредником.

Изменение в методах обучения:

- синтез средств и методов традиционного и компьютерного образования вносит изменения в процесс обучения;

- непрерывное образование как средство адаптации к меняющимся условиям было поставлено на уровень государственной политики во многих странах еще задолго до Болонского

⁵³ Клинова М.В. Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. С. 371–372.

процесса, когда оно стало с 2001 г. его структурообразующим элементом⁵⁴;

- новые компьютерные технологии позволяют сокращать географические расстояния, благодаря чему происходит размывание границ и появляются возможности дистанционного обучения, которое может гибко адаптироваться к учебной среде и интегрировать в нее домашнее обучение, в частности, женщин, инвалидов, пожилых людей.

Новое в оценке знаний:

- человек все чаще оказывается перед выбором собственного образовательного «маршрута», сочетания различных видов и форм обучения – *формального, неформального и информального*⁵⁵, поскольку информационно-компьютерные технологии предоставляют большие возможности для того, чтобы система образовательных услуг все больше ориентировалась на потребности личности и приобретала транснациональный характер;

- различные виды образования будут полнее учитываться в формальных системах, ст. 17 (3) предусматривает, что «обучение в форме семейного образования и самообразования осуществляется с правом последующего прохождения в соответствии с частью 3 ст. 34 настоящего Федерального закона промежуточной

⁵⁴ Так, в Великобритании, США, Канаде, Австралии, а также в ряде других стран подобная система, которую еще называют «англоязычной», существует уже много лет. Достаточно широкое использование этой системы объясняется ее эффективностью с точки зрения как организации образовательного процесса, так и успешности будущего трудоустройства выпускников. На обучение по магистерским программам переходят не более 50% студентов в странах, о которых идет речь. Большая часть выпускников бакалавриата приступает к профессиональной деятельности сразу после получения соответствующего диплома. Бакалавриат – своего рода общее высшее образование, после которого в течение одного-двух лет магистратуры можно приобрести узкую профессиональную специализацию высокого уровня, что повышает адаптивность выпускников к быстро меняющимся требованиям рынка труда.

⁵⁵ Формальное образование завершается выдачей общепризнанного диплома или аттестата; неформальное образование, происходящее в образовательных учреждениях или общественных организациях, клубах, кружках, а также во время индивидуальных занятий с репетитором или тренером, обычно не сопровождается выдачей документа; информальное образование – это индивидуальная познавательная деятельность (самообразование), осуществляемая в повседневной жизни человека, даже не обязательно носящая целенаправленный характер.

и государственной итоговой аттестации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность»)⁵⁶;

- тестирование помогает активному населению в поиске работы, особенно на формальном рынке труда, поскольку для работодателей важную роль играют именно документы, подтверждающие квалификацию соискателя (дипломы, аттестаты, сертификаты и другие документы), целью которых может стать также отражение всех знаний, умений и навыков, полученных человеком на протяжении его жизни, как например, в Норвегии, где уже давно суммируются все виды образования, полученные человеком в течение его жизни и принимаются во внимание работодателем;

- стандартизация требований к тому или иному виду образования, их формализация в виде тестирования постоянно совершенствуется, неудачные его формы будут постепенно исчезать. Именно тестирование позволяет ввести единые критерии оценки знаний. Образовательные стандарты будут в большей степени приниматься развивающимися странами, выходящими на глобальный рынок труда. Разработка Международной стандартной классификации образования (МСКО)⁵⁷, начавшаяся под эгидой ЮНЕСКО еще в 70-е годы XX в. и продолжающаяся до настоящего времени, как нельзя лучше отражает стремление к унификации мировых образовательных систем. Глобальные сдвиги в жизни мирового сообщества рожают новые формы профессионального образования, программы обучения, новые технологии в образовании, которые могут служить базовой моделью для формирования многочисленных национальных систем образования.

Образование в информационном обществе становится фактором успешности профессиональной деятельности, и особое значение при этом играет его роль в формировании способности человека отбирать необходимую и усваивать информацию, которая на первый взгляд становится безгранично доступной.

⁵⁶ Федеральный закон об образовании РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

⁵⁷ The International Standard Classification of Education (ISCED). URL: <http://www.unesco.org/open-access/terms-use-ccbysa-en>

2.2. ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ЕЕ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА

Явление упадка старых профессий и появление новых в структуре занятости – общемировая тенденция, отражающая технологические сдвиги. Это наблюдалось и в России в 1990-е годы и выражалось, в частности, в повышении образовательного уровня рабочей силы в IT, некоторых инженерных, учебно-воспитательных профессиях и др. Однако социальные потрясения этого периода выходят на первый план по масштабу изменений в профессиональной занятости населения.

Возникновение рыночной экономики, сменившей советскую систему планового и директивного управления, обнулило запрос на многие прежде существовавшие профессии и изменило требования к большому количеству других. Как было показано в предыдущей главе, шанс трудоустройства определялся наличием нужной профессии или занятия. По признаку востребованности все профессии были отнесены к трем категориям (рис. 1.1.1):

I – с *восходящей* динамикой перемещений и занятых, и безработных;

II – с *горизонтальными* перемещениями без вертикальных сдвигов;

III – с *нисходящими* перемещениями.

Такая вертикальная синхронная и однонаправленная профессиональная динамика у занятых и безработных раскрыла механизм профессиональной адаптации в условиях глубокого кризиса.

При этом предпринятый анализ не давал ответа на вопрос, какие изменения происходили в образовательном уровне рабочей силы внутри профессиональных групп, поскольку занятость во многих из них допускает различный уровень образования. Оставался вопрос о степени зависимости адаптация на рынке труда от уровня образования?

Базой для анализа послужили данные за 1992–1996 гг. (тот же период, что и в предыдущей главе, использованный для анализа профессиональной структуры). В отличие от профессиональной структуры занятости и безработицы, анализ образовательного уровня профессиональных групп определяет, в каких профессиях

и как меняются требования к профессиональному образованию, а также и то, с каких образовательных позиций происходили перемещения рабочей силы как в сторону повышения образовательного статуса, так и «пренебрежения» им (зафиксированный статистикой образовательный уровень понизить нельзя).

Так, например, если учитель проработал короткое время продавцом, он уже в статистике учитывается как продавец, а не учитель. Если же мы смотрим, какое образование у продавца, водителя или грузчика, то наличие у него, например, высшего образования будет всегда отражено в статистике, независимо от настоящего его статуса. Следовательно, если наблюдается резкое увеличение числа людей с высшим образованием в тех профессиях, в которых оно не требовалось, то очевидно, что в эти профессии приходили люди, вынужденно ушедшие из плохо оплачиваемых или умирающих профессий. В связи с этим в статистике 1992–1994 гг. отражено удивительно быстрое появление рабочей силы с высшим и средним профессиональным образованием в статусных для новой реальности профессиях (юристы, коммерсанты и пр.). Это может указывать на профессиональную адаптацию бывших советских служащих, имевших высшее образование и успешно встроившихся со своими знаниями в рыночную экономику. Этим же можно объяснить быстрое увеличение числа специалистов с высшим образованием в конъюнктурных профессиях.

На рисунках 2.2.1–2.2.4 занятые и безработные сгруппированы по тому же принципу, что и в первой и третьей главах, все те же три группы профессий с различной динамикой: I группа (низ рисунка) – занятые/безработные в профессиях с восходящей вертикальной мобильностью – конъюнктурные или наиболее востребованные; II группа (середина рисунка) – горизонтальная мобильность с минимальной динамикой; III группа (верх рисунка) – занятые/безработные в профессиях с нисходящей вертикальной мобильностью – отмирающие или наименее востребованные.

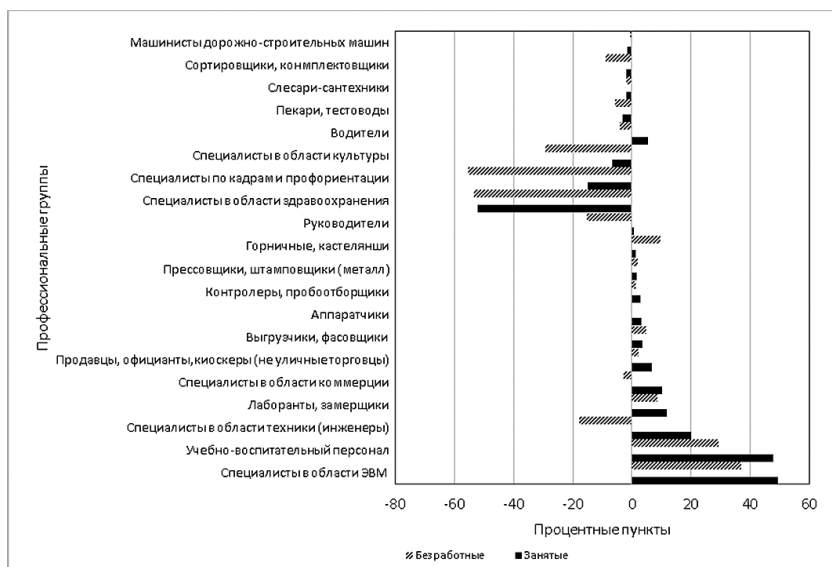
В настоящем разделе, в отличие от первой и третьей глав, где прослеживаются перемещения рабочей силы между профессиональными группами, рассматриваются изменения в составе непосредственно в профессиональных группах рабочей силы по признаку образования.

На каждом из четырех рисунков (для каждого вида образования) на вертикальной оси координат расположены профессии: в верхней части с отрицательной динамикой, то есть сокращение профессий с соответствующим уровнем образования (например, на рис. 2.2.1 мы видим сокращение медицинского персонала с высшим образованием); в средней части рисунков расположены профессиональные группы, в которых наблюдалась минимальная динамика в образовательном уровне рабочей силы; в нижней части рисунка – рост данного уровня образования.

На рисунках 2.2.1–2.2.4 показано, как за 5 лет менялся уровень образования рабочей силы внутри профессиональных групп.

На горизонтальной оси координат за «0» принят 1992 год: вправо показано увеличение численности рабочей силы за 5 лет с соответствующим уровнем образования в каждой профессиональной группе; влево – ее уменьшение.

Рис. 2.2.1. Изменение численности рабочей силы с полным и неполным высшим образованием по профессиям за пять лет (1992–1996 гг.)

Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 64–76.

Так, на рис 2.2.1 можно видеть, как менялась численность рабочей силы с высшим образованием (на горизонтальной оси координат вправо расположены данные, указывающие на их увеличение, а на горизонтальной оси влево – сокращение). Аналогично расположены данные на рис. 2.2.2 для рабочей силы со средним профессиональным образованием, а на рис. 2.2.3 и 2.2.4 – со средним общим и основным общим образованием, соответственно.

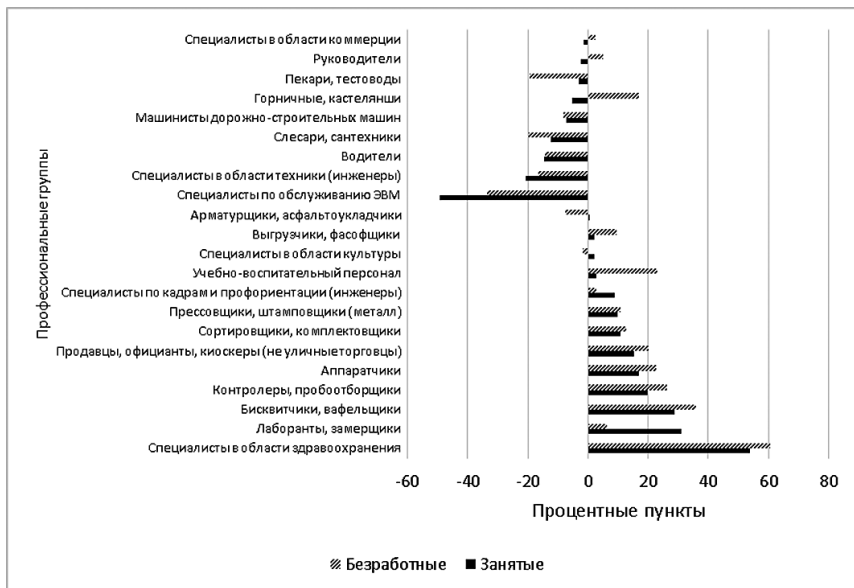
Сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что перемещения и занятых, и безработных, имевших одинаковый уровень образования, происходило в большинстве случаев одинаково и синхронно. То есть рабочая сила перемещалась внутри профессиональных групп в зависимости от уровня своего образования, а не статуса занятости (занятый или безработный).

При этом и занятые, и безработные (табл. 2.2.1) с высшим образованием уходили из ряда профессий, например, специалисты в области культуры, по кадрам и профориентации, в области здравоохранения и др., а приходили в такие профессии, как специалисты в области компьютерной и других областей техники (инженеры). При этом и занятые, и безработные шли в одни и те же профессии.

Усложнение материального производства и его модернизация обычно приводят и к соответствующим объективным изменениям в требованиях к профессиональной подготовке. Технологический прогресс обусловил рост требований к уровню подготовки специалистов в области компьютерных и иных технологий. Требования к уровню их образования повысились со среднего профессионального до высшего профессионального. Также наблюдается вытеснение *учебно-воспитательного персонала* со средним образованием там, где стали требоваться специалисты с высшим и средним профессиональным образованием.

Однако повышение среднего уровня образования происходит не везде. Это не наблюдается среди специалистов в области здравоохранения, где возросла доля рабочей силы со средним профессиональным образованием (рис. 2.2.2) и можно констатировать сокращение доли специалистов в сфере здравоохранения с высшим образованием (рис. 2.2.1). Так, сокращение врачей с высшим образованием в здравоохранении трудно объяснить иначе, кроме как кризисом и сокращением этой сферы, а также ростом доли платных услуг в медицине.

Рис. 2.2.2. Изменение численности рабочей силы со средним профессиональным образованием за пять лет (1992–1996 гг.)

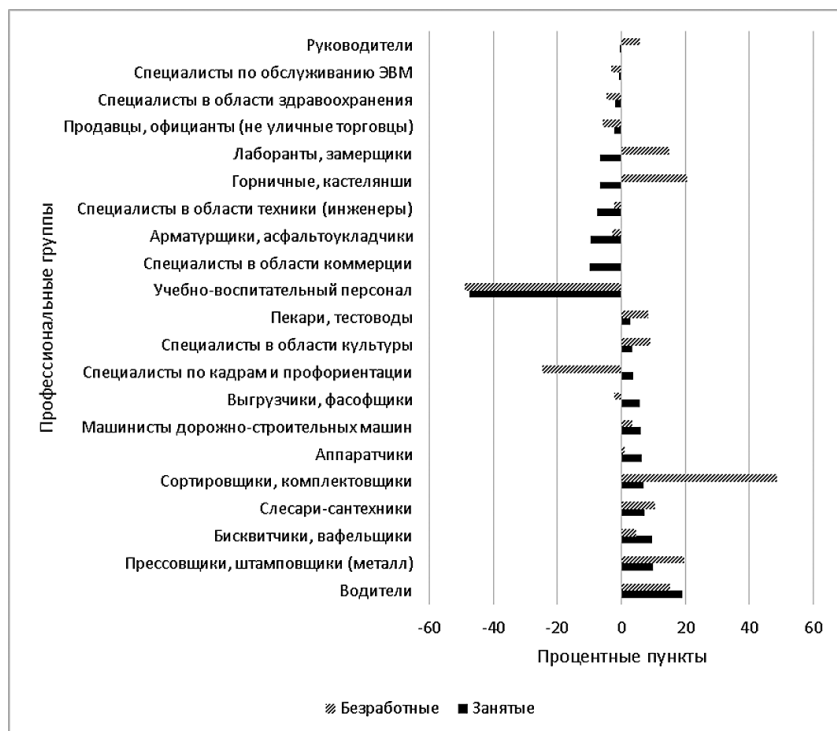
Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 64–76.

Сокращение числа безработных и занятых среди специалистов с высшим образованием в области культуры, специалистов по кадрам и профориентации объяснимо сменой общественной парадигмы. Многие из них заняли рабочие места там, где не требовалось высшее образование.

Очевидное преимущество в профессиональной адаптации представляет собой как высшее, так и среднее профессиональное образование. Это происходит в технических профессиях (рис. 2.2.1 и 2.2.2), где в этих образовательных диапазонах наблюдается и большая динамика⁵⁸.

⁵⁸ При этом важную роль может играть непосредственное окружение участника и социальные связи, приобретенные в процессе пребывания в учебном заведении (об этом пойдет речь в четвертой главе).

Рис. 2.2.3. Изменение численности рабочей силы со средним (полным) общим образованием по профессиям за 5 лет (1992–1996 гг.)

Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 64–76.

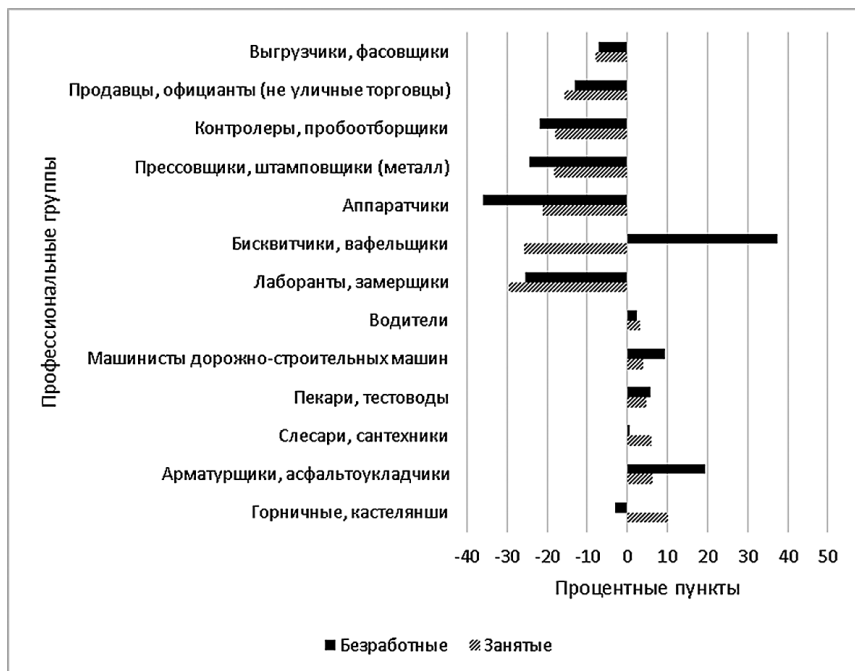
Наименее востребованными остаются лица со средним основным и средним общим образованием⁵⁹. На примере учебно-воспитательного персонала видно, как вытесняются работники со средним общим образованием и на их место приходят или претендуют люди со средним специальным и высшим образованием.

Конкурентоспособность среднего (полного) общего образования на рынке труда существенно снижается: оно характерно,

⁵⁹ После получения среднего основного (9 классов) образования можно поступать в колледж и техникум, а после среднего (полного) общего образования (11 классов) – в вуз.

прежде всего, для профессиональных групп машинистов, слесарей, водителей (рис. 2.2.3).

Рис. 2.2.4. Изменение численности рабочей силы с основным общим образованием (8 классов общеобразовательной школы) по профессиям за пять лет (1992–1996 гг.)

Источник: рассчитано автором. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 64–76.

Еще менее конкурентоспособно основное общее образование – окончание 8 классов средней школы (рис 2.3.4). Таким образом, рабочая сила со средним как с (полным) общим, так и с основным общим образованием вытесняется в результате так называемого технического смещения квалификации более образованными группами работников (особенно в периоды высокой общей безработицы), готовыми занимать рабочие места с более низким уровнем образования и квалификации. Менее же образованным категориям остается только соглашаться на

временную работу или вообще терять ее. К данной категории относятся (рис. 3.2.4) аппаратчики, прессовщики, штамповщики, контролеры, пробоотборщики, продавцы (не уличные торговцы), выгрузчики и фасовщики.

Высшее профессиональное образование дает бесспорные преимущества для адаптации в профессиях, которые связаны с новыми технологиями. Среднего профессионального образования для таких профессий оказывается подчас недостаточно (IT, инженеры). Также требуется более высокий уровень образования и для занятия учебно-воспитательной работы.

Переход к другому занятию, профессии знаменует лишь один из этапов профессиональной адаптации, часто допускавшему различный уровень образования, в результате чего возникла развилка: вертикальная восходящая адаптация с повышением образовательного статуса и вертикальная нисходящая с его понижением.

В 1990-е годы и занятые, и безработные с одинаковым образованием уходили и приходили в одни и те же профессии, а статус занятости не играл той роли, которую играла индивидуальная готовность, осведомленность, установка на вхождение в новую реальность, что в сочетании с образованием было наиболее сильным фактором адаптации в новой профессии.

Глава 3

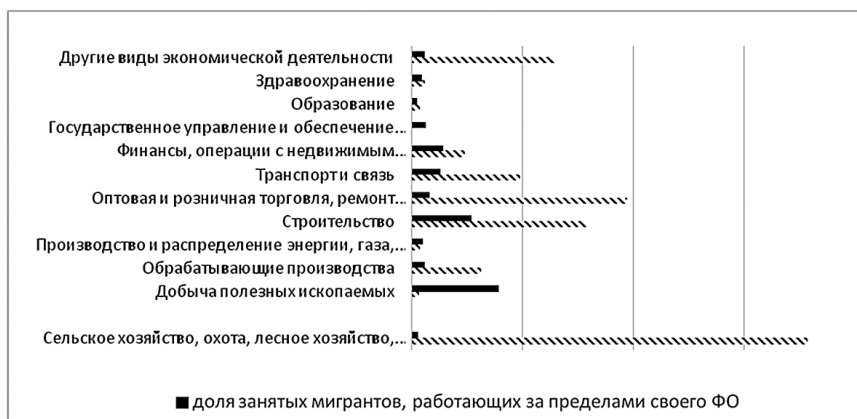
Формы стихийной профессиональной адаптации

Профессиональная адаптация многих миллионов людей трудоспособного возраста как занятых, так и только вступающих в трудовую жизнь протекала в различных формах. В том числе через неформальную занятость и внутреннюю трудовую миграцию. Как показал опыт социальных потрясений в России 1990-х годов, такие изменения могут быть глубокими и происходить исключительно быстро, показывая способность или неспособность конкретных людей самостоятельно адаптироваться на рынке труда.

Объединение данных видов адаптации в одном разделе объясняется в значительной мере их характером – преобладанием стихийных форм. Хотя, как свидетельствует опыт для внутренней миграции в определенные периоды истории, были существенны и организованные формы (освоение целины, оргнабор, «стройки коммунизма»).

Обе эти формы занятости могут переходить одна в другую: внутренние трудовые мигранты могут уходить в неформальную занятость, а неформально занятые уезжать в поисках работы в другие регионы. При этом, рассматривая их вместе (рис. 3.1), видны различия в сферах деятельности неформально занятых (НФЗ) и внутренних трудовых мигрантов (ВТМ), во многом определяемые их статусом: легальным для ВТМ, которые, например, могут работать в государственном управлении и правоохранительных структурах и неформальным – для НФЗ, которые заняты преимущественно в тех отраслях (сельское хозяйство, торговля, строительство, транспорт), где находится возможность работать без государственной регистрации в качестве юридического лица, что является не единственным, но важнейшим критерием участия в неформальной экономике.

Рис. 3.1. Доли НФЗ (заштриховано) и ВТМ среди всех занятых по видам экономической деятельности в 2016 г., %

Источник: О межрегиональной трудовой миграции в 2016 г. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2016.htm. С. 4

3.1. РОЛЬ И МЕСТО НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Сам термин «неформальный» говорит о статусе занятых, разделяя их на две категории по признаку лояльности, в то время как многие современные формы неформальной занятости сильно различаются между собой по существу. Однако трудности понимания феномена и его измерения часто происходят именно из-за того, что отсутствует четкое определение неформального сектора. Насчитывается около тридцати определений данного явления, которые могут иметь различные оттенки: альтернативная, автономная, наличная, тайная, скрываемая, контр, двойственная, скрытая, невидимая, маргинальная, лунная, прочая, параллельная, периферийная, вторичная, погруженная, подземная, сумеречная, не выставляемая напоказ, неофициальная, не охватываемая налогами, подводная.

Профессиональный состав и образовательный уровень НФЗ в настоящей работе рассматриваются в рамках терминологии, используемой Росстатом⁶⁰, которую тем не менее также важно

⁶⁰ Статистика Росстата соответствует методикам МОТ и ЕС.

конкретизировать, поскольку как сами термины, так и их развернутое толкование имеют большое значение для объяснения и понимания этого феномена.

Определения и смыслы неформальности⁶¹. Методика оценки неформальной занятости важна как для определения ее масштаба, поскольку ее как форму адаптации выбирает более пятой части рабочей силы в России, так и для понимания ее профессиональной и образовательной структуры, необходимого для выработки государственной стратегии в отношении этого феномена⁶².

Суть неформального сектора была определена на 15-ой МКСТ в 1993 году, а ее Резолюция явилась первым шагом в подготовке международных стандартов в качестве ориентиров для развития статистики неформального сектора. Очевидно, что для этих целей ей была необходима определенная гибкость, поскольку из-за скрытой природы самого явления и трудностей получения информации нельзя рассчитывать на особо точные данные по неформальной занятости даже по отдельно взятой стране. Еще сложнее получать единообразную информацию по многим странам: до сих пор продолжают существовать национальные особенности в расстановке акцентов относительно того, что включать в неформальный сектор, а что – нет. Сама суть социальных процессов такова, что их бывает трудно четко разграничить между собой, поскольку границы оказываются размытыми. Чаше можно судить о тенденциях, а не о точных показателях, позволяющих определить границы и состав тех или иных социальных групп.

В Резолюции неформальный сектор определен как «совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с целью обеспечения работой и доходами участвующих в них лиц и обладающих характерными чертами предприятий домашних хозяйств»⁶³,

⁶¹ Хохлова М.Г. Неформальная занятость: к вопросу о терминах. Социально-трудовые исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 89–97; Социально-трудовые отношения: сравнительный анализ западных и российских практик действий на рынке труда. Отв. ред. Комаровский В.В., Веденеева В.Т. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 207.

⁶² В Системе национальных счетов (СНС 2008) применяется термин *ненаблюдаемая экономика*, который используется далее в тексте о ЕС, где чаще пользуются именно этим термином.

⁶³ Методическое руководство для пользователей базы микроданных по обследованию населения по проблемам занятости. М.: Росстат, 2003. С. 97–98.

как «производство со слабо выраженным, или полным отсутствием разделения на труд и капитал как факторы производства; как деятельность, осуществляемую в незначительных масштабах с экономической точки зрения; деятельность, которая основывается на нерегулярной занятости, личных связях и партнерских отношениях, а не на договорных отношениях с формальными гарантиями»⁶⁴.

Впоследствии это определение подвергалось внимательному изучению и конкретизации. В частности, признавалось необходимым использование следующих критериев⁶⁵: правового статуса (отсутствие регистрации предприятия), типа отчетности (отсутствие полного комплекта отчетности), направленности производства (по крайней мере должна быть некоторая доля рыночного производства товаров). Эти особенности являются принципиальными.

Также следует отметить ограниченный доступ к организованным рынкам, кредитным учреждениям, современным технологиям, профессиональному обучению, а деятельность осуществляется, как правило, вне постоянного помещения или на дому у владельцев. Все это делает вход в неформальную деятельность легким для адаптации, часто именно тогда, когда, неблагоприятно складываются экономические обстоятельства.

Термин *неформальный сектор* (появившийся в 1970-е годы) на 90-ой сессии МКСТ в Женеве в 2002 г. был заменен на термин *неформальная экономика*, что придавало ему более широкое толкование для того, чтобы учесть все «экономические действия, которые с позиции закона или на практике, не охвачены или недостаточно охвачены формальными установлениями»⁶⁶. Принятая тогда Резолюция⁶⁷ и последующие МКСТ уточняли и конкретизировали

⁶⁴ Решения 15-ой МКСТ § 5 (1). Измерение ненаблюдаемой экономики. Руководство ОЭСР. М.: Росстат, 2003. С. 46.

⁶⁵ Постановление Госкомстата РФ от 25.10.2001 года № 76 об утверждении методологических положений по измерению занятости в неформальном секторе экономики. Законодательство РФ 2001 г. (часть 1). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=302398#08069287697449319>

⁶⁶ ILO. The Informal Economy and Decent Work: A Policy Resource. Guide supporting transitions to formality. 15 May 2013. URL: https://www.ilo.org/emppolicy/pubs/WCMS_212688/lang-ja/index.htm

⁶⁷ ILO. The Informal Economy. URL: [http://www.ilo/public/English/standards/reln/ilc/ilc90\(P/52/53\)](http://www.ilo/public/English/standards/reln/ilc/ilc90(P/52/53))

понятие неформальной экономики, в частности, неформальной признавалась занятость наемных работников, работавших на неформальных рабочих местах на предприятиях реальной экономики; занятых в качестве оплачиваемых надомных работников в домохозяйствах; помогающих членов семей, работающих на предприятиях формального сектора⁶⁸.

НФЗ включают достаточно широкий круг лиц, что во многом и объясняет их высокую долю среди рабочей силы (превышающую в России 20%). Понимание их состава является важным фактором для сокращения их численности, например, в сельском хозяйстве путем участия в социальной экономике (см. § 3.4).

Методы статистического учета влияют на время получения результатов происходящих изменений. Например, данные о росте безработицы в 2008 г. были получены уже летом, а спад экономического производства был зафиксирован только в октябре (см. § 1.2, с. 22).

Так, в большинстве стран продукция и услуги, производимые внутри домашних хозяйств для собственного конечного их потребления, не являются товаром, произведенным для сбыта на рынке, а люди, производящие товары и услуги в домашних хозяйствах для собственного пользования исключаются из национальных счетов (то есть, произведенный ими продукт не включается в ВВП). Производство для собственного конечного использования может составлять значительную долю и являться важным в периоды экономических кризисов, когда за счет такой деятельности поддерживается уровень жизни многих людей. Значительное снижение денежных доходов, происходящее в периоды кризисов, приводит к резкому увеличению собственного производства, а часть продукции и услуг начинает производиться на продажу, то есть превращаются в товар, а их производители, соответственно, в НФЗ, поскольку сразу становятся рабочей силой на рынке труда. В кризисные периоды это приводит к росту НФЗ. Кроме того, многие виды, если не большая часть, этой работы осуществляется женщинами как вторичная занятость и в большинстве случаев такие трудозатраты также не охватываются статистикой.

⁶⁸ Там же, с. 3.

В России Росстатом совместно с ОЭСР, МВФ и МОТ было подготовлено Руководство по измерению ненаблюдаемой экономики⁶⁹. Оно соответствует международным стандартам, принятым в данной области, и в нем идет речь о неформальной экономике, объясняются истоки и сущность, ее значение. Опираясь на положения, изложенные в этом документе, составляются национальные счета, что должно делать их результаты сопоставимыми с другими странами. В нем представлена концептуальная основа, соответствующая международным стандартам, в частности СНС, определяется производство неформального сектора, а также произведенные в этом секторе товары и услуги, являющиеся согласно принятым нормам вполне легальными: «Некоторые виды деятельности находятся в пределах границ сферы производства в СНС и являются законными (при условии соблюдения некоторых стандартов и рекомендованных предписаний)»⁷⁰.

Сферы деятельности самозанятых граждан (табл. 3.1.1), по данным управления ФНС РФ за 2017–2018 гг. включают: присмотр и уход за детьми, репетиторство, уборку жилых помещений, ведение домашнего хозяйства. 6 августа 2017 г. начал действовать Федеральный закон № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой ГК РФ» о самозанятых гражданах, оказывающих услуги физическим лицам.

Неформальную экономику не следует путать с такими проблемными областями ненаблюдаемой экономики, как теневое производство, незаконное производство и производство домашних хозяйств для собственного конечного использования (упомянутое выше), по которым не ведется официальная статистика⁷¹.

В неформальный сектор не включаются: финансово-промышленные группы, паевые инвестиционные фонды, представительства, филиалы и другие обособленные подразделения юридических лиц несмотря на то, что эти организации не имеют прав юридического лица; крестьянские (фермерские) хозяйства, зарегистрированные в качестве юридических лиц.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ ЕК, МВФ, ОЭСР. Система национальных счетов 2008 (СНС – 2008). § 6.40. Нью-Йорк, 2012. С. 111. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008-Russian.pdf>.

⁷¹ Измерение ненаблюдаемой экономики. Руководство OECD, IMF, ILO, CIS STAT. М., 2003.

Таблица 3.1.1.

Самозанятые и НФЗ – различия и сходства понятий

Виды деятельности	НФЗ	Самозанятые
граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица или на индивидуальной основе, независимо от того, имеют ли они, или не имеют государственную регистрацию в качестве предпринимателя;	+	могут иметь регистрацию в качестве ИП
крестьянские (фермерские) хозяйства, главы которых зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица;	+	+
лица, занятые оказанием профессиональных или технических услуг (врачи, нотариусы, аудиторы, и др.), независимо от того, имеют ли они государственную регистрацию в качестве предпринимателя без образования юридического лица;	+	+
лица, занятые оказанием платных услуг по дому (горничные, сторожа, водители, гувернантки, няни, домашние повара, домашние секретари и т.п.), независимо от того рассматриваются ли они как наемные работники или как самостоятельно занятые;	+	+
простые товарищества, созданные по договору простого товарищества между индивидуальными предпринимателями;	+	+
граждане, работающие по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей;	+	+
граждане, работающие по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей;	+	+
лица, занятые в домашнем хозяйстве производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и ее переработкой, если производимая продукция предназначена для реализации на рынке.	+	+

Критерием для определения неформального сектора в статистике являются масштабы товарного производства домохозяйствами, то есть их рыночная деятельность, а также наличие при этом регистрации в качестве юридического лица и соответствующей отчетности⁷².

Различие между неформальным сектором и теневыми видами деятельности также существуют, хотя оно является менее четким. «К теневой экономике относится, в частности, любая деятельность, при осуществлении которой предприятия предпочитают не декларировать часть или весь их доход в целях уклонения от уплаты косвенных или прямых налогов; или если они нарушают трудовое законодательство или иммиграционный порядок, осуществляя неучтенный наем труда, или принимают решение функционировать без официального разрешения во избежание длительных или дорогостоящих бюрократических процедур, или когда самозанятые работники заявляют, что они являются безработными в целях получения пособий по безработице.

В экономическом смысле производственная деятельность НФЗ вполне законна до тех пор, пока нет:

- уклонения от уплаты налогов на доходы на добавленную стоимость, а также прочих налогов;
- уклонения от уплаты взносов на социальное страхование;
- нарушения предусмотренных законодательством стандартов (минимальные размеры оплаты труда, максимальная продолжительность рабочего дня, стандартов безопасности и санитарных норм и т.д.);
- уклонения от административных процедур (заполнение статистической отчетности и других форм)⁷³.

Различие между понятиями *неформальная* и *незаконная* не является четким, тем не менее первая рассматривается как нарушение административного права, а вторая – считается уголовным преступлением. При этом считается, что нет необходимости точно разграничивать эти два вида деятельности, поскольку они оба

⁷² Большое число крестьянских домохозяйств в России, производящих продукты с целью продажи, не являются юридическими лицами и по этой причине относятся к неформальному сектору.

⁷³ СНС § 6.40, С. 111. 2008. ЕК, МВФ, ОЭСР, ООН, Всемирный банк. URL: <http://unstats/un.org/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf>

включаются в границы сферы производства, то есть учитываются в национальных счетах

Незаконной деятельностью являются, например, производство и распределение запрещенных наркотиков или виды деятельности, которые являются незаконными при условии, что они осуществляются без наличия разрешения (медицинская практика без лицензии, и прочее). Измерение трудозатрат в этих секторах экономики затруднено, поскольку опросы не проводятся, аналогичная ситуация с трудностью опросов о производстве для домашних хозяйств.

Неформальная (незаявленная) занятость в мире: отношение к ней государства. Все страны принимают меры по борьбе с незаявленной занятостью, которые чаще всего направлены на регулирование рынка труда: регистрация контрактов (в том числе на неполную занятость), ограничения доступа к здравоохранению при неуплате страховых взносов, установка кассовых аппаратов, ограничения на рекламу и пр. Однако они, как правило не предусматривают создания условий для их адаптации, но, например, в Германии реформа Кодекса о ремеслах включила: упрощение процесса создания ремесленных производств, сокращение незаявленной занятости в «простых» профессиях посредством стимулирования труда лиц, не имеющих квалификации мастера ремесла в разрешенных профессиях⁷⁴; а также стимулирования НФЗ для открытия ими своего бизнеса, наподобие мероприятий, которые предпринимаются в отношении безработных.

Чаще всего мероприятия по ограничению неформальной занятости проводятся в отношении занятых в сельском хозяйстве и строительстве, поскольку именно там наибольшее число НФЗ. В разных странах используются различные методы (табл. 3.1.2): например, на юге Италии в этом участвуют целые бригады специалистов разного профиля, а мероприятия представляют собой широкомасштабные операции с привлечением военных; в Эстонии – инспектирование; введение удостоверений в Люксембурге; создание информационных

⁷⁴ Renoy P., Ivarsson S., Van der Wusten-Gritsai O., Meijer E. Undeclared Work in an Enlarged Union. An Analysis of Undeclared Work: An In-Depth Study of Specific Items. European Commission: Directorate-General for Employment and Social Affairs Unit EM-PL/A/1 2004. URL: https://www.researchgate.net/figure/ncidence-of-undeclared-work_tbl1_234833136

групп при ведомствах в Финляндии; попытки убеждения в Латвии выглядят неубедительно. Но в основном это карательные меры, связанные с наказанием и получением дохода в казну.

Меры, предпринимаемые для борьбы с незаявленной занятостью, зависят от уровня социально-экономического развития страны. В частности, одни страны (Турция, Румыния и Болгария) сосредоточивают свои усилия на поиске путей ускорения экономического развития и привлечения прямых иностранных инвестиций как средства борьбы с неформальной экономикой, в то время как другие страны (Нидерланды, Ирландия, Великобритания и Австрия) большее внимание уделяют методам принуждения и санкциям. Попытки сократить масштабы теневой экономики путем более высоких штрафов и ужесточения контроля являются дорогостоящими и не очень эффективными – это позволяют себе, как правило, богатые страны. В таблице 3.1.2 содержится перечень основных мер, используемых странами-членами ЕС, для борьбы с незаявленной занятостью:

Таблица 3.1.2.

Примеры борьбы с незаявленной занятостью в странах-членах ЕС

Италия. Плановые и скоординированные мероприятия, осуществляемые бригадами, состоящими из инспекторов по труду, социальному обеспечению, представителей агентств по страхованию от несчастных случаев на производстве, а также военнослужащих итальянских вооруженных сил, отвечающих за общественный порядок. В 2010 г. Министерство труда Италии запустило специальный план по борьбе с незадекларированной работой в сельском хозяйстве и строительстве в четырех южных итальянских регионах (в общей сложности инспектировалось 10 тыс. сельскохозяйственных фирм и 10 тыс. строительных площадок), для которых были определены количественные целевые показатели. Было нанято около 550 инспекторов, в том числе 50 из других регионов. Программа подразумевала бюджет в 1,9 млн. евро на покрытие расходов персонала, прибывшего из других регионов. В результате было выявлено более 20300 работников, о занятости которых не было заявлено полностью или частично, а 60% фирм строительного сектора допускали нарушения.

Продолжение таблицы 3.1.2.

Эстония. В 2012 г. налоговики инициировали инспекцию 278 строительных компаний, в том числе 132 необъявленных посещения. Налоговики опросили в общей сложности 1600 сотрудников, средняя декларируемая зарплата в этих компаниях составила 388 евро, а после проверок выросла до 532 евро. В результате этой целенаправленной кампании налоговики выявили незадекларированные и неуплаченные налоги в размере 780 тыс. евро (Эстонская Конфедерация Работодателей, 2012).

Люксембург. В 2012 г. для борьбы с незадекларированной занятостью в строительном секторе было решено ввести удостоверение личности для рабочих на строительных площадках. Идентификационная карта должна содержать данные о каждом работнике: имя его работодателя, тип подписанного контракта и дата начала его работы, а также готовность обеспечивать проведение инспекционных визитов. Однако для проведения проверок нет достаточного количества персонала. Профсоюзы тем временем считают, что санкции должны быть серьезными, предполагающими как финансовые штрафы, так и даже закрытие строительства.

Финляндия. В Министерстве финансов создана информационная группа с бюджетом в 1,9 млн. евро, в которой работают 20 сотрудников. За год было проведено в общей сложности 732 налоговых проверок и расследований, в результате которых было взыскано 42 миллиона евро незадекларированной заработной платы и 65 миллионов евро незадекларированных продаж. Для строительной отрасли с 2011 г. введен реверсивный НДС, при котором НДС уплачивается покупателем (главным подрядчиком) в отличие от того, как это обычно бывает (субподрядчиком), чтобы налоговое обязательство не исчезало в цепочке субподрядов.

Швеция. Предприятия, продающие товары и услуги в обмен на наличные платежи, должны иметь сертифицированный кассовый аппарат, состоящий из двух частей: кассового аппарата и черного ящика, соединенного с кассовым аппаратом, который читает транзакции. Только сотрудники шведского налогового агентства могут получить доступ к информации в черном ящике. Компании должны самостоятельно купить кассовый аппарат, который стоит 1785 евро, иначе они будут оштрафованы на 1190 евро. Статистика шведского налогового агентства показывает, что заявленный НДС для ресторанов вырос на 7% и на 11% в парикмахерском деле. Шведские граждане могут получить налоговый вычет (50%) на оплату труда при ремонте, переоборудовании и расширении домов до \$6000 в год. Компании взимают с клиента стоимость материалов и половину

затрат на оплату труда, включая НДС, а компания запрашивает непогашенную сумму у шведского налогового агентства. По оценкам шведского налогового агентства (2011), незадекларированная работа сократилась на 10% в период с 2005 по 2011 год в этих странах.

Польша. Министерство финансов обязывает иметь электронные фискальные кассовые аппараты для ряда профессий (например, юристы, налоговые консультанты, врачи, ведущие частную практику, похоронные бюро и переводчики). Непосредственный эффект оказался слабее, чем ожидалось, так как менее 30% от предполагаемого числа уведомили налоговую администрацию о приобретении фискальных кассовых аппаратов в течение месяца после вступления закона в силу.

Венгрия. В 2010 г. принят закон «Об упрощенной занятости сезонных и временных работников». Работодатель должен уведомлять о работниках с помощью простого текстового сообщения (SMS) или в электронном виде.

Германия. Тем получателям, кто желает начать свой бизнес, пособия по безработице предоставляется по программе «Стартовая премия» (Gründungszuschuss, GZ) ежемесячный грант в размере 300 евро в течение первых шести месяцев, и дополнительные 300 евро еще на девять месяцев. От 119 до 147 получателей пособия по безработице с 2011 г. ежегодно регистрировались в рамках программы GZ. Наблюдения показали, что через 19 месяцев после запуска программы 75–84% все еще находились в бизнесе.

Испания. Для незадекларированных работников в 2011 г. Парламент принял королевский указ (5/2011) об амнистии для работодателей за незаявленную занятость. Система амнистии предусматривает много этапов, постепенно увеличивающих степень наказания за нарушение правил регистрации незадекларированных работников в органах социального обеспечения.

Литва. В 2009 году Государственная инспекция труда стала уделять больше внимания бизнес-консалтингу, общественной информации и повышению осведомленности. Эти мероприятия осуществлялись через различные каналы средств массовой информации, например, радио, телевидение, пресса, интернет, информационные экраны в торговых центрах и общественном транспорте. Это снизило терпимость к незадекларированной работе в Литве и в 2011 г. 2400 человек сообщили о случаях незадекларированной работы анонимно. Более 50% всех зарегистрированных анонимных звонков оказываются правдой.

Источник: Tackling undeclared work in 27 European Union Member States and Norway: Approaches and measures since 2008. Eurofound, Dublin, 2013. P. 44.

В соответствии с Инструкцией Еврокомиссии от 2003 г. все страны-члены ЕС включили выработанные ей меры по борьбе с незаявленной занятостью в свои национальные планы занятости. В большинстве стран основной акцент сделан на упрощение правил и мер по регулированию с целью снижения административного давления на занятых (особенно при открытии нового бизнеса). Приветствуются инициативы, направленные на поиск оптимального соотношения между налогами и вознаграждениями. Лишь немногие страны выработали адекватные институциональные меры воздействия на эластичность рынка труда. Во многих странах Центральной и Восточной Европы произошло усиление регулирования рынка труда, например, путем введения принудительной (обязательной) регистрации решений о заключении контрактов. Более того, страны ужесточают старые и разрабатывают новые наказания. Подобная практика характерна для секторов, особенно предрасположенных к использованию незаявленного труда, например таких, как домашние услуги.

Европейская Комиссия, обобщая положительный опыт в этой сфере, выделяет следующее: поручительства в Бельгии; видимый и предупредительный контроль в Швеции; чековая служба занятости во Франции; минизанятость в Германии; создание Комитета по появлению теневой экономики в Италии.

Несмотря на официально принятое и широко используемое единое определение неформальной или незаявленной (*undeclared*) занятости в странах-членах ЕС, о котором им удалось договориться – «любая производительная деятельность, законная по своей природе, но о которой не заявлено официальным органам, принимая во внимание существующие различия в системах регулирования различных стран»⁷⁵, существуют национальные особенности в расстановке акцентов, которые следует учитывать.

Так, в понятие *теневая экономика* включается: в Болгарии нелегальная деятельность; на Кипре оно объединяет неформальный сектор (товары и услуги для собственного использования и чаевые), скрытый сектор (незарегистрированные производственные единицы и доходы от них), нелегальный сектор (частное преподавание, медицинское обслуживание, игорный бизнес, проституция,

⁷⁵ ЕС. European Employment Observatory Review: Autumn 2004. Luxembourg: Office for Official Publications of European Communities, 2005.

контрабанда и пр.); в Греции в него попадает даже неоплачиваемая деятельность, поскольку велик объем работ, выполняемых членами семей, особенно в сельском хозяйстве.

Точка зрения законодателей Великобритании состоит в том, что занятые могут заявить о своей работе, но при этом обладать другим статусом (строительные рабочие позиционируют себя в качестве самозанятых, а на самом деле работают по контракту). О важности понимания национального контекста и особенностей заявляют представители Германии, где для занятия 41 профессией требуется специальный сертификат (*Master brief*), подтверждающий квалификацию и право заниматься ею. Любая деятельность в рамках этих профессий без сертификата считается нелегальной, что и объясняет достаточно высокий показатель незаявленной занятости в Германии.

В странах различен состав политических приоритетов, направленных на оценку этого феномена, выработку различных превентивных, а также карательных мер.

Не менее важен и социально-политический аспект, например, уровень развития социальных гарантий и социальных выплат. В странах, где эти системы не развиты или связь между вкладом индивида и уровнем выплачиваемого ему вознаграждения недостаточна, работа по повышению уровня социальных гарантий практически не ведется. Также распространена точка зрения о том, что правительства экономически менее развитых государств часто склонны закрывать глаза на такие виды деятельности, сознавая, что многие индивиды не смогли бы экономически выжить, если не разрешать им такой незаявленной деятельности (например, в Румынии). От позиции правительств той или иной страны в отношении этой проблемы зависят предпринимаемые ими меры и объем, выделяемых на это средств.

В ряде публикаций по данной тематике⁷⁶ отмечается отсутствие общих и универсальных причин для развития неформальной экономики, которую порождает совокупность связанных между собой факторов, которые варьируются от страны к стране. Среди ключевых причин эксперты называют следующие:

- высокое налоговое бремя на бизнес и рабочую силу;

⁷⁶ Undeclared Work in an Enlarged Union. Report. Brussels, 2007. P. 138. URL: ebs_284_en.pdf

- бюрократические условия, сопровождающие создание и функционирование малых предприятий;
- недостаточная эластичность рынка труда и его общей организации;
- отсутствие доверия к качеству решений, принимаемых правительствами и общественными службами, уровень предоставляемых услуг не соответствует запросам.

Численность НФЗ. На симпозиуме МОТ, посвященном проблемам, связанным с неформальной экономикой и занятостью, проходившем в Женеве отмечалось, что к началу XXI века большая часть занятого населения в мире зарабатывает себе средства к существованию в неформальной экономике⁷⁷.

Так, доля несельскохозяйственной неформальной занятости по данным МОТ в настоящее время составляет 30,6% в Турции, 32,7% в Южной Африке, 72,5% в Индонезии, 83,6% в Индии⁷⁸.

Таблица 3.1.3.

**Неформальная экономика по странам
как доля в ВВП в 2013 г., %**

Болгария 31	Польша 24	Чехия 16	Великобритания 10
Хорватия 28	Греция 24	Швеция 14	Австралия 9
Румыния 28	Словения 23	Дания 13	Нидерланды 9
Литва 28	Венгрия 22	Финляндия 13	Япония 8
Эстония 28	Италия 21	Германия 13	Люксембург 8
Латвия 26	Португалия 19	Ирландия 12	Новая Зеландия 8
Кипр 25	Испания 19	Канада 10	Австрия 8
Мальта 24	Бельгия 16	Франция 10	США 7

Источник: Renoy P., Ivarsson S., Van der Wusten-Gritsai O., Meijer E. Undeclared Work in an Enlarged Union. An Analysis of Undeclared Work: An In-Depth Study of Specific Items. European Commission: Directorate-General for Employment and Social Affairs Unit EMPL/A/12004 URL: https://www.researchgate.net/figure/ncidence-of-undeclared-work_tbl1_234833136.

⁷⁷ ILO. Tripartite Interregional Symposium on the Informal Economy: Enabling Transition to Formalization. Geneva, 27–29.11. 2007. P. 1.

⁷⁸ ILO. Informality and the Quality of Employment in G20 Countries. ILO Report prepared for the G20 Labour and Employment Ministerial Meeting held in Melbourne, Australia. 10–11 September 2014. Australia. P. 3. URL: [wcms_305425.pdf](http://www.wcms_305425.pdf)

Наличие НФЗ в большей степени характерно для развивающихся стран, где нет достаточных социальных гарантий (пенсионного, медицинского обеспечения), низкие заработные платы и где она служит целям выживания, как правило, препятствуя улучшению условий труда, повышению его производительности, обучению и развитию навыков персонала и пр.

Доля неформальной экономики по странам (табл. 3.1.3) за десять лет с 2003 г. по 2013 г. снизилась в среднем на 3–4 п.п., хотя в 2008–2009 гг. было засвидетельствовано некоторое увеличение ее доли.

Природа неформальной экономики такова, что она с трудом поддается измерению, а применение различных методов расчета дает различные результаты. Учитывая эти трудности, а также различные методы исследований, используемые в конкретных странах, сравнения не всегда корректны. При этом актуальность учета неформальной экономики, принимая во внимание масштаб явления, за счет которого адаптируются миллионы людей во всем мире, очевидна.

Пример России показывает, что рост численности НФЗ наблюдается как в кризисные периоды, так и в периоды экономического подъема (табл. 3.1.4).

Таблица 3.1.4.

**Динамика численности и доля ФЗ и НФЗ
в России в 2001–2015 гг.**

	2001	2005	2010	2015
Все занятые, тыс. чел.	65124	68603	69804	72324
%	100	105,3	107,2	111,1
ФЗ тыс. человек	59969	56561	58322	57497
%	100	99,3	102,4	100,9
НФЗ тыс. человек	8155	12042	11482	14827
%	100	148,2	140,8	181,7

Источник: рассчитано автором по Росстат. Труд и занятость в России. 2002–2016.

Неформальная занятость в 2019 г. по данным Росстата составила 14,8 млн. человек или более 20% рабочей силы. Логично предположить, что адаптация безработных происходит за счет пополнения рядов НФЗ, благодаря чему, несмотря на кризис

2014–2015 гг., безработица в России находилась на сравнительно низком уровне – 5,6%.

Оценка масштабов НФЗ важна для определения ее роли в целом и адаптации работников в частности. Понимание ее внутренней структуры необходимо для выработки государственной стратегии и предложения альтернативных форм адаптации для многих миллионов НФЗ.

Признавая неформальную (незаявленную) деятельность по производству товаров и услуг законной по своей сути, позиция как российских, так и европейских чиновников однозначна в отношении того, что это незаконный уход от налогообложения и социальных взносов. В документах констатируется, что ее широкое распространение, ослабляет систему финансирования социальной защиты и оказания общественных услуг, а недополучение доходов от налогообложения и социальных взносов вынуждает государства урезать общественные услуги. Основными средствами борьбы Европейская Комиссия признает: достижение стабильного экономического роста, внедрение прозрачных систем оплаты труда, доверие правительству и его институтам.

Неформальная экономика (неотъемлемой частью которой являются НФЗ) представляет собой вызов политикам, целью которых является улучшение условий труда, социальная защита занятых, повышение производительности труда, обучение, развитие навыков и пр. Однако политики, заявляя эти цели, имеют ограниченные возможности для реализации их в реальной жизни⁷⁹.

Среди мер по снижению неформальной занятости в России можно выделить следующие направления:

- стратегические – создание новых официальных рабочих мест, поскольку неформальная занятость в России является следствием «дефицита рабочих мест»⁸⁰;

⁷⁹ Экспертный совет при Кабмине РФ в июле 2018 года предложил меры борьбы с неформальной занятостью, многие из которых уже приняты.

⁸⁰ Неформальная занятость в России вызывается не налогами, а дефицитом рабочих мест, как пишет Бутрин Д. На теневой труд пролили свет. Коммерсант. № 100, 11.06.2019. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3998542>

■ экономические, направленные на снижение барьеров для облегчения входа в легальный бизнес. Так, экономисты Всемирного банка считают перспективным либерализацию жесткого трудового законодательства РФ для малого бизнеса⁸¹;

■ налоговые, к которым часто прибегают во многих странах (табл. 3.1.2) и которые могут оказываться избыточными и контр-продуктивными;

■ структурные – регулирование трудовых отношений, которые будут усложняться в связи с распространением дистанционных и различных форм гибкой занятости;

■ административно-управленческие – как содействие официальному трудоустройству, сотрудничеству учебных заведений с работодателями, создание системы официальной стажировки, создание рабочих мест для тех, у кого нет опыта работы, а также даже возврат к практике распределения специалистов узкого профиля⁸². В. Гимпельсон и Р. Капельюшников считают, что высокая доля НФЗ связана с «неудовлетворительным деловым климатом», и «не реформируя формальные институты с целью повышения доверия к ним, изменить масштабы неформальной занятости невозможно»⁸³;

■ репрессивные действия, хотя и популярны в некоторых странах, менее предпочтительны по сравнению с реализацией комплексной стратегии развития, совершенствования деловой среды, антикоррупционной деятельности с целью создания официальных рабочих мест, повышения качества услуг в сфере социальной поддержки населения.

В России, согласно данным Всемирного банка, существует большой разброс региональных показателей неформальной занятости – от 3,6% в Москве до 64% в Чеченской Республике (данные 2017 г.).

В России к мерам, направленным на сокращение неформальной занятости, косвенно относится и налог на самозанятых

⁸¹ Там же.

⁸² Синявская О.В., Бирюкова С.С. Возможные меры снижения неформальной занятости и скрытой оплаты труда. Журнал новой экономической ассоциации, 2018, № 1 (37). С. 193–202.

⁸³ Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Between Light and Shadow: Informality in the Russian Labour Market. / IZA DP No. 8279, June 2014. P.79

(см. табл. 3.1.1), статус которых близок с НФЗ и пограничная линия может быть размытой. Эта добровольная, часто не связанная с экономическими причинами неформальная занятость в РФ (например, в форме неофициального фриланса) более всего распространена в мегаполисах. В целом доля самозанятых оценивается в 25–50% от общего числа неформально занятых в России⁸⁴.

3.2. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НЕФОРМАЛЬНО ЗАНЯТЫХ

Неформальная занятость и занятость в неформальной экономике – форма адаптации для многих миллионов людей во всем мире. Доля неформальной экономики в ВВП в разных странах составляет от 7 до более 30% (табл. 3.1.3).

Характерно крайне неравномерное распределение НФЗ по профессиональным группам. Численность НФЗ в абсолютных числах невелика в большинстве профессий по сравнению с ФЗ. Исключение представляют собой традиционные для НФЗ профессии в сельскохозяйственном производстве, сфере услуг, водители, продавцы-демонстраторы, профессий низкоквалифицированного труда общие для всех отраслей. Также велика доля НФЗ в гостиничном и ресторанном бизнесе, при оказании личных и домашних услуг, где при создании рабочих мест не требовался значительный первоначальный капитал.

Гендерный и возрастной состав НФЗ. Данные таблицы 3.2.1 позволяют видеть относительное увеличение численности НФЗ среди всех занятых. Восходящая динамика наблюдалась независимо от экономической ситуации был ли это экономический подъем или кризис. В неформальном секторе в наблюдаемый период всегда преобладали мужчины. Постепенно эта тенденция увеличивалась с 0,2 п.п. до 3,3 п.п. (табл. 3.2.1).

⁸⁴ Всемирный банк однозначно идентифицирует только две причины долгосрочного роста неформальной занятости: дефицит официальных рабочих мест и весьма жесткое по мировым меркам трудовое законодательство. (Бутрин Д. На теневой труд пролили свет).

Таблица 3.2.1.

Удельный вес занятых в неформальной экономике в общей численности занятых, %

	2006	2008	2008	2013	2014	2017
Всего	18,2	18,3	19,5	19,7	20,1	19,8
Мужчины	18,6	19,0	21,1	21,2	21,7	21,5
Женщины	17,8	17,5	18,9	18,2	18,5	18,0

Источник: рассчитано автором по Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2018. С. 30, 90.

Таблица 3.2.2.

Средний возраст всего занятого населения и НФЗ (лет)

	2006	2008	2013	2014	2017
Все занятые	39,8	39,8	40,3	40,4	40,8
НФЗ	38,5	38,5	39,4	39,6	39,6

Источник тот же.

Средний возраст НФЗ незначительно ниже среднего возраста всего занятого населения: разница составляет менее 1 п.п. (табл. 3.2.2).

Данные статистики фиксируют очень высокую долю молодежи среди НФЗ (табл. 3.2.3). Особенно она велика в возрастной группе 15–19 летних молодых людей. Так, в 2016 году более половины молодежи (среди всех молодых людей этой возрастной группы) были НФЗ.

Таблица 3.2.3.

Удельный вес молодежи среди всех НФЗ, %

Годы	15–19 лет	20–24 года
2006	40,5	20,8
2010	38,9	21,8
2015	49,6	23,2
2016	51,1	25,0
2017	48,4	26,2

Источник: рассчитано автором по Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. Статистический сборник. Официальное издание. М., 2018. С. 30, 90.

Образовательный уровень НФЗ. Некоторыми исследователями высказывается мнение о более низком уровне образования у НФЗ⁸⁵. Однако, если их сравнить со всеми занятыми по видам образования, то окажется, что такой вывод не всегда очевиден. Так, если доля НФЗ с высшим образованием, действительно, ниже почти в два раза, чем в среднем у всех занятых (рис. 3.2.4), то доля со средним профессиональным образованием мало отличалась от среднего уровня всех занятых, а в 2017 году даже превысила его. Что касается среднего (полного) образования, основного общего, а также отсутствие основного образования, то здесь НФЗ преобладают. Среднее общее, среднее основное образование характерно для наименее конкурентоспособной части рабочей силы.

Таблица 3.2.4.

**Доля занятых по видам образования в России
(в том числе НФЗ), %**

		2007	2010	2014	2015	2017
Всего	Все	100	100	100	100	100
	НФЗ	100	100	100	100	100
Высшее, в том числе незаконченное	Все	27,8	29,0	32,2	33,0	34,2
	НФЗ	13,8	14,5	16,7	17,1	18,1
Профессиональное среднее	Все	44,1	46,7	44,8	45,0	44,9
	НФЗ	41,9	44,4	44,9	45,4	46,7
Среднее общее (полное)	Все	22,3	19,1	19,2	18,4	17,4
	НФЗ	31,9	31,5	30,5	30,1	28,0
Основное общее	все	5,3	4,0	3,5	3,4	3,3
	НФЗ	10,8	8,4	7,2	6,9	6,6
Не имеют основного общего	все	0,5	0,3	0,2	0,2	0,2
	НФЗ	1,6	1,1	0,6	0,6	0,5

Источник тот же. С. 33, 93.

⁸⁵ Boeri T., Garibaldi P. Shadow Sorting. NBER Macroeconomic Conference Held in Budapest in June 2005.

В России в 2007–2017 гг. (табл. 3.2.4) происходил относительный рост доли НФЗ с профессиональным образованием: на 4,3 п.п. – с высшим профессиональным, на 4,8 п.п. – с профессиональным (средним и начальным). Это позитивно влияло на их квалификационный состав.

Рост доли НФЗ со средним профессиональным образованием можно объяснить их преобладанием в тех отраслях экономики, где больше требуется рабочей силы именно со средним специальным образованием (сельское хозяйство, строительство, торговля, услуги и гостиничный сервис и пр.). Наряду с этим происходило относительное сокращение НФЗ со средним общим и основным общим образованием, что в целом характерно для наименее конкурентоспособной части рабочей силы.

В неформальном секторе в 2017 г. была относительно большая доля женщин, чем мужчин с высшим и средним профессиональным образованием⁸⁶: с высшим их было 20,5 и 16,3%, соответственно, со средним профессиональным – 28,5 и 20,3%.

Таблица 3.2.5.

Структура НФЗ по доле наемных и домашних работников

Год	Всего тыс. чел.	В том числе работают	
		по найму, %	не по найму, %
2006	12601	49,7	50,3
2010	11482	52,2	47,8
2015	14827	58,6	41,4
2016	15370	57,3	42,7
2017	14253	62,7	37,3

Источник: рассчитано по Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2018. С. 100.

Доля НФЗ, работающих по найму, выросла в 2006–2017 гг. на 13 п.п. (табл. 3.2.5), а работающих не по найму сократилась. Это может говорить не только о том, что НФЗ образуют своего рода организации, в которых есть наемная рабочая сила, но и о том, что в формальных организациях работают неформально занятые. Так,

⁸⁶ Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2018. С. 93.

неформальная занятость в формальном секторе может подразумевать, например, отсутствие юридически оформленных трудовых отношений, а неформальность понимается как отклонение от официально установленного порядка, что на рынке труда воплощается в неформальных практиках.

Неоднозначность характера труда и статуса. Традиционно много НФЗ в сельскохозяйственных профессиях, создающих значительную долю товарной продукции в домохозяйствах, которые не образуют юридического лица и поэтому их статистика относит к НФЗ, что значительно увеличивает их численность. Строительные профессии также традиционно лидирует в большинстве стран по числу НФЗ, что главным образом объясняется большим числом задействованных субподрядных организаций, которые трудно учесть по объективным причинам. В этих отраслях их численность велика в абсолютных числах.

Данные таблицы 3.2.6 отражают динамику НФЗ по профессиям, также их соотношение с ФЗ в период 2001–2005 гг., который выбран как наиболее благополучный для экономики России, что очищает анализ от влияния кризисного фактора на показатели.

Таблица 3.2.6.

Динамика численности ФЗ и НФЗ по профессиям в России в 2001–2005 гг.

Профессиональные группы	ФЗ		НФЗ	
	2001 тыс. чел.	2001-2005 п.п.	2001 тыс. чел.	2001-2005 п.п.
Всего	60383	+5,3	6624	+48,2
Руководители	2811	+70,9	220	+207,7
Специалисты высшей квалификации:				
– естественные и инженерные науки	3060	–1,2	29	+96,5
– биологические науки, с/х, здравоохранение	1436	–1,5	28	+17,8
– образование	2858	–1,5	43	+16,3
– прочие*	3924	+18,6	134	+51,5
Специалисты среднего уровня квалификации:				
– физических и инженерных направлений	2579	–6	36	+102,7

– вспомогательный персонал здравоохранения	2449	–13,8	21	+85,7
– сферы образования	1315	+2,3	16	+43,7
– финансово-экономический и адм. персонал	4072	–6,1	236	+35,2
Служащие:				
– занятые учетом, подготовкой инф. и документов	1436	–0,9	24	+112,5
– сферы инд. услуг, защиты граждан и собств.	3288	+30,2	315	+86,3
– продавцы, демонстраторы товаров и одежды	4422	+12,0	2154	+22,9
Квалифицированные рабочие**:				
– товарного сельского хозяйства	1684	+92,2	1605	+128,5
– горных, капитальных, строительно-монтажных и ремонтных работ	3528	–6,6	384	+67,9
– металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	3798	+20,2	112	+215,2
Рабочие:				
– транспорта и связи	1369	–29,6	72	+2,5
– операторы, аппаратчики, машинисты пром. уст.	1106	+6,6	10	+2
– операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования.	909	–8,5	45	+3
– водители и машинисты подвижного оборудования	6785	–1,8	534	+6
Неквалифицированные рабочие:				
– сельского, лесного, охот. хозяйства, рыболовства	1224	–49,1	122	+8
– занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи, геологии, разведке недр	916	–30,3	123	+3
– профессии, общие для всех отраслей	5414	–3,1	361	+6

Источник: рассчитано автором по Росстат. См. Хохлова М.Г. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992–2002 гг. С. 64–76.

*Примечание: до 1990-х годов профессии, занесенные в графу «прочие», по численности имели второстепенное значение. Однако потом они стали весьма востребованными и довольно многочисленными: бухгалтеры, специалисты в области финансов и кредита, коммерческой деятельности, специалисты в области права, информации, экономисты, социологи, политологи, переводчики, психологи, деятели в области литературы и искусства, служащие органов государственной власти и управления и муниципальные служащие.

Однако говорить только об этих традиционных профессиях для НФЗ было бы упрощением. Начало 2000-х годов, период подъема и стабилизации экономики, когда, казалось бы, должно было сокращаться количество НФЗ, их сокращения не наблюдалось ни в одной из профессий (см. представленные в табл. 3.2.6 данные о динамике численности НФЗ по профессиям в сравнении с ФЗ за пять лет 2001–2005 гг.). То есть в неформальную занятость приводит не только отсутствие вакансий в формальном секторе и стремление выжить в тяжелой ситуации кризиса, но и стремление к большей мобильности, возможности быстрее реагировать на меняющуюся конъюнктуру рынка с целью больше заработать. Неформальная занятость может привлекать специалистов высшей квалификации. Картина была бы неполной, если не рассмотреть относительные данные.

В относительных показателях их немного, поэтому нагляднее анализ динамики их абсолютной численности в целом ряде профессиональных групп, в том числе в сельском хозяйстве и здравоохранении, где их рост составил с 28 до 33 тыс. чел.; в образовании – с 43 до 50 тыс. чел. (табл. 3.2.6). Среди группы прочие (см. примечание к таблице) их численность превысила 200 тыс. человек.

Долго бытовал взгляд⁸⁷, что неформальная занятость характерна только для переходных обществ в периоды социальных катаклизмов, когда формальные институты отступают перед неформальными, а неформальная занятость на первый взгляд кажется простым желанием уйти от уплаты налогов, в то время как приведенные данные свидетельствуют, что не так все просто.

Кризисы являются, безусловно, сильным фактором в этом процессе, но лишь одним из многих, которые влияют на динамику численности НФЗ. Восходящая динамика неформальной занятости как в России, в том числе в первой половине нулевых годов в условиях благополучной экономической ситуации, так и в ряде стран заставляет внимательно присматриваться к составу участников неформального сектора и искать также и другие объективные истоки явления.

⁸⁷ Hirshleifer J. Economic Behavior in Adversity. Brighton, 1987. / Цит. по Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2011. С. 149.

Причины роста численности НФЗ часто объясняют тем, что во второй половине XX века неолиберальная общественная парадигма принесла с собой такое явление, как *прекариат* и постепенное сокращение роли социального государства. Формальные трудовые отношения не обеспечивают адаптацию рабочей силы в полной мере.

Если часть рабочей силы вынуждена в силу обстоятельств выбирать неформальную занятость (малоквалифицированные и некоторые другие категории занятых), то для других неустойчивость и неопределенность являются нормой, или новой нормальностью, например, для фрилансеров.

В Ульяновском государственном университете был проведен онлайн-опрос⁸⁸ фрилансеров, согласно которому причинами, побудившими их стать фрилансерами, респонденты назвали: 39% – заработать больше денег; 32% – хобби переросло в работу (такое чаще всего отмечается у фрилансеров творческих специальностей); 31% – нежелание работать в качестве сотрудника в штате организации; 17% – получение профессионального опыта и саморазвитие.

Таким образом, относительно небольшая по численности часть НФЗ – это фрилансеры, среди которых могут быть образованные молодые специалисты, обладатели востребованных и современных профессий. Сейчас для образованного молодого поколения, особенно в IT, неформальная занятость достаточно часто становится возможностью работать дистанционно, что может свидетельствовать о новой парадигме занятости, заложенной в возможностях информационного общества, позволяющего молодежи в ней адаптироваться.

Большинство НФЗ заняты в производствах, где не задействованы значительные капиталовложения в основной капитал и отсутствуют высокие технологии (сельское хозяйство, строительство, гостиничные услуги, торговля и некоторые другие). Большая часть рабочей силы ищет дополнительный заработок в неформальном секторе. Многие вытесняются в неформальную занятость в связи с отсутствием работы, и это становится вынужденной формой адаптации.

⁸⁸ Кадчинская М.И., Яковлева А.С. Прекариат – новый социальный класс. Симбирский научный вестник, 2018, № 1 (31). С. 75–79.

3.3. АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Также в качестве формы адаптации может рассматриваться внутренняя трудовая миграция (ВТМ), которая решает индивидуальные задачи и носит в определенной мере *стихийный* характер.

Миграция несет в себе огромный потенциал для профессиональной занятости населения, однако, важным аспектом для адаптации ВТМ являются сопутствующие обстоятельства (социальные связи, условия проживания и пр.) для устройства на новом месте.

Необходимые условия для успешной адаптации рабочей силы на новом месте выявляет ретроспективный взгляд на то, какими методами пользовалось государство, решая задачи пространственного развития страны, закрепления мигрантов, помогая им решить их бытовые проблемы в местах прибытия.

Примерами *регулируемой* миграции были: заселение в XIX веке восточных территорий России, которое осуществлялось, как правило, с помощью сельскохозяйственного населения; развитие промышленности в XX веке на востоке страны для решения стратегических задач развития. Параллельно это способствовало формированию коллективов промышленных предприятий. И то, и другое носило преимущественно управляемый характер и, весьма успешно осуществлялось с точки зрения адаптации и закрепления населения на осваиваемых территориях.

Актуальность накопленного опыта. В дореволюционной России и в СССР тщательно прорабатывались концепции заселения и использования восточных территорий с целью закрепления там переселенцев. Если до революции 1917 г. мигрантами были в основном крестьяне, то в годы советской власти – это были люди преимущественно промышленных профессий. Достаточно любопытно и поучительно теперь, когда встает вопрос о сохранении трудовых ресурсов Дальнего Востока⁸⁹, обратиться к истории того,

⁸⁹ Федеральный закон от 1 мая 2016 г. N119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации 2016, N18, ст. 2495; N27, ст. 4294, 2017, N1, ст. 43).

как в дореволюционной России государство заинтересовывало и побуждало население к заселению и развитию восточных территорий⁹⁰.

Освоение новых и заброшенных территорий в России и за рубежом происходило как *принудительно*, так и *добровольно*. Существовали определенные концепции относительно (1) выбора района для переселения; (2) подбора состава переселенцев; (3) и стимулирования мигрантов. В настоящее время многие из этих стимулов уже не работают, тем не менее результаты заселения восточных территорий ощущаются и поныне. И это при том, что утрачиваются приобретенные в прошлом преимущества в связи с изменением значения отдельных отраслей экономики, а также отъездом значительного числа жителей, прежде всего молодежи.

Важнейшей была концепция, отраженная в законе от 1843 года, согласно которой желательными районами исхода (выселения) признавались малоземельные губернии, а для вселения – азиатские, поскольку жизнь показала, что набор мигрантов оказывался более удачным из малоземельных и густонаселенных районов. Сразу обращают на себя внимание два момента: прежде всего, учитываются интересы районов, из которых вышли мигранты, то есть освобождались земли в густонаселенных районах; и второе – это были в подавляющем большинстве крестьяне, таким образом, речь шла о с/х миграции.

Концепция оказалась экономически целесообразной. Исходя из нее и после реформы 1864 г. продолжали выдаваться разрешения на переселение, поскольку в центральной части России сохранялся избыток сельскохозяйственных работников. В конце XIX века помимо крестьянства все чаще переселялись рабочие, например, строительство КВЖД в 1897–1903 гг. привлекало инженеров и рабочих строительных профессий.

Миграция была важным источником освоения восточных регионов и в СССР. В силу закрытости системы особое внимание

⁹⁰ См. Бояркин Г.Н. Трудовая миграция и ее роль в трансформации рынка труда. Дисс. М., 2005; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990; Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975.

уделялось формированию коллективов предприятий. Коллектив⁹¹ было ключевым понятием, когда планировалось строительство промышленных объектов и разработка природных ресурсов (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия). В 1926–1939 гг. происходило массовое заселение этих территорий работниками промышленных профессий. В эти районы переселилось около 5 млн. человек: на Урал около 2 млн., до 700 тыс. остались жить и работать в Кузнецком угольном бассейне, еще 800 тыс. – на Дальнем Востоке, население которого к 1940 г. превысило 3 млн. человек. В советское время освоение восточных, а также северных территорий осуществлялось и за счет труда заключенных. В отличие от дореволюционного периода, когда шло заселение людьми сельскохозяйственных профессий, это были преимущественно рабочие промышленных профессий и специалисты.

В 1930–1960 гг. особую роль играли оргнаборы – одна из форм организованной трудовой миграции.

Война 1941–1945 гг. привела к тому, что уже в ее начале было эвакуировано около 25 млн. человек из Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик, западных областей РСФСР в восточные регионы СССР. Так, если население СССР в 1939–1959 гг. в целом выросло на 9,5%, то население Урала в этот период возросло на 30,2%, Западной Сибири – на 26%, Восточной Сибири – на 35,7%, а Дальнего Востока – на 62,5%.

Начиная с 1960-х годов миграция приобретает новые формы: возросла доля как неорганизованной миграции, так и численность рабочей силы, прибывавшей по направлениям, переводам и по вызовам предприятий, а также тех, кто осваивал целину и приезжал по распределению после окончания вузов. В районах интенсивной хозяйственной деятельности формировался своеобразный состав населения, который по ряду признаков сильно отличался от обжитых районов: это преимущественно было более молодое население, которые довольно часто оставалось жить на

⁹¹ Понятия *население* с точки зрения заселения территории – это совокупность людей, проживающих на одной территории с определенной возрастной и гендерной структурой. *Коллектив* – это работники предприятий, строительных объектов, вносящие вклад в развитие производительных сил региона, что являлось критериями при оценке эффективности миграционной политики (см. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.).

новом месте постоянно (например, в возникавших вдоль БАМа населенных пунктах).

В России, и особенно в СССР, придавали значение проблеме формирования трудовых ресурсов. Поэтому состав мигрантов, которые по численности могли превосходить коренных жителей, изучался с позиции их места рождения, района выхода, времени поселения. Считалось, что этнические факторы могут как сдерживать адаптацию населения на новом месте, так и способствовать ей: чем ближе язык, быт и культура населения районов выхода и входа, тем интенсивнее процессы миграции в восточных районах. Этим, в частности, объяснялось, почему украинцы и белорусы интенсивнее переселяются на восток страны, чем жители Средней Азии и Закавказья.

В дореволюционной России наряду с принудительным заселением (таким, как ссылка каторжан, отправка государственных крестьян, поселение воинских команд и пр.), были также люди, которые по собственному желанию переселялись в восточные районы (казаки, крестьяне, рабочие, бывшие солдаты). Среди последних были и коммерческие переселенцы, так называемые своекоштные. Считалось, что переселение не должно быть благотворительным, так как тогда происходит наплыв «слабого элемента»⁹².

Современные ВТМ как участники стихийной адаптации предположительно являются «сильным элементом», рассчитывающим на свои силы, готовым к бытовым неудобствам, деятельность которых мотивирована более высоким заработком, чем в своем регионе. Большие города дают шанс адаптироваться людям многих профессий (индивидуальные услуги и ремонт, охрана, торговля и пр.), в то время как регионы добычи ископаемых привлекают людей рабочих профессий. Оценка степени адаптации ВТМ выходит за рамки учета только его личного ощущения, поскольку вся его семья, которая остается в месте постоянного проживания, пользуется результатами его труда и таким образом самореализуется в своих домашних хозяйствах. По оценкам до 75% своего заработка ВТМ тратят дома, способствуя росту потребительского спроса в малых и менее экономически благополучных населенных пунктах.

⁹² Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.

Условия, способствующие адаптации мигрантов. Трудовая миграция в советское время продолжала оставаться важным условием социально-экономического развития. Сдерживающее влияние на внутреннюю миграцию могло оказывать отсутствие готовой для жизни на новом месте инфраструктуры, которую рассматривали как *изменяемые факторы*⁹³ (экономические, наличие рабочих мест, транспортно-географические особенности). Эти факторы анализировались, разрабатывались необходимые критерии и меры поддержки:

- доходы на одного или зарплата на одного рабочего или служащего;
- жилой фонд на одного жителя;
- обеспеченность детскими садами или яслями;
- благоустройство жилого фонда на одного жителя в бальной оценке;
- обеспеченность населения больничными местами;
- товарооборот на душу населения;
- объем бытовых услуг на одного жителя.

Помимо изменяемых, существуют и *неизменяемые факторы*, к которым относятся особенности климата, который влияет на расходы населения на питание (в более суровых климатических условиях, например, требуется набор более калорийных продуктов), необходимость теплой одежды, обуви, количество топлива. Все это по-разному воздействует на здоровье, отдых и пр. Однако по мере прогресса отрицательные моменты нивелируются и теперь воздействие климата принимается во внимание в большей степени сельскохозяйственным населением, теми, кто намерен заниматься сельским хозяйством. Природные условия и климатические характеристики играют также определенную роль для адаптации на новом месте, поскольку непривычные для приезжего человека природные условия требуют дополнительного времени и привычки к ним, что, в частности, учитывалось на ранних этапах заселения восточных земель.

Направления потоков ВТМ. Рост числа внутренних трудовых мигрантов до кризиса 2014–2015 гг. происходил во всех

⁹³ Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973. С. 107.

Федеральных округах РФ и наблюдался в РФ практически повсеместно⁹⁴, при этом был весьма неравномерен. После кризиса такое явление отмечалось уже не везде (рис. 3.3.1). Положительный баланс в 2016 г. отсутствовал, например, в Северо-Кавказском ФО, где число прибывших из других ФО было равно количеству выбывших (рис. 3.3.2)

Наиболее распространенной формой выступает миграция рабочей силы в пределах своего Федерального округа (или маятниковая миграция, рассчитанная на ограниченный срок) (рис. 3.3.2). В этом просматривается нежелание далеко уезжать от места постоянного проживания, где существуют более или менее налаженные бытовые условия и нет столь серьезных опасений относительно устройства на новом месте. Это те самые сопутствующие обстоятельства, которые необходимы мигрантам для решения о постоянном переезде.

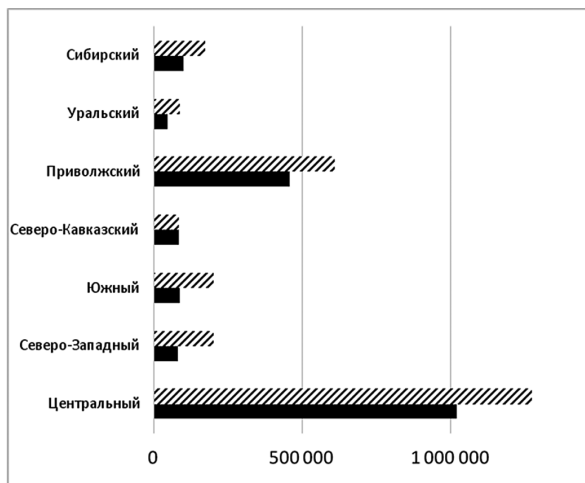
Численность мигрантов, переезжающих в другой Федеральный округ (рис. 3.3.3), значительно ниже. Близость к постоянному месту проживания часто оказывается более важной и этому фактору отдается предпочтение даже при неблагоприятной экономической ситуации в собственном регионе.

Как бы подтверждая зависимость *центр-периферия*, на первом месте и с большим отрывом был Центральный ФО, где рост числа мигрантов практически полностью происходил за счет Москвы и Московской области (а также весьма незначительно за счет некоторых других областей, например, Воронежской) и составил 176283 человека. То есть и внутри федеральных округов есть своего рода периферия: число мигрантов сокращалось в таких областях ЦФО, как Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская и Тамбовская.

За Центральным ФО по привлекательности идет Приволжский ФО, а также Южный ФО, где фактор хорошего климата дополнялся экономической активностью, например, в Краснодарский край в процессе подготовки к Олимпиаде приехали 79266 человек (рис. 3.3.1). Наряду с этим число мигрантов сокращалось в Астраханской и Волгоградской областях и Калмыкии.

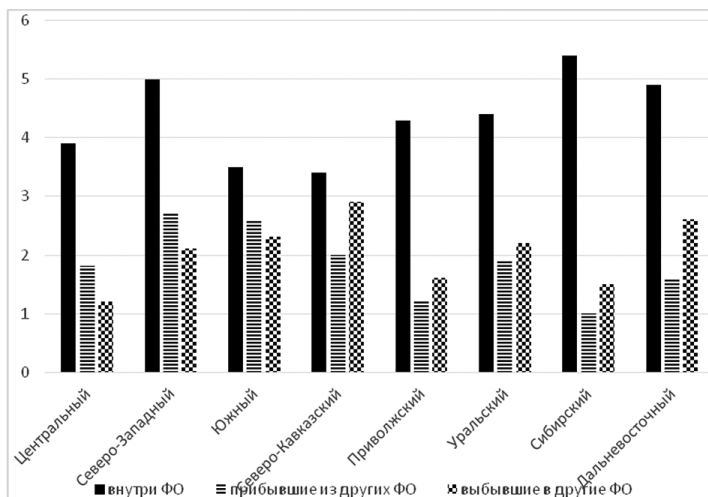
⁹⁴ Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2016. С. 522–523.

Рис. 3.3.1. Распределение ВТМ по Федеральным округам РФ в 2012 (черный) и в 2016 г. (заштриховано), чел.

Источник: О межрегиональной трудовой миграции в 2016 г. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2016.htm

Рис. 3.3.2. Распределение числа мигрантов по ФО и основным потокам передвижения в 2015 г., тыс. человек

Источник: рассчитано автором. Регионы России: основные характеристики субъектов РФ. 2016. М.: Росстат, 2016. С. 146, 231, 277, 330, 432, 482, 570.

На третьем месте оказался Северо-Западный ФО (+56222 человек): здесь мигрантов привлекали Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области, что происходило на фоне сокращения их численности в Карелии, Республике Коми, Архангельской, Вологодской и Мурманской областях.

Далее расположен Уральский ФО, где увеличение численности мигрантов (+15272 человека), происходило практически полностью за счет нефтеносной Тюменской области.

В лидерах по численности населения, выбывшего в другие регионы, то есть сокращению числа эмигрантов был Северо-Кавказский ФО (20791 человек); Дальневосточный (7367 человек).

Различия направлений и численности миграционных потоков городских и сельских жителей. Как показывает официальная статистика за 2014 г., эти различия существенные: наиболее активными среди мигрантов, меняющих ФО, были городские жители, переезжавшие в городские поселения других ФО. Их число составило почти два миллиона (рис. 3.3.3). Из всех ФО потоки мигрантов преобладали в направлении Центрального и Северо-Западного ФО, за которыми по привлекательности для мигрантов-горожан следовали – Приволжский и Южный ФО. Встречный поток, хотя и значительно менее интенсивный, также наблюдался преимущественно на этих же маршрутах. В восточной же части России, за Уралом – была характерна миграция еще и между Уральским, Сибирским и Дальневосточным ФО.

Влияние урбанизации. Процесс урбанизации в СССР был интенсивным, количество семей, занятых сельским хозяйством, неуклонно сокращалось, а городское население росло. Если в 1920 г. городских жителей было 14%, в 1940 г. – 34%, в 1970 г. – 62%, то в 1990 г. – 74%.

После 1993 года процесс урбанизации, если оценивать его в целом по стране, изменил формы и масштабы⁹⁵. Однако переезды селян в города и обратно продолжались (рис. 3.3.3 и 3.3.4). Можно заметить некоторые различия в выборе маршрутов миграции у городских и сельских жителей. Активность сельских жителей, мигрирующих в городские поселения, была примерно в два раза

⁹⁵ Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность. Общественные науки и современность, 2001, № 6. С. 103.

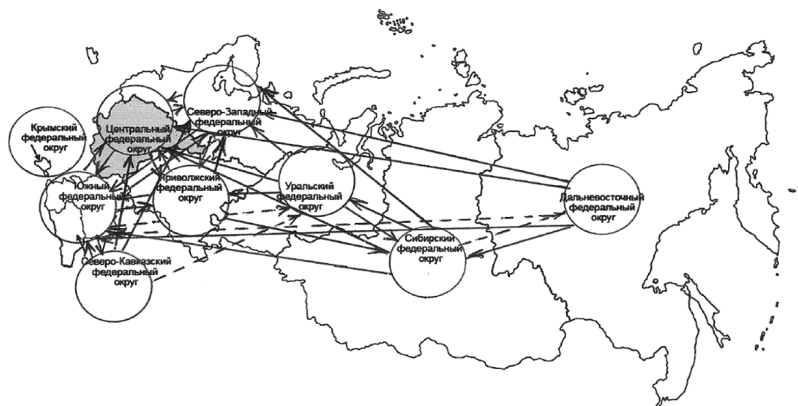
ниже по сравнению с потоками мигрантов-горожан и составила 999767 человек. И хотя направления перемещений обеих групп мигрантов близки между собой, можно отметить заметный «водораздел», проходящий по Уральскому хребту: жители из сельских поселений Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО чаще выбирают для переезда городские поселения этих же трех ФО. Перемещающиеся по центральной части России выбирают города более южные с мягким климатом по сравнению с их прежним местом жительства.

Существенно различаются предпочтения в выборе ФО у горожан, мигрирующих в сельские поселения, численность которых составила в 2014 г 795201 человек. Большинство из них предпочитают Приволжский, Южный, а также Северо-Кавказский ФО.

Мигрировавших из сельских поселений одних ФО в сельские поселения других ФО в 2014 г. было менее 400 тыс. человек. Предпочтение оказывалось также Южному, Приволжскому, в меньшей степени Центральному ФО. Отмеченный выше водораздел по Уральскому хребту на восточную и западную части России в предпочтениях мигрантов также можно наблюдать среди жителей Уральского, Сибирского, Дальневосточного, а также Приволжского ФО, которые чаще переезжают в Уральский, Сибирский и Дальневосточный ФО.

Сферы экономической деятельности ВТМ. В табл. 3.3.1 представлены результаты выборочного обследования, которые достаточно ярко демонстрируют отраслевую структуру миграции в некоторые субъекты РФ. Наиболее значимыми для иммиграции являются Центральный, Северо-Западный ФО с высокоразвитой инфраструктурой, Южный ФО благодаря Краснодарскому краю с высоким уровнем инвестиций, а также районы нефтегазодобычи в Уральском ФО, расположенные в Тюменской области и Татарстан; а также Калининградскую область с достаточно высоким уровнем инвестиций государства и бизнеса.

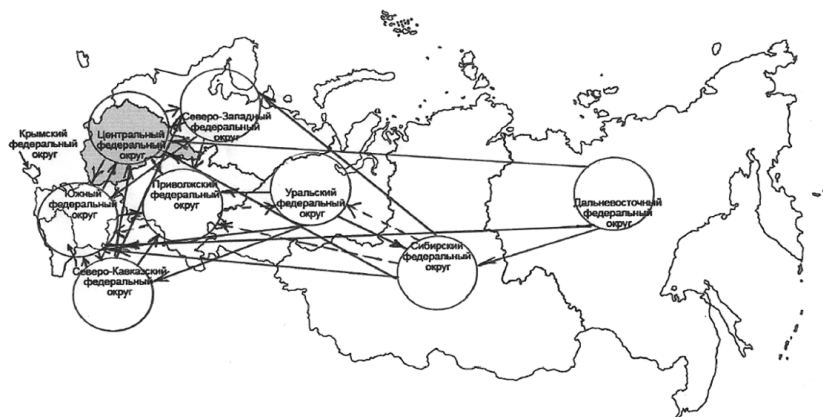
Рис. 3.3.3. Наиболее часто выбираемые маршруты горожан (1860214 человек) и селян (999767 человек), переселяющихся в другие ФО в 2014 г.

Источник: рассчитано и составлено по Росстат. Российский статистический ежегодник 2015. С. 101–103.

Примечание: на карте пунктирной линией показаны те маршруты селян, которые отличаются от маршрутов миграции горожан.

Рис. 3.3.4. Маршруты, характерные для городских (795201 человек) и сельских жителей (391170 человек), мигрирующих в сельские поселения других ФО в 2014 г.

Источник: там же.

Примечание: пунктирной линией обозначены маршруты миграции селян, отличающие их от мигрантов-горожан.

Таблица 3.3.1.

**Распределение ВТМ по видам экономической деятельности
и территории нахождения их работы
в отдельных субъектах РФ в 2016 г. по данным
выборочного обследования рабочей силы, тыс. чел.**

Территория	Всего	Строительство	Оптовая и розничная торговля	Транспорт и связь	Операции с недвижимостью	Обрабатывающие производства	Добыча полезных ископаемых
РФ	2669	591,0	347,5	336,1	326,4	242,5	234,6
Москва	1391	263,6	245,2	162,1	240,9	117,5	1,8
Моск. обл.	2134	62,7	20,8	30,0	19,7	35,4	1,3
С-Пб	1908	36,1	32,3	38,0	24,9	20,4	0,4
Тюменская	3284	80,5	6,7	30,1	12,3	13,4	155,9
ХМАО	1432	30,0	2,4	13,2	4,6	5,9	74,9
ЯНАО	84,8	24,9	1,3	7,2	3,8	1,6	38,4
Красно- дарск. край	64,6	19,9	10,0	6,9	2,8	4,7	1,2

Источник: Росстат. О межрегиональной трудовой миграции в 2016 г. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018.

Мигранты, приезжающие в районы наибольшей экономической активности, заняты преимущественно в строительстве, торговле, на транспорте, в обрабатывающей промышленности и добыче полезных ископаемых (рис. 3.3.2). Данные статистики свидетельствуют о том, что они выбирают те отрасли экономической деятельности, которые чаще не требуют высокой профессиональной квалификации. В тех же направлениях экономической деятельности, где она предположительно должна быть выше (например, финансы, образование, здравоохранение, государственное управление и пр.), их активность достаточно низкая.

Таблица 3.3.2.

Распределение занятого населения, работающего за пределами своего субъекта, по видам экономической деятельности в 2018 г.

Вид экономической деятельности	тыс. чел.
Строительство	633,9
Транспорт и хранение	412,3
Оптовая и розничная торг., ремонт	354,0
Добыча полезных ископаемых	263,1
Обрабатывающая промышленность	250,3
Административная деятельность	236,7
Здравоохранение	142,4
Государственное управление	133,6
Профессиональная и научная деятельность	115,9
Гостиницы	73,9
Образование	67,7
Финансы и страхование	61,1
Информации и связь	56,9
Сельское и лесное хозяйство	46,5
Обеспечение электроэнергией	44,4
Операции с недвижимостью	37,6
Культура и спорт	32,5
Прочие	27,3
Водоснабжение, водоотведение	14,1

Источник: Росстат. О межрегиональной трудовой миграции в 2018 г. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018.htm

Внутренняя трудовая миграция: смена приоритетов. К миграции людей побуждает совокупность факторов: желание жить в лучших экономических условиях, что ассоциировалось у многих с переездом в город; социокультурные факторы (наличие культурно-образовательных учреждений и пр.). Единым стержнем миграции всегда была надежда на получение каких-то преимуществ в результате жизни на новом месте, если только это не была принудительная форма миграции.

Молодежь проявляет большую гибкость и имеет большие возможности относительно реализации своих планов миграции и, главное, в выборе траектории своей дальнейшей занятости, далеко не всегда руководствуясь лишь экономической целесообразностью, о чем свидетельствуют наблюдения. При этом молодые люди ощущают потребность и надежду на счастливую жизнь наиболее остро⁹⁶. Однако понимание «лучшая жизнь» формируется в зависимости от многих обстоятельств. Так, процессы современной миграции европейские ученые пытаются объяснить, используя различные теоретические платформы и подходы⁹⁷, которые можно в определенной мере применить и к внутренним мигрантам на территории большой и многонациональной России:

- *неолиберальный* подход, опирающийся на прочную основу неоклассической экономической теории, рассматривает трудовую миграцию как фундаментальный принцип, способствующий росту экономики, гибкости рынка труда и конкурентоспособности, своего рода «уникальную естественную лабораторию, способную переехать националистические интересы»⁹⁸. Миграция рабочей силы из стран с низкой оплатой труда и высоким уровнем безработицы в более благополучные страны оправдывается ростом ВВП. Наиболее часто приводимый аргумент также состоит в том, что благодаря этому люди из ЦВЕ, а также Греции, Испании и Португалии получили возможность найти работу в других странах, и их иммиграция не привела к росту безработицы в принимающей стране;

- модель *центр–периферия* также рассматривает миграцию как следствие различий в уровнях экономического развития в центре и периферии, что очень заметно на территории России. Отличие этого подхода от предыдущего в интерпретации причинно-следственной связи: если неолиберальный подход апеллирует к росту благосостояния и сокращению дисбалансов на рынке труда за счет рыночных сил, то согласно теории центр-периферия, причины

⁹⁶ Колесникова Г.И. Формула счастья: социально-философский анализ. Национальная философия в глобальном мире. Минск, 2017. С. 322.

⁹⁷ King R. Theorising new European youth mobilities. *Population, Space and Place*, 2018, Vol. 24, Issue 1. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/psp.2017>

⁹⁸ Ibid.

миграции объясняются именно различием в особенностях региона, которые и привели к миграции⁹⁹;

- *непредсказуемость индивидуальных намерений*, иногда называют такой подход текучей миграцией, согласно которому в основе поведения индивида лежит быстрая реакция на события в целях улучшения своего экономического положения и стиля жизни, использовании им при этом возникающих возможностей геополитического пространства;

- *изменения стиля жизни (life style migration)* – это желание, особенно характерное для молодежи, усиливается по ряду причин: ослабевают необходимость следования традиционным моделям жизни, принятым в этнических сообществах, национальных государствах, семьях, установкам на карьерный рост, а предоставление большей свободы взрослеющим детям в выборе места учебы, работы и жительства, давно распространенное в Европе, становится все более характерным и для СНГ при переходе молодых людей к взрослой жизни. что вносит изменения в природу молодежной миграции;

- *миграция за образованием* тесно связана с проблемой перехода к взрослой жизни, когда у молодого человека в жизни возникают большие запросы, чем только проблема экономического выживания, которая осознается как поиск конструктивного решения, в частности, как возможность переезда в другую страну с целью получения там образования.

Привлечение и адаптация профессионалов на российском рынке труда за счет учебной иммиграции из стран СНГ. Можно предположить, что желание учиться в России объясняется понятным и близким для студентов из СНГ стилем жизни, знакомым языком, возможно, еще оставшейся от СССР традицией¹⁰⁰, а также для некоторых возможностью после окончания учебы адаптироваться на российском рынке труда.

Желание изменить стиль жизни, повысить свой социальный статус в результате получения образования – все это свидетельствует

⁹⁹ Шибутов М.М. Миграция из Казахстана в Россию: сколько, кто и почему. URL: <https://regnum/ru/news./news/2304708.html>

¹⁰⁰ Народное образование и культура в СССР: Статистический сборник. М.: Статистика, 1971. С. 174–175.

о возрастании роли неэкономических драйверов индивидуального характера, побуждающих к миграции.

Потенциал миграции как фактора стихийной трудовой адаптации молодежи, скорее всего, не исчерпан, она будет и дальше нарастать в поиске занятости в регионах с более высокой экономической активностью (табл. 3.4.1). Большинство молодых людей еще не имеют своего жилища и не связаны семейными обстоятельствами¹⁰¹. Этому также может способствовать и неблагоприятная демографическая ситуация¹⁰².

Так, мотивом служит желание иммигрировать в Россию из СНГ на постоянное место жительства преимущественно у славянского населения: например, из Казахстана, где до недавнего времени 70–75% от численности всего населения составляли славяне, что даже «стало влиять на этническую картину Казахстана»¹⁰³. С учетом таких настроений 1 ноября 2018 г. В.В. Путин подписал новую Концепцию миграционной политики России¹⁰⁴ до 2025 г., в которой основной акцент сделан на привлечение соотечественников из-за рубежа.

Россия как центр союзного государства в прошлом и теперь остается благоприятной (как показывают данные статистики) страной для учебной иммиграции молодежи из СНГ. Многие из тех, кто приезжает на учебу в Россию, выходцы из семей, уехавших из Центральной России в советское время, желают вернуться на историческую родину на постоянное место жительства.

При том, что в мире существует неоднозначное отношение к миграции, образовательная миграция (ОМ) может претендовать на особое отношение со стороны жителей принимающих стран, поскольку она является механизмом привлечения образованного контингента рабочей силы в страну¹⁰⁵.

¹⁰¹ Росстат. Численность и миграция населения РФ в 2016 г. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Mail.htm

¹⁰² Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. Серия «Научные доклады: социальная политика». 15/8. М., 2015. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/biblio04.php>

¹⁰³ Шибутов М.М. Миграция из Казахстана в Россию: сколько, кто и почему. URL: <https://regnum.ru/news./news/2304708.html>

¹⁰⁴ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

¹⁰⁵ Хохлова М.Г. Россия как центр учебной иммиграции из СНГ. Россия и новые страны Евразии, 2018, № 4. С. 176–183.

Сходства и различия обучения студентов в России и ЕС. ЕС как весьма институционально продвинутая система, имеет разработанную законодательную базу по вопросам сотрудничества в области образования, основными формами которого являются обучение иностранных студентов и экспорт образовательных услуг. Университеты Бельгии, Великобритании, Германии, Франции, Австрии активно осуществляют экспорт образовательных услуг в вузах СНГ. Так, с 2014 г.¹⁰⁶ во многих вузах и различных городах Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана действует программа Эразмус+–Темпус, что на институциональном уровне означает: совершенствование учебных программ, проведение реформ в сфере университетского управления и менеджмента, укрепление связей между высшими учебными заведениями и рынком труда.

Молодых людей в Европе, прошедших обучение по Программе студенческого и преподавательского обмена¹⁰⁷, действующей с 1987 г., часто называют поколением ERASMUS. Более 40% из участников Программы остаются в стране обучения, а у стажировавшихся по ней показатель безработицы ниже на 25% по сравнению с теми, кто не имел такого опыта. Наднациональная политика ЕС по этому вопросу исходит из того, что либеральная идеология, лежащая в ее основе, не нарушает суверенитет и не противоречит национальным интересам в области безопасности. Студенты являются резервом той самой рабочей силы (при этом наиболее квалифицированной ее части) свободное движение которой провозглашено основополагающим принципом ЕС.

Реальность такова, что обучение за рубежом приобретает все большую популярность, происходит повсеместное создание филиалов зарубежных вузов, распространение учебных программ и пр. Согласно прогнозу ЮНЕСКО¹⁰⁸, численность иностранных студентов во всем мире к 2025 г. может составить 7,2 млн. человек.

¹⁰⁶ Основные достижения программы Темпус в странах Центрально Азии 1994–2013 годы. Выпуск 19, апрель 2014 г.: URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/ac6ecbab-0775-4a79-96a4-576f19c53dbc.0001.02/DOC_1

¹⁰⁷ ET-ERASMUS – European Community action scheme for the mobility of university students (ERASMUS), 1987–1995. URL: <https://cordis.europa.eu/programme/id/%7CET-ERASMUS>

¹⁰⁸ Международная студенческая мобильность как показатель успешности системы образования. Бюллетень о состоянии российского образования, июнь 2015 г., № 4. С. 1–18.

По данным *Educational Glance*, подготовленного ОЭСР¹⁰⁹, международная студенческая мобильность за 10 лет с 2000 по 2011 гг. увеличилась вдвое, а мировыми лидерами по численности приема иностранных студентов были США (16,5%), Великобритания (13%), Германия (6,3%), в России обучалось 4% иностранных студентов.

Таблица 3.3.3.

Число студентов ВУЗов – граждан СНГ, обучающихся в России* в 2016/2017 учебном году, человек

Страна	Все виды обучения	В том числе очное	Кроме студентов, обучающихся по международным соглашениям
Азербайджан	11316	3957	638
Армения	2732	1314	513
Беларусь	11648	3883	766
Казахстан	65697	35727	1706
Киргизия	5552	4163	1075
Молдова	3484	1893	1664
Таджикистан	14270	10788	2154
Туркмения	17470	13460	896
Узбекистан	20955	11506	1271
Украина	15359	7961	4985

Источник: Россия и страны Содружества Независимых Государств. 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_05/Main.htm

Так, в 2017 году из всех 211,9 тыс. прибывших в Россию на постоянное место жительства 203,4 тыс. человек прибыли из СНГ, а из третьих стран только 8,5 тыс. человек¹¹⁰, что в целом указывает на тенденцию при выборе страны.

¹⁰⁹ OECD. Factbook 2015–2016. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-factbook-2015-2016_factbook-2015-en

¹¹⁰ Сальдо межгосударственной миграции, т.е. разница между числом прибывших в Россию на постоянное место жительства и числом уехавших была наибольшим в 2011 г., составив для прибывших из СНГ 288 тыс. чел. а для других стран 31,8 тыс. чел., после чего оба показателя стали снижаться. CIS Stats Committee Database. URL: <http://www.cisstat.com/0base/index-en.htm>

В Россию из СНГ в 2016/2017 г. приехали почти 168,5 тыс. человек (табл. 3.3.3), многие из которых в перспективе надеются на трудоустройство и жизнь в России.

Ориентирами для выбора молодыми людьми страны обучения являются часто рейтинги вузов, в которых фигурируют такие показатели, как:

- инвестиции со стороны частного и государственного капитала, что свидетельствует о материальной базе процесса обучения (25%);
- уровень международного сотрудничества (20%);
- политика принимающего государства, регулирование, то есть возможности получения образования (15%);
- достижения выпускников (число научных исследований и публикаций, соответствие образования требованиям рынка труда, то есть возможности дальнейшего трудоустройства) (40%).

Россия в этом рейтинге¹¹¹ на 34 месте. Но на выбор студентами из СНГ России влияет целый ряд других факторов, и это не только рейтинг вуза и стоимость обучения, что не всегда конкурентоспособно по сравнению с европейскими вузами. Чаще это соображения другого порядка: стоимость проживания и страховки, знание языка, для многих это родной язык, на котором говорят в семье, возможность получения визы. Желание находиться в более благополучной, с их точки зрения России, чем в стране, откуда они приехали. При этом подавляющее число обучаются (81,3%) от этого числа обучались на условиях общего приема, то есть платно¹¹². По международным договорам (в том числе по квоте) обучается соответственно меньшее число студентов и, как правило, эти студенты после окончания обучения возвращаются на родину, где их может ждать престижная работа. Они проходят отбор у себя на родине, сдавая минимум тестов в России. Такая практика существует, например, в МГИМО.

При этом сохраняется позитивное представление о российском образовании как преемнике образовательных традиций СССР, когда

¹¹¹ Международная студенческая мобильность как показатель успешности системы образования. Бюллетень о состоянии российского образования, 2015, № 4. С. 1–18.

¹¹² Приложение № ВПО-1. (Данные форм федеральной статистических наблюдений). URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/statan/stat/>

в СССР, например, еще в 1990/1991 учебном году во всех типах и видах учебных заведений обучалось около 180 тысяч иностранных граждан, при этом в вузах 126,5 тысяч иностранцев.

По тем же причинам в Россию едут учиться студенты и из других стран, бывших республик СССР. Так, в 2014/2015 учебном году численность иностранных студентов из СНГ вместе со странами Балтии, Грузии, Абхазии и Южной Осетии составила 224,5 тыс. человек.

ОМ становится неотъемлемой частью глобальных процессов, которые объективны и в которых следует участвовать, а не пытаться им противодействовать. ОМ не противоречит долгосрочным стратегическим интересам России в экономической сфере при условии ее регулирования со стороны государства, обеспечивающего национальные приоритеты и социальное равенство.

Неоднозначное отношение к миграции в меньшей мере распространяется на ОМ, тем более в России, где традиционно повсеместно учились студенты из союзных республик, что отвечало целям государственной политики, направленной на интеграцию страны и распространение ее культуры.

Обучение за рубежом стало реальностью и стилем жизни в глобальном мире для многих молодых людей. Россия как «центр» на пространстве СНГ привлекательна для молодежи, приезжающей с целью получения образования, по многим причинам, среди которых может быть и лучшее качество, и стиль жизни, стоимость образования и проживания, знание многими из них русского языка.

Развитие образовательных услуг для студентов из СНГ может способствовать адаптации квалифицированной рабочей силы на российском рынке труда, что вполне отвечает национальным интересам России.

3.4. ЗАНЯТОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ АДАПТАЦИИ В МЕСТАХ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ

Центральной идеей данного раздела является предложение использовать европейский опыт занятости в социальной экономике для целей профессиональной адаптации людей в местах их постоянного проживания, в частности как альтернативу миграции. Осуществить замедление оттока (прежде всего молодежи) из регионов в ряде случаев легче, чем социализировать ее на новом месте, где требуются большие усилия по подготовке инфраструктуры для создания необходимых условий для проживания вновь прибывших. Также развитие предприятий СЭ в сельскохозяйственном производстве может способствовать сокращению неформальной занятости, основная доля которой приходится на сельское хозяйство. Большое число крестьянских домохозяйств в России, производящих продукты с целью продажи, не являются юридическими лицами и по этой причине относятся к неформальному сектору.

Социальная экономика (СЭ) – это составная часть европейской социальной модели и воплощение идеологии устойчивого социально-экономического развития. Определение, предложенное в докладе Международного центра исследований и информации СЭ для предприятий СЭ, звучит следующим образом: «это частные предприятия с правом самостоятельно принимать решения и правом свободного членства, созданные с целью удовлетворения потребностей участников за счет производства товаров для рынка, а также и услуг (в том числе в области страхования и финансов). Принятие решений относительно распределения прибыли и прибавочного продукта осуществляется ими самостоятельно, при этом любое распределение прибыли и прибавочного продукта между членами предприятия СЭ не имеет прямой связи с капиталом или взносами, осуществленными каждым членом, каждый из которых имеет один голос. Решения по всем вопросам принимаются путем демократического голосования. СЭ также включает частные формально оформленные единицы с правом самостоятельно принимать решения и правом свободного участия,

которые оказывают услуги домохозяйствам, которые не носят рыночный характер»¹¹³.

Предприятия СЭ¹¹⁴ включают кооперативы, общества взаимопомощи, некоммерческие ассоциации, фонды и социальные предприятия, которые имеют разные правовые формы и функционируют в разных отраслях, предоставляя широкий спектр продуктов и услуг, в том числе и кооперативные банки в рамках единого Европейского рынка.

Предприятия СЭ можно рассматривать как двигатели *социальных инноваций*, поскольку целями их деятельности являются, прежде всего, не высокие дивиденды, как в большинстве традиционных компаний, а интересы их участников, которые управляют своими предприятиями на основе принципа солидарности и взаимопомощи «один человек – один голос». Социальная экономика представленная, как правило, средними, малыми и микропредприятиями, вносит свой вклад в реализацию политики занятости в рамках ЕС, региональное и сельскохозяйственное развитие, охрану окружающей среды, защиту прав потребителей и социальное обеспечение. Кооперативы в Европе рассматриваются как стабилизаторы во время кризиса, поскольку они создают рабочие места, осуществляют взаимное страхование, а их присутствие на рынке повышает готовность общества к будущим кризисным ситуациям.

Возможно, именно благодаря таким особенностям, как своя производственная этика, стиль работы, корпоративное управления, отличающийся бухгалтерский учет, ограничения на распоряжение активами, особые социальные цели, которые определяются стремлением к социальному и экологическому благополучию в общественных интересах предприятия СЭ, способны стабилизировать ситуацию. Социальная значимость является важнейшей характеристикой СЭ: это та «добавочная стоимость», которая создается в результате деятельности кооперативов. Она варьирует в зависимости от вида кооператива (ремесленников, фермеров, торговцев).

¹¹³ CIRIEC. (2016) Recent evolutions of the Social Economy in the European Union. CES/CSS/12/2016/23406. URL: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-17-875-en-n.pdf> P. 11

¹¹⁴ Рекомендация МОТ о содействии развитию кооперативов № 193 от 03.06.2002 г.

По сравнению с коммерческими компаниями, принадлежащим частным инвесторам, кооперативы более ориентированы на общественные цели, что в итоге положительно влияет на благосостояние всего общества.

В СЭ некоторых стран Западной Европы занято более 13% всей рабочей силы, а в целом в ЕС насчитывающей более 2 млн. организаций, в которых трудятся более 11 млн. человек или около 6% всей рабочей силы¹¹⁵. Все это означает, что значительная часть рабочей силы в Европе зарабатывает средства к существованию в «третьем секторе экономики», как часто называют в Европе СЭ, существующем «между государством и бизнесом».

Влияние СЭ выходит за рамки количественных показателей: она вносит вклад в сокращение провалов рынка, чем улучшает работу экономической системы в целом и благосостояние достаточно большой части общества.

Кооперативы, часто производят товары и услуги с низкой или негарантированной, если не отрицательной прибылью, которые не представляют интереса для внешних инвесторов или те, которые не представляют интереса для государства: некоторые социальные услуги, услуги в области здравоохранения, образования, а также личные услуги. В случае низкой прибыльности, кооперативы все равно смогут стать «безубыточными благодаря привлечению дополнительных ресурсов волонтеров и пожертвованиям, а также особой ценовой политике, что на начальной стадии очень важно»¹¹⁶. Со временем деятельность многих кооперативов становится весьма прибыльной, и они трансформируются в предприятия, принадлежащие частному инвестору. Многие фирмы начинали свою деятельность как предприятия СЭ, а затем развивались в прибыльные предприятия и обретали инвестора. При этом количество кооперативов не уменьшается.

Отношение к СЭ государства. Европейские государства в отношении СЭ пользуются *мягкими и жесткими мерами*.

К мягким мерам относятся: организационно-правовая работа по устранению юридических препятствий для функционирования

¹¹⁵ EU. Social Economy in the EU. URL: http://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy_en

¹¹⁶ EURICSE.10-th International Workshop on Cooperative and Responsible Finance for Development. 20–21 June 2019. Trento. Italy.

предприятий СЭ в качестве частных игроков, способных управлять в рамках всего спектра их экономической деятельности; признание предприятий СЭ партнерами в реализации государственной политики; «когнитивные» аспекты этих мер связанные с влиянием на культурную среду и повышение осведомленности о СЭ, в том числе обучение и включение СЭ в программы университетского образования.

Более строгие меры направлены на содействие функционированию предприятий СЭ: их снабжение, повышение конкурентоспособности среди других предприятий; поддержка финансирования, консультации, обучение, занятость, вычислительные и коммуникационные технологии, физическое пространство.

Отношение к социальной экономике в ЕС закреплено целым рядом документов Европейской Комиссии, основные из которых касаются ее статуса¹¹⁷: Предложение о статуте европейских обществ взаимного социального обеспечения и страхования (1992). В 2003 году был принят Положение (ЕС) No 1435/2003 о статуте европейского кооперативного общества (SCE).

СЭ в документах ЕС рассматривается как поле для социальных инноваций: Руководство по социальной инновации; а также способ информирования об общественной, социальной и кооперативной экономике – CIRIEC¹¹⁸.

Предприятия СЭ могут воспользоваться такими общеевропейскими программами и фондами, как например, Европейская программа для малых и средних предприятий¹¹⁹, Фонд регионального развития и Европейский социальный фонд. Комиссия рекомендовала странам ЕС уделять больше внимания деятельности социальных предприятий в национальных оперативных программах на период 2014–2020 гг. Европейская Комиссия также финансирует проекты по пересмотру законодательства, распространению передовых методов, повышению осведомленности и проекты по сбору статистических данных по кооперативам и обществам взаимного кредитования и страхования, а также социальным предприятиям.

¹¹⁷ EU. Proposal for a Council Regulation on the Status for a European Mutual society. 1992. URL: <https://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy>

¹¹⁸ CIRIEC. Recent evolutions of the Social Economy in the European Union. URL: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-17-875-en-n.pdf>

¹¹⁹ COSME. Europe's Programme for Small and Medium-sized Enterprises.

Создание кооперативов – это институциональная реакция на критические и угрожающие ситуации в экономической сфере, которая мотивируется необходимостью адаптации и идеями самопомощи. Европейские предприятия СЭ представляют различные практики в борьбе с кризисом¹²⁰.

Овладение европейскими практиками в СЭ может побудить к более активному действию в отношении развития кооперативов в российских регионах. Опыт Европы свидетельствует о возможностях местного уровня для решения многих проблем, связанных с закреплением населения в местах их проживания. Важной тенденцией в России, как и в мире, является «перемещение центра тяжести решения социально-экономических проблем на местный и региональный, повышение роли муниципальных и городских органов власти в партнерстве с предпринимательским сектором»¹²¹, поскольку, например, в сельской местности может быть ограничен доступ к образовательным учреждениям, а у бизнеса может быть возможность обучения на базе предприятия (предоставление рабочих мест для обучения и наставников, реализация совместных проектов с образовательными организациями).

Отсутствие предпринимательских навыков также создает трудности в работе социальных предприятий, для преодоления которых им в рамках программы Erasmus предоставлена возможность обучения. Европейская Комиссия стремится создать условия деятельности для социальных предприятий, при которых они могут эффективно конкурировать на рынке, не подвергаясь дискриминации из-за свойственных им особенностей. Обширная правовая база, разработанная в ЕС, делает систему самоорганизации граждан самонастраивающейся, способной успешно решать проблемы занятости на местном уровне, быть формой адаптации для рабочей силы, занятой на небольших семейных предприятиях в сельском хозяйстве и некоторых видах ремесел.

¹²⁰ European Economic and Social Committee: Best practices in public policies regarding the European Social Economy post the economic crisis. June. 2018. URL: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-18-002-en-n.pdf>

¹²¹ Варнавский В.Г. Основы государственно-частного партнерства (теория, методология, практика). М.: МГИМО МИД, 2015. С. 9.

Социалистические формы организации на территории современной Восточной Европы не способствовали выработке предпринимательских навыков, необходимых для самоорганизации в кооперативы, что отчасти объясняет более низкий там уровень развития СЭ.

В странах с развитым рынком социальная составляющая в деятельности кооперативов ослабевает, чаще приобретает предпринимательские формы, которые могут отличаться от обычных предприятий только формой собственности. Некоторые кооперативы привержены идее социальной солидарности и справедливости: защита окружающей среды, поддержка профессиональной интеграции людей с ограниченными возможностями и пр., хотя постепенно они становятся все более разнонаправленными. Несмотря на то, что кооперативы могут утрачивать некоторую социальную направленность своей деятельности, они служат целям социально ориентированного поведения общества и его адаптации, например, в сельском хозяйстве, то есть там, где в России наибольшая часть НФЗ. Исследователи¹²² различают страны в зависимости от существующих в них режимов социального обеспечения: *либеральные* – Канада, США, Великобритания; *консервативные* – Германия, Нидерланды, Франция; *социально-демократические* – Норвегия, Швеция; *семейно-ориентированные* – Италия, Испания, Мексика, Ирландия; и так называемые *постсоциалистические*. Наибольшее развитие СЭ получила в странах с семейно-ориентированными режимами, и наименьшее – в постсоциалистических.

Кооперативы нельзя считать европейским явлением, поскольку они существуют по всему миру и их число постоянно увеличивается. И во всем мире их развитию препятствует недостаточность законодательных рамок, которые обеспечивают взаимодействие с рыночными механизмами и проводимой государством политикой и слабо развитые навыки управления у кооператоров.

В России кооперативное движение возникло в 1831 году «для продвижения интересов отечественных производителей, специалистов и потребителей товаров и услуг, которые объединились в кооперативы, управляемые демократическим путем. Потребительские

¹²² Globalization, Uncertainty and Youth in Society. / Ed. Blossfeld H.-P., Klijzing E., Mills M., Kurz K.N. Y.: Routledge, 2005.

общества функционируют в рамках рыночной экономики независимо от государства как форма взаимопомощи, ориентированная не на прибыль, а на обслуживание населения»¹²³.

Из различных видов кооперации, существующей в России¹²⁴, способствовать закреплению населения в местах их постоянного проживания (преимущественно занятого сельским хозяйством) могли бы с различной степенью успеха следующие из них:

- *сельскохозяйственные производственные кооперативы* (СПК), члены которых обязаны принимать личное трудовое участие в производственном процессе, а доходы делить с учетом трудового вклада. СПК были созданы в 1992–1993 гг. в результате реорганизации 26,6 тысяч колхозов и совхозов (12,5 млн. человек) с существенным расширением прав и полномочий ее членов. Возможно, эта форма кооперации, как наследница колхозов и совхозов, отражала некоторое недоверие и идиосинкразию к ней, поскольку последние десятилетия зафиксирована тенденция к снижению количества таких кооперативов, банкротству части из них и организации на их месте предприятий иных форм собственности;

- среди *сельскохозяйственных потребительских обслуживающих кооперативов* (со сравнительно небольшим числом зарегистрированных среди них) широко распространены различные виды неформальных объединений, которые имеют сходство по своей структуре с кооперативами. Они возникают особенно часто между коллективами сельскохозяйственных предприятий и владельцами личных подсобных хозяйств в форме соседской и родственной взаимопомощи, а также между крестьянскими хозяйствами. Широкое развитие неформальной кооперации в целом имеет схожие причины и черты возникновения НФЗ: обеспечение выживания путем простого воспроизводства, уход от налогообложения, отсутствие хлопот по оформлению и регистрации. Те виды кооперации, которые опираются на семейные связи (часто неформальные) развиваются успешнее, подобно тому, как это происходит, например, в Италии,

¹²³ Официальный сайт Центросоюза. URL: rus.coop/ru/cooperation

¹²⁴ Кооперативный сектор в России и применение Рекомендации МОТ № 193 в развитии различных направлений российской кооперации: аналитический отчет. М.: Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2009. 61 с.

Испании и др., где общество в большей степени семейно-ориентировано;

- наиболее успешно в России развивается *сельскохозяйственная потребительская кредитной кооперация*, которая в декабре 2008 г. имела портфель займов на 5,8 млрд. рублей. Ее потенциал в МОТ оценивают как огромный¹²⁵, за 10 лет с 1998 г. по 2008 г. число членов возросло более, чем на 80%. Их участниками являются преимущественно семьи, ведущие подсобные хозяйства. Анализ показывает, что средние и мелкие сельскохозяйственные товаропроизводители активно пользуются услугами сельских кредитных кооперативов:

Несмотря на более чем 200-летнюю историю кооперативного движения в России, такие предприятия создаются по стране неравномерно, хотя и есть примеры их успешного развития. Так, в Липецкой области этому способствует разработанная на региональном уровне дополнительно к федеральным законам своя законодательная база¹²⁶.

СЭ выгодно отличается от других форм стихийной и вынужденной адаптации к изменению внешних условий жизнедеятельности тем, что участие в ней не связано ни с потерей легального статуса (как в неформальной занятости), ни с переменой привычного места жительства (как при внутренней трудовой миграции). Западный опыт *самоорганизации* рабочей силы в местах постоянного проживания, как правило, в сельскохозяйственных и ремесленных производствах будет корректно сравнивать с кооперативным движением в России, если и оно, как и в Европе, будет идти по пути поиска приемлемых для реальной обстановки форм.

¹²⁵ Там же с. 18.

¹²⁶ Федеральное законодательство: о кредитной, сельскохозяйственной кооперации, о производственных кооперативах. Областное законодательство: Постановление администрации Липецкой области от 30.10.2013 г. № 490 «Об утверждении государственной программы Липецкой области «Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области» (в ред. от 29.12.2018). Комплекс мер по развитию сельскохозяйственной потребительской кооперации в Липецкой области на 2017–2020 годы.

Глава 4

Роль младших поколений в трансформации рынка труда

Опыт людей, принадлежащих к определенному поколению и испытывающих на себе влияние особенностей исторического периода, в котором проходила их молодость¹²⁷, оказывает большее влияние на их взгляды, чем сам факт их молодости, для которой характерен протест против контроля и авторитета старших. Согласно тезису о разрыве поколений (*generational gap*) следует, что опыт, полученный в молодости, в период формирования личности, будет находить отражение в их взглядах и установках в будущем. Переживаемая цифровизация, охватывает все новые слои общества, она получила взрывной запрос на развитие в условиях пандемии 2020 г. и далеко за пределами молодого поколения, которое было лидером в этой области.

Например, в Европе поколение, выросшее на пост материальных ценностях, особенно тяжело воспринимало меры жесткой экономии, к которым вынуждены были прибегать некоторые правительства во время кризисов. Ряд исследователей¹²⁸ отмечают, что поколение, выступающее против затягивания поясов (*anti-austerity generation*) по сравнению с другими поколениями будет более «злым». Те люди, чья молодость пришлось на периоды истории, когда происходили социальные волнения, и они были свидетелями эпохальных событий, часто имеют схожие политические взгляды, в связи с чем возникали обобщенные характеристики поколений – *протестное, молчаливое*¹²⁹ и пр. Каким будет поколение тех, кому сейчас от 15 до 29 лет? – Поколение *digital* не устраивают какие-либо границы,

¹²⁷ Mannheim, K. The Problem of Generations. In Kecskemeti P. (Ed.), *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 276–320.

¹²⁸ Olcese C., Saunders C., Tzavidis N. In the Streets with a Degree: How Political Generations, Educational Attainment and Student Status Affect Engagement in Protest Politics. *International Sociology*, 2014. Vol. 29, no.6 (November). P. 527–542.

¹²⁹ Inglehard R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton: University Press, 2015. P. 496.

поскольку они живут в глобальном пространстве. Их информированность¹³⁰ расширяет их возможности наблюдать и сравнивать. Так, если у старших поколений протесты преимущественно связаны с эмоциональным ощущением утраты ценностей, угрозой традиции, то у современных молодых людей – это протест против ограничения и утраты возможностей в сфере трудовой деятельности и образования. В связи с этим большое значение для адаптации молодежи имеет ответ на вопрос, почему рынки одних стран более дружелюбны для молодежи и ее адаптации на них, а другие – менее:

- соотношение уровня молодежной и общей безработицы в разных странах;
- уклад жизни и социокультурные особенности в регионе проживания;
- институциональные особенности, обеспечивающие переход школа-работа;

4.1. МОЛОДЕЖНЫЙ РЫНОК ТРУДА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Данные о безработице¹³¹ свидетельствуют о существовании проблемы молодежной безработицы в большинстве стран, что характерно и для России, и особенно для отдельных ее регионов.

Проблема занятости имеет большое значение для всех возрастных категорий (табл. 1.1.1), но молодежью она ощущается острее. Уровень безработицы наиболее высокий в возрастной категории до 29 лет, а уже для следующей возрастной группы 30–39-летних он, как правило, заметно ниже (рис. 4.1.1).

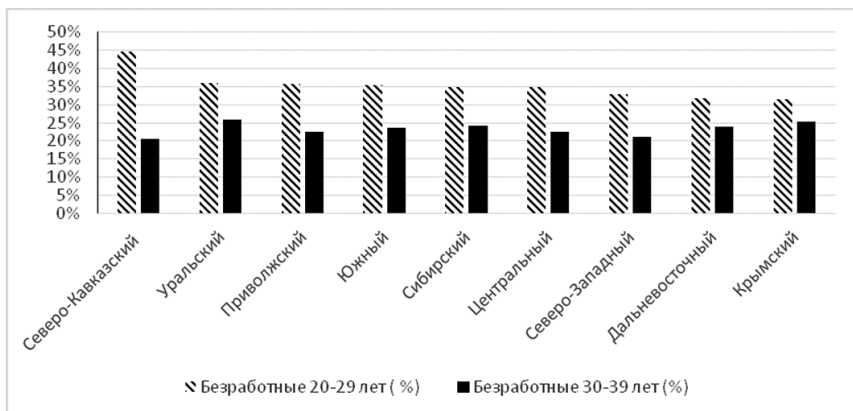
Между уровнями общей и молодежной безработицы наблюдается корреляция (рис 4.1.2): особенно неблагоприятна ситуация для молодежи на тех рынках труда, где высокий уровень общей безработицы. Там она, как правило, еще выше¹³².

¹³⁰ Их труд на компьютере по содержанию весьма различается: он может быть простым и сложным, но каков бы он ни был, он обеспечивает доступ к информации, как никогда прежде.

¹³¹ ILO. World Employment and Social Outlook: Trends 2020. URL: www.ilo.org/wesodata

¹³² Исключение наблюдается в Северо-Кавказском ФО, в частности, в Ингушетии (подробно в § 4.2).

Рис. 4.1.1. Доля безработных в возрасте 20–29 и 30–39 лет среди всех безработных (15–72 лет) по Федеральным округам РФ в 2015 г.

Источник: рассчитано автором по Росстат. Обследование населения по проблемам занятости. 2015. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm

Эта тенденция характерна и для других стран, где прослеживается зависимость молодежной безработицы от уровня общей безработицы.

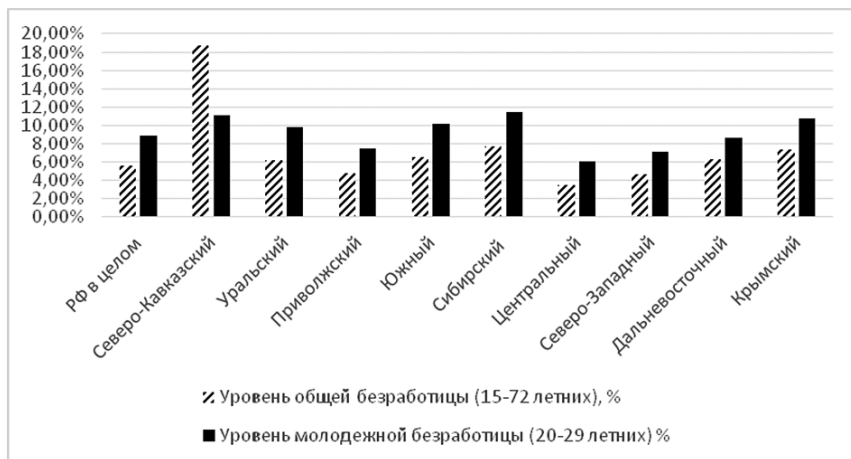
Однако, хотя эти тенденции в период кризиса 2013–2015 гг. проявились в той или иной мере во всех странах, глубина воздействия кризиса на молодежный рынок труда заметно различалась, также различалась и скорость восстановления рынков труда после кризиса.

Например, в ЕС по уровню безработицы на молодежном рынке труда выделяются три группы стран: страны Южной Европы (табл. 4.1.1), страны ЦВЕ (табл. 4.1.2) и «старые» страны Единой Европы (табл. 4.1.3), в которых доли безработной молодежи существенно различаются.

Так, средний уровень безработицы в странах Южной Европы в кризис 2013–2015 гг. был самым глубоким в Европе, например, в Италии молодые люди почти в 3,5 раза чаще оказывались безработными, чем люди старшего возраста (в то время как в «старых богатых странах» таких, как Германия – только в 1,5 раза).

В Южной Европе уровень безработицы среди молодежи превышал в 2013 году 38%, а в Греции и Испании – 55%. (табл. 4.1.1).

Рис. 4.1.2. Соотношение общего уровня безработицы и уровня молодежной безработицы в 2015 г. по Федеральным округам РФ

Источник: рассчитано по Росстат. Обследование населения по проблемам занятости. 2015. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm

Таблица 4.1.1.

Уровень безработицы в странах Южной Европе в 2013–2019 гг.

Страны	Безработные 15–24 лет				Безработные 15–74 лет			
	2013 %	2015 %	2013– 2015 п.п.	2019 %	2013 %	2015 %	2013– 2015 п.п.	2019 %
Греция	58,3	49,8	-8,5	31,9	27,5	24,9	-2,6	16,4
Испания	55,5	48,3	-7,2	30,3	26,1	22,1	-4,0	13,7
Хорватия	50,0	43,0	-7,0	15,8	17,3	16,3	-1,0	6,3
Италия	42,7	40,3	+0,3	28,7	12,1	11,9	-0,2	9,6
Кипр	38,9	32,8	-6,1	15,2	15,9	15,0	-0,9	6,3
Португалия	38,1	32,0	-6,1	18,7	16,4	12,6	-3,8	6,7

Источник: URL: <http://www.eurostat.ec.europa>

В странах Центральной и Восточной Европы также наблюдается достаточно высокий уровень молодежной безработицы

и неблагоприятное для молодежи соотношение с уровнем общей безработицы (табл. 4.1.2).

Таблица 4.1.2.

Уровень безработицы в странах ЦВЕ в 2013–2019 гг.

Страны ЦВЕ	Безработные 15–24 лет				Безработные 15–74 лет			
	2013 %	2015 %	2013– 2015 п.п.	2019 %	2013 %	2015 %	2013– 2015 п.п.	2019 %
Болгария	28,4	21,6	-6,8	9,3	13,0	9,2	-3,8	4,2
Чехия	18,9	12,6	-6,3	4,8	7,0	5,1	-1,9	1,9
Эстония	18,7	13,1	-5,6	9,3	8,6	6,2	-2,4	4,4
Латвия	23,2	16,3	-6,9	11,2	11,9	9,9	-2,0	6,4
Литва	21,9	16,3	-5,6	14,9	11,8	9,1	-2,7	6,4
Венгрия	26,6	17,3	-9,3	10,9	10,2	6,8	-3,4	3,4
Польша	27,3	20,8	-6,5	7,8	10,3	7,5	-2,8	2,9
Румыния	23,7	21,7	-2,0	17,7	7,1	6,8	-0,3	4,0
Словения	21,6	16,3	-5,3	8,3	10,1	9,0	-1,1	3,8
Словакия	33,7	26,5	-7,2	15,9	14,2	11,5	-2,7	5,6

Источник: Unemployment rate forecast – OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm#indicat> <http://www.eurostat.ec.europa>

В противоположность этому в германоязычных странах, а также соседних с ними странах, безработица среди молодежи составляла от 6,8% в Швейцарии и до 11,3% в Нидерландах¹³³.

Представленная здесь своего рода типология построена на основе единственного признака – уровня безработицы, из чего можно тем не менее сделать следующие выводы:

- разница между общим уровнем безработицы и уровнем молодежной безработицы, как правило, является индикатором реального положения молодежи на рынке труда, поскольку молодежная безработица, опережая уровень общей безработицы, жестко коррелирует с ней;

¹³³ Наряду с этим временная занятость может быть достаточно высокой в этих странах, например, в Нидерландах и Германии около одной трети молодежи работают по срочным контрактам.

Таблица 4.1.3.

**Уровень безработицы в германоязычных
и соседних с ними странах в 2013–2019 гг.**

	Безработные 15–24 лет				Безработные 15–74 лет			
	2013 %	2015 %	2013– 2015 п. п	2019 %	2013 %	2015 %	2013– 2015 п. п	2019 %
Дания	13,0	10,8	-2,2	10,2	7,0	6,2	-0,8	4,9
Германия	7,8	7,2	-0,6	5,5	5,2	4,6	-0,6	3,2
Нидерланды	13,2	11,3	-1,9	6,7	7,3	6,9	-0,4	3,2
Австрия	9,7	10,6	+0,9	8,6	5,4	5,7	+0,3	4,2
Швейцария	8,5	6,8	-1,7	8,0*	4,1	4,7	+0,6	4,2*

*

Источник: URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm#indicator-chart>

- молодые люди, не имеющие опыта, чаще менее подготовленные, представляют собой «запасной резервуар» на рынке труда, их работодатели увольняют при первых признаках спада производства, но и при первом улучшении конъюнктуры готовы вновь взять на работу, поэтому восстановление на молодежном рынке труда идет быстрее, чем на рынке труда в целом;

- кризисные явления в экономике акцентируют внимание на воздействии на молодежный рынок труда различных факторов (поэтому в настоящей работе приводятся данные за кризисные 2013–2015 гг.).

**4.2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ
И ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВЫБОРА
В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ**

Непропорциональное размещение производственных ресурсов, культурных и образовательных учреждений по регионам России диктует молодому человеку необходимость затрачивать различный объем усилий для достижения ими своих жизненных целей в зависимости от региона проживания.

Среда и стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) конфликтуют. С одной стороны, дается импульс, который формирует у молодежи запросы и потребности, соответствующие современным мировым стандартам. С другой стороны – молодой человек часто не может или не хочет реализовываться в регионе своего постоянного проживания. Казалось бы, использование ИКТ в учебе и предпринимательстве, возможности дистанционных практик¹³⁴ должны обеспечивать равный и широкий доступ и социализацию независимо от места жительства. Однако сохраняющиеся особенности социального пространства¹³⁵, непосредственно окружающего молодого человека, не приводят к ощущению «счастья» и состоянию гармонии как «результату единения субъективного и объективного, где под субъективным мы понимаем систему убеждений и устремлений личности, а под объективным совокупность условий жизни личности, создаваемых благодаря ее целенаправленной активности»¹³⁶.

Восприятие российской молодежью проблемы безработицы. К одной из наиболее очевидных первопричин неудовлетворенности жизненной позицией, хотя и не единственной, относится безработица. Характерно, что проблема безработицы имеет значимость для респондентов всех возрастных категорий в России, но в большей степени для молодежи. Очевидна разница восприятия респондентов всех возрастов (15–72 лет) и молодых людей (18–29 лет) (табл. 4.2.1).

Так, доля респондентов всех возрастных категорий возросла с мая 2015 по май 2016 с 29,5 до 33,9% и с октября 2015 по октябрь 2016 с 31,3 до 33,4%, а для молодежи, соответственно, с 33,5 до 37,7% и с 35,7 до 37,45%. То есть, молодежь чувствует эту проблему острее.

Более трети молодежи связывают свои проблемы с наличием или отсутствием работы, что можно расценить как очень важный «фильтр», что свидетельствует о соответствующих жизненных планах и установке работать.

¹³⁴ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 № 1632-р. С. 6. URL: <http://government.ru/docs/28653/>

¹³⁵ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. С. 543.

¹³⁶ Колесникова Г.И. Социальная политика России: концепция развития личности в 21 веке. Международный научный журнал, 2017, № 3. С. 112–116.

Таблица 4.2.1.

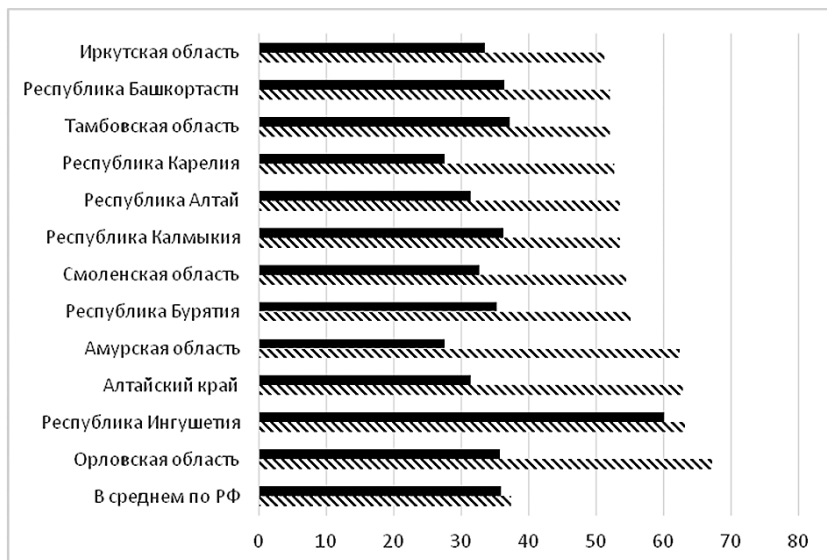
**Доля респондентов в РФ, считающих
проблему безработицы главной, %**

Возрастная категория	май 2015/ май 2016	октябрь 2015/ октябрь 2016
Респонденты 15–72 лет	29,5/33,9	31,3/33,4
Молодежь 18–29 лет	33,5/37,7	35,7/37,45

Источник: Регионы России: социально-экономические показатели. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 202.

На вопрос «Какие на Ваш взгляд проблемы в России и в субъекте РФ, где Вы живете, являются наиболее острыми и требуют первоочередного решения?» многие отвечали – «Невозможность найти работу, безработица». В отдельных регионах таких ответов было более 60%.

**Рис. 4.2.1. Высокий уровень обеспокоенности молодежи
проблемой безработицы в ряде регионов России в 2016 г., %**

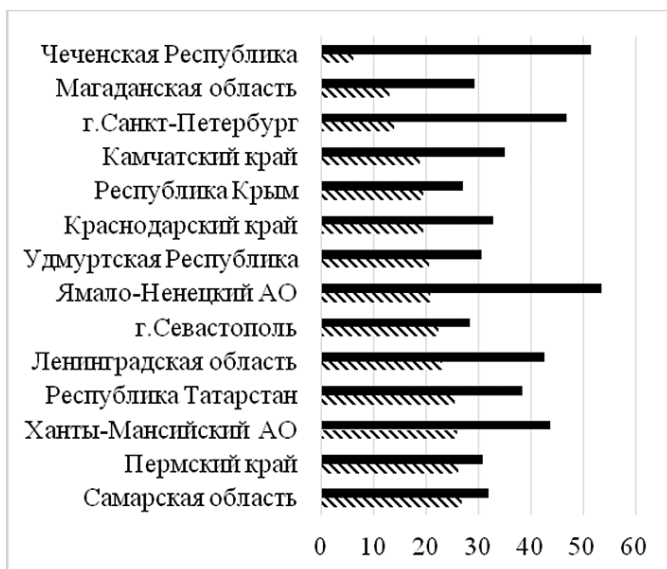
Источник: Там же, с. 190, 202.

Сравним долю безработной молодежи и долю молодых людей, испытывающих тревогу¹³⁷ по этому поводу в тех же регионах:

- на рис. 4.2.1 показаны регионы, где, согласно опросам, более половины молодежи – от 51,2 до 67,2% (заштрихованные столбцы на диаграмме) считают безработицу главным социальным злом и причиной неудовлетворенности своей жизненной позицией, при этом доля безработной молодежи в этих регионах наиболее низкая – от 27,5 до 34,0% (черные столбцы на диаграмме).

- на рис. 4.2.2 показаны данные по другим регионам, где, наоборот, доля безработной молодежи (черные столбцы на диаграмме) значительно выше (27,1–53,5%), а доля молодых людей, обеспокоенных проблемой безработицы (заштрихованные столбцы), значительно меньше (6–27%).

Рис. 4.2.2. Низкий уровень обеспокоенности молодежи проблемой безработицы в ряде регионов России в 2016 г., %

Источник: там же, с. 212.

¹³⁷ При этом обеспокоенность проблемой безработицы в своем регионе могут ощущать не обязательно только безработные молодые люди, но также и занятые, которые боятся потерять работу.

Может показаться, что в некоторых регионах просто «не замечают» высокий уровень безработицы. Особенно наглядно это проявляется в Чеченской республике и ряде других регионов.

Показательно, что не наблюдается прямой корреляции ответов респондентов, свидетельствующих об ощущении обеспокоенности потерять работу, с данными о доле безработной молодежи в соответствующих регионах (рис. 4.2.1 и 4.2.2).

То есть, осознание уверенности в своем положении происходит не всегда на основе состояния рынке труда, что свидетельствует о существовании иных маркеров, позволяющих оценивать аналогичные ситуации по-разному, например, в зависимости от уклада жизни, традиций и отношений в семье.

Все это свидетельствует о необходимости системного подхода, учитывающего психосоциальные и психофизические особенности личности, поскольку ощущение удовлетворенности жизнью, как видим, определяется не только объективными факторами: «... структура личности как вида ограничена биологическими, а как социального существа – материальными и духовными потребностями»¹³⁸. В семьях с традиционными ценностями доминирует ориентация на социальные нужды, которые рассматриваются в контексте возможностей удовлетворения биологических потребностей, поскольку система воспитания, при которой сохраняется связь между поколениями, уже дает готовые жизненные и нравственные ориентиры.

Поддержка близких, помощь в общем деле проявляется и в более позднем возрасте выхода на рынок труда именно в тех регионах, где преобладает традиционный уклад семейных отношений. Объективные показатели доли безработной молодежи могут превышать уровень тревог, это преимущественно районы, где не утрачены семейные традиции и связь поколений наиболее сильная, например, Северный Кавказ, что может объясняться и влиянием уклада жизни на время выхода молодого человеком на рынок труда.

В центральной и средней полосе России (рис. 4.2.1), где у личности доминирует индивидуальное сознание в выборе

¹³⁸ Колесникова Г.И. Воздействие на сознание в системе ведения сетевых войн: опыт социально-философского осмысления. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2017, № 3 (часть 2). С. 311–314.

социально-духовных ориентиров, что характерно для нетрадиционного типа воспитания, где менее жесткие ограничительные ориентиры, чем в традиционном типе воспитания, чаще возникает ощущение нестабильности, в частности, выражающемся в тревоге потерять работу. Здесь наиболее остро на уровне индивидуального сознания безработица воспринимается молодежью как реальность.

Таким образом, угроза потери работы ощущается человеком часто независимо от реального состояния рынка труда, а его индивидуальная позиция, формируемая *социокультурными* фильтрами¹³⁹ (социальное происхождение, образование и культурный капитал родителей, место рождения, уровень урбанизации, экономическое положение семьи), влияют на восприятие молодыми людьми ситуации на рынке труда сильнее. То есть формирование сознания, выбор им направления образования, любимой профессии может происходить вопреки обстоятельствам, под влиянием социальной и культурной среды, в которой живет молодой человек, которая формирует стереотип сначала мышления, а затем и поведения.

Влияние цифровизации на российский рынок труда. Из целой серии значительных макроэкономических и социальных процессов, являющихся общими для современных обществ, сильное влияние на молодежный рынок труда оказывает распространение глобальных сообществ людей и фирм, связанных новыми технологиями через сети.

Последствия принятой в 2017 году государственной Программы «Цифровая экономика»¹⁴⁰ оказывают позитивное влияние на молодежный рынок труда, все большее распространение *дистанционного труда*, появление высокотехнологичных рабочих мест на периферии. В соответствии с данной тенденцией в Трудовой кодекс РФ введена новая глава 49.1¹⁴¹, посвященная регулированию труда дистанционных работников.

¹³⁹ Однако в периоды сильных социальных и экономических кризисов приоритеты в выборе жизненного пути смещаются в сторону экономической целесообразности, а проблемы выживания выходят на первый план.

¹⁴⁰ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 № 1632-р. URL: <http://government.ru/docs/28653/>

¹⁴¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». URL: <http://www.top-personal.ru/lawissue.html>

Таблица 4.2.2.

**Аудитория интернета по Федеральным округам России
(в среднем за месяц) в 2017 г., %**

Население в целом по ФО	100
Центральный	71
Северо-Западный	77
Южный и Северо-Кавказский	77
Приволжский	65
Уральский	73
Сибирский	69
Дальневосточный	73

Источник: Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2017. URL: fom.ru/SMI-i-internet/13585

Таблица 4.2.3.

**Проникновение интернета
по типу населенного пункта в 2017 г., %**

Население в целом	
Москва	79
Санкт-Петербург	81
Города с 1 млн. жителей и более	74
Города от 500 тыс. до млн. жителей	74
Города от 100 тысяч жителей до 500 тыс.	75
Города с менее 100 тыс. жителей, ПГТ	70
Села	59

Источник: тот же.

Проводимые среди фрилансеров опросы свидетельствуют о том, что это преимущественно молодые люди в возрасте 15–34 лет (88%), тогда как в возрасте 35 лет и старше их всего 12%¹⁴². Распространение дистанционных форм организации труда можно рассматривать как реальную перспективу, поскольку эти молодые люди уже не будут

¹⁴² Кадчинская М.И., Яковлева А.С. Прекариат – новый социальный класс. Симбирский научный вестник, 2018, № 1 (31). С. 75–79.

в массовом порядке отказываться от таких его преимуществ, как экономия на площадях, зданиях и пр. Время становится одним из наиболее ценных ресурсов.

Неравенство в доступе к учебным и культурным учреждениям, интересной работе для молодых людей, живущих в разных регионах России, отчасти нивелируется, поскольку теперь можно работать не меняя места жительства, находясь в любом регионе. Цифровая экономика, которая охватывает такие технологические области, как телекоммуникационные технологии, цифровая связь, компьютерные технологии, информационные технологии в управлении и др., способна охватить большие группы людей, и в первую очередь молодежь независимо от места проживания.

Дистанционный труд – это неизбежное и логическое продолжение цифровизации экономики, имеющее самое непосредственное отношение к организации рынка труда. В Программе Правительства РФ написано, что «с использованием цифровых технологий изменяются повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образования». Намечено выявить барьеры, затрудняющие формирование гибких трудовых отношений, принять нормативные правовые акты, обеспечивающие регулирование гибких трудовых отношений, в том числе дистанционных, включая нормирование труда¹⁴³, то есть цифровизации экономики и дистанционный труд могут стать очень важными для адаптации молодежи. Государственная установка на развитие цифровой экономики и признание дистанционного труда свидетельствует о переходе к переводу проблемы в практическую плоскость.

Зависимость форм адаптации, выбираемых молодежью, от социально-экономического уровня развития страны. Адаптация в зависимости от страны проживания у молодежи происходит неодинаково, а имеющиеся возможности ею по-разному используются. При этом повсеместно признавая безработицу главным социальным злом, жители разных регионов страны, скорее всего, подразумевают различный набор материальных благ и духовных ценностей, который они ассоциируют с обретением занятости.

¹⁴³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 № 1632-р. С. 6. URL: <http://government.ru/docs/28653/>

Принятие окончательного решения относительно того, какой работой заниматься, какую выбрать профессию, куда пойти учиться, менять ли место жительства и пр., в конечном итоге остается личным выбором, а институциональные возможности могут и не приводить к равенству условий для всех групп молодежи.

Так, З. Бауман на страницах своей книги «Текущая современность»¹⁴⁴ заявляет, что «мыслимая и немислимая свобода уже достигнута». Подтверждая эту же мысль А. Турен¹⁴⁵ пишет о «конце определения человека как социального существа, укрывающегося в берлоге своего места в обществе, которое определяет его поведение и действия». Вместо этого на первый план выходит принцип комбинации «выбора стратегического социального действия, которое не направляется социальными нормами» и «защита своей культурной и психологической специфики», которую «можно обнаружить в самом человеке, а не в социальных учреждениях или универсальных принципах», то есть выбор все в большей степени зависит от личности. Поэтому важно то, насколько успешно по терминологии З. Баумана «текущая современность», адаптируется институтами, воспринимается определенными социальными группами, находится помощь им в решении возникающих проблем.

Недавние исследования¹⁴⁶ все больше акцентируют внимание на роли микроуровня в понимании закономерностей и мотивации выбора молодыми людьми той или иной учебной и трудовой траектории. Они также свидетельствуют, что для индивида принятие постматериальных ценностей зависит в гораздо большей степени от его/ее личного социально-экономического статуса, чем от окружающей среды, в которой они живут. Поэтому в бедных странах могут существовать определенные группы постматериалистов, даже если национальный уровень социально-экономического развития был исключительно низким в течение длительного периода времени. Наряду с этим в Германии, Швеции и других богатых странах не все (на самом деле только небольшое меньшинство) выбирают

¹⁴⁴ Бауман З. Текущая современность – СПб.: Питер, 2008. С. 29.

¹⁴⁵ Touraine A. Can we live together, equal and different // European Journal of Social Theory. Vol. 1, Issue 2, November 1998. P. 177.

¹⁴⁶ Novy M., Smith M.-L., Katrnak T. Inglehart's scarcity hypothesis is revisited: In postmaterialism macro or micro-level phenomenon around the world? // International Sociology. Vol. 32, No. 6, November 2017. P. 683–706.

такие цели, как защита свободы высказываний взамен стабильному экономическому положению.

Социально-культурные факторы способны влиять на восприятие молодыми людьми ситуации, а, следовательно, и выбор ими собственной стратегии и траектории перехода от учебы к работе. Если у молодого человека появляется выбор и возможность планировать, то преобладают предпочтения, определяемые такими социокультурными и психологическими ориентирами, как интерес к образованию и профессии, а, соответственно, и образу жизни, кругу общения и всему тому, что определяет наличие профессионального статуса. Решения часто принимаются под влиянием социально-культурных особенностей непосредственно окружающих его людей, что способно влиять на социальную характеристику человека и изменять ее в процессе жизни.

4.3. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РЯДА СТРАН ДЛЯ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА РЫНКЕ ТРУДА

Институциональные особенности, существующие в некоторых европейских странах, показывают, что у государства есть инструменты конструктивного влияния на молодежный рынок труда, чтобы быть буфером, противодействующим негативным последствиям глобализации, снижать неопределенность (в частности давая возможность находить альтернативную занятость) на национальном рынке труда для молодежи¹⁴⁷.

Институты, функционирующие в пределах национальных границ, и те механизмы, которые они запускают, оказываются достаточно устойчивыми. Они инерционны и поэтому продолжают формировать процессы, которые влияют на особенности образования и рынка труда в конкретной стране в течении многих лет.

В Единой Европе возможности осуществления любой амбициозной задачи, как например, создание интегрированного рынка труда и образования, всегда были ограничены, поскольку политика

¹⁴⁷ Globalization, Uncertainty and Youth in Society. The Losers in a Globalizing World. Ed. Blossfeld H.-P., Klijzing E., Mills M., Kurz K.L.: Routledge, 2005.

регионального интеграционного объединения (даже не квази-государства, как иногда называют ЕС) требует соблюдения принципа уважения к национальному разнообразию, понимания логики национальных систем образования. Поэтому любые изменения в институциональных системах на национальном уровне, если и возможны, то требуют длительного согласования.

Лучшим критерием для оценки результатов институциональной политики в отношении молодежи является уровень ее адаптации на рынке труда в самый сложный для молодого человека период перехода от учебы к работе, а также профессиональная подготовка, позволяющая обеспечить его дальнейшую работу по полученной профессии.

Институты, исторически сложившиеся в разных странах, могут обладать специфическими особенностями организации профессионального обучения: *теоретическое обучение* в профессиональных школах во Франции, Нидерландах; *практическое обучение на рабочем месте* в США, Великобритании, Канаде, Италии, Швеции; и, так называемая, *дуальная система* в германоязычных странах – прагматичная комбинация теоретического обучения в школе и трудовой практики.

В Германии, Австрии и Швейцарии используют дуальную систему образования (в этих странах наименьшая доля безработной молодежи). При всей происходящей в мире транснационализации образования, актуальным остается сохранение национальных особенностей даже для успешных и богатых европейских стран. Дуальное образование¹⁴⁸, сохраняя традиционные формы и имея архаичную историю, характерные только для данных стран особенности позволяет успешно встраиваться в глобальные изменения и не приводит к стремительной конвергенции образа жизни, к которой далеко не все готовы.

¹⁴⁸ Традиционно германские ремесленники приобретали мастерство в процессе производства (своего рода дипломом для ученика становилось получение собственного клейма). Основателем современной дуальной системы (обучение 1–2 дня в неделю в учебном заведении, а остальное время на предприятии) считается педагог Г. Кершенштейнер (1854–1932 гг.), занимавшийся реформой образования в самом начале XX века. Он создал тип школы, ориентированный на практику, где в центре внимания находится приобретение профессии. Однако само понятие «дуальная система» возникло только в 1969 г. в связи с введением закона о профессиональном образовании.

Школа–работа. Системы перехода¹⁴⁹ *школа–работа* характеризует национальный детерминизм и зависимость от предыдущего исторического опыта страны. В Европе уже накоплен опыт в изучении этого вопроса и имеются наработки в решении данной проблемы.

Все то, что обеспечивает переход школа–работа, и что можно концептуализировать как институциональный эффект, социальные вариации и особенности этого перехода, объективно отличаются от страны к стране и во многом объясняются национальными различиями: доступом детей к образованию, соотношением секторов высшего и среднего образования, учебными программами и квалификацией, особенностями профессионального образования и получения квалификации, характером и уровнем взаимосвязи между образованием и рынком труда, особенностями рынка труда и регулирования и/или защитой занятости, уровнем неформальной занятости и ее влиянием на рынок труда; характером и мерами поддержки молодых людей и их семей в период перехода от учебы к работе и пр.

С 1970-х годов в европейских государствах осуществляется мониторинг переходов школа–работа в целях выработки оптимального алгоритма. В ряде стран¹⁵⁰ были введены опросы выпускников.

В 1980-е и 1990-е годы наиболее перспективными в деле объяснения национальных различий в переходах школа–работа исследователям выделились кейс–стади, с помощью которых они объясняли переходы с точки зрения институциональных особенностей национальных систем образования, регулирования рынка труда и пр. При этом уже тогда ощущались ограниченные возможности этого метода из-за невозможности зафиксировать изменения статуса человека.

С развитием информационных технологий появилась возможность обработки большого количества первичной информации лонгитюдных исследований, что открыло новые возможности для

¹⁴⁹ Globalization, Uncertainty and Youth in Society. The Losers in a Globalizing World. P. 452.

¹⁵⁰ В 1975 г. в соответствии с «Regulation (EEC) No 337/75 of the Council of 10 February 1975 establishing a European Centre for the Development of Vocational Training» был учрежден Cedefop с целью обеспечения информацией и анализа профессионального образования. URL: cedefop.europa.eu/files/3064_en.pdf

проведения сравнительных исследований¹⁵¹. Начиная с 2002 г. регулярно, каждые два года стали проводиться опросы молодых людей из 29 европейских стран.

Проблема перехода учеба-работа не утрачивает свою актуальность¹⁵² и теперь, когда отмечается усложнение и удлинение этого процесса. При таком подходе, например, не игнорируется происходящее размывание границ между формальным (школа, профессиональное образование, ученичество, дополнительное образование), неформальным и информальным образованием, обучением на протяжении всей жизни, а также универсализацией рынка труда (нестандартные формы занятости, дистанционный труд и пр.).

Центральной проблемой уже несколько десятилетий является выработка навыков экономической конкурентоспособности, востребованности (*employability*) на рынке труда, которая возникла еще задолго до появления концепции Европа 2020¹⁵³. Как показывает европейский опыт осуществления программ перехода школа-работа, в целом удается воздействовать на уровень молодежной занятости. Обеспечение востребованности молодежи на рынке труда – это та призма, через которую рассматривается проблема переходов школа-работа в Европейской программе 2020.

Критерии и понятия. Под влиянием ОЭСР, Всемирного банка и МОТ происходила не только интернационализация исследований, но согласовывались и определенные понятия и принимались весьма строгие определения. В то время как в большинстве исследований переход школа-работа рассматривался как период времени после окончания образования и первой постоянной работой, в документах МОТ используется понятие *стабильная занятость*¹⁵⁴, определяемая как оплачиваемая работа по договору найма (письменный) и продолжительностью не менее 12 месяцев, что исключает самозанятых

¹⁵¹ European Social Survey. URL: www.europeansocialsurvey.org/data/round-index.html

¹⁵² Brzinsky-Fay Ch. The Measurement of School-to-Work Transition as Processes: About event and Sequences. European Societies, 2014, Vol.16, No.2. P. 213–232.

¹⁵³ Youth on the Move//Europe 2020: a European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. P. 3. URL: europa.eu/youth-on-the-move/.../youth-on-the-move_EN.pdf

¹⁵⁴ ILO. Report on Child Labour: Paving the Way to Decent Work for Young People. 2015. P. 21. URL: World_Report_on_Child_Labour_EW_Final_Web.pdf

(из-за отсутствия письменного контракта) и временно занятых (из-за ограниченной продолжительности).

Особый аспект молодежной занятости – это совмещение учебы с работой. Мотивация может быть различной: от весьма частой необходимости зарабатывать деньги для оплаты обучения до своего рода *ученичества*, приобретения необходимого опыта и выбора места для дальнейшей работы по избранной профессии. Названный феномен довольно широко распространен. Так, в России, Франции и Польше – более 70% студентов работают, в Эстонии, Чехии, Австрии, Германии, Италии, Испании, Бельгии – более половины всех студентов совмещают учебу с подработкой¹⁵⁵.

Следует учитывать, что хотя занятость во время учебы и занимает показатели уровня молодежной безработицы, она чаще всего не отвечает критериям достойного труда и по этой причине не может рассматриваться в соответствии с критериями МОТ как завершение процесса перехода школа–работа. Безработица, временная, частичная занятость молодежи рассматриваются как незавершенный процесс перехода школа–работа.

Единого подхода к проблеме, обеспечивающего более или менее целостное представление и удовлетворительное объяснение страновых различий в переходах школа–работа, пока не существует¹⁵⁶. Анализ переходов школа–работа (при повсеместно возрастающей сложности этого процесса) крайне затруднен особенностями отдельных стран¹⁵⁷ и иными проблемами при попытке выявления его закономерностей. Тем не менее можно отметить некоторые его общие характерные тенденции:

- возрос средний уровень подготовки молодежи, вместе с чем должен увеличиться и средний возраст ее выхода на рынок труда;
- более высокий уровень профессиональной квалификации, по сравнению со старшими и более опытными работниками, часто не дает преимуществ молодым людям на рынке труда из-за недостатка

¹⁵⁵ OECD. Quintini G. Working and Learning: A Diversity of Patterns. Social, Employment and Migration Working Papers, 2015, No. 169. P. 10.

¹⁵⁶ Sackmann R., Wingers M. From Transitions to Trajectories: Sequence Types / Ed. Heinz W., Marshall V. Social Dynamics of the Life Course. Transitions, Institutions and Interrelations. N. Y.: Routledge, 2003. P. 93–115.

¹⁵⁷ Raffé D. Explaining National Differences in Education–work Transitions: Twenty Years of Research Transition Systems. European Societies, 2014, Vol. 16. No. 2. P. 183–184.

соответствующих рабочих мест, а законодательство о защите занятости уже работающих сокращает возможности получить постоянную работу другими участниками рынка труда. Поэтому, чем строже такое законодательство, тем чаще молодые люди находятся в состоянии временной занятости или безработицы;

- выпускники средних и высших профессиональных учебных заведений имеют преимущества в процессе перехода от обучения к занятости по сравнению с выпускниками со средним общим и основным образованием;

- процессы дифференциации и отбора часто происходят при завершении именно профессионального, а не среднего и общего образования;

- переходы от обучения к занятости стали более продолжительными, более дифференцированными, менее линейным и менее предсказуемыми, поскольку все чаще используются формы обучения (формальные, неформальные и неформальные), а также непрерывное обучение;

- происходит сокращение спроса на выпускников школ, не имеющих квалификацию;

- дети из малообразованных семей и из семей безработных родителей находятся в неблагоприятном положении в период перехода от обучения к занятости, поскольку у их родителей не было возможности развивать у них когнитивные способности.

Дуальное образование в германоязычных странах – «это когда на одного студента университета приходится два студента техникума, уважение к техническим профессиям, прямая демократия – участие в принятии решений, конкурентоспособность кадров»¹⁵⁸, как заявил Й.Н. Шнайдер-Амманн, президент Швейцарии в 2016 г. и министра образования.

В своей речи на Конгрессе по профессиональному образованию 2016 г. он в качестве элемента успеха швейцарской системы образования назвал вовлеченность частного бизнеса в процесс подготовки молодежи. В процессе учебы студенты стажировались на нескольких предприятиях того профиля, по которому они проходят подготовку.

¹⁵⁸ Discours de Schneider-Ammann J.N. (Président de la Confédération) La globalisation: déclin ou nouveau départ? Un regard Suisse. 21.11.2016. URL: <https://www.admin.ch/gov/fr/accueil/documentation/discours/discours-conseillers-federaux.msg-id-64547.h>

Уже в процессе учебы работодатели подбирают себе будущих работников, а студентам дают возможность попробовать себя в будущей профессии непосредственно в рабочей среде еще на стадии образования, что уменьшает риск ошибки в выборе профессии.

Если одни студенты утверждают в своей готовности работать по избранной профессии, то другие, которые разочаровались в своем профессиональном выборе, могут сменить специализацию. Широкий охват молодежи такой системой образования препятствует выходу на рынок труда молодежи без профподготовки. Несмотря на то, что среднее профессиональное образование не является «тупиковым» и студенты могут идти учиться дальше, большинство ограничивается средним профессиональным образованием.

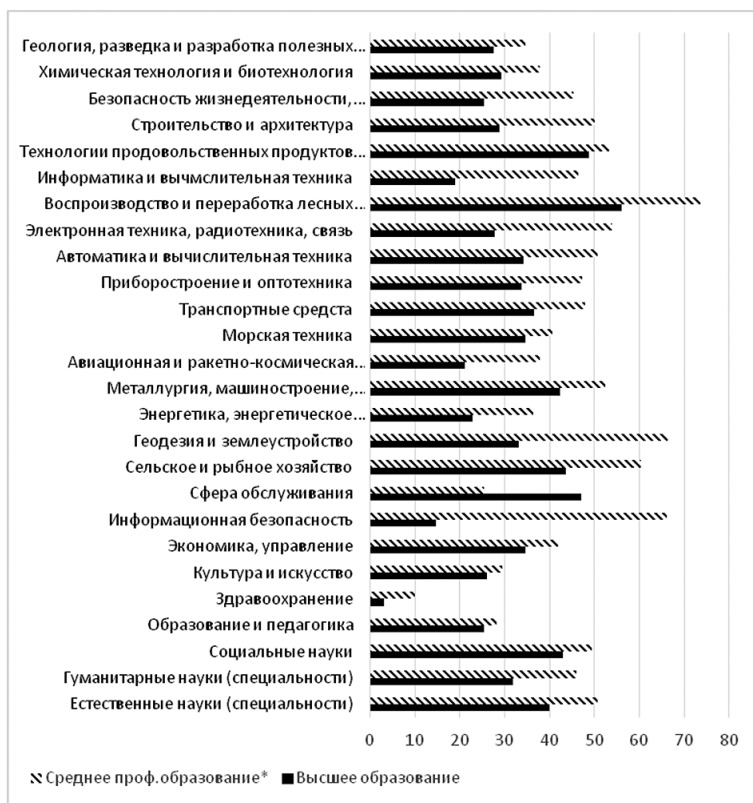
В России в ряде регионов проект дуального образования осуществлялся в качестве пилотного. Так, на некоторых предприятиях Калужской области до 90% участников после прохождения учебы были трудоустроены. В дуальную систему образования весьма успешно «вмонтирована» социальная функция – последующая профессиональная занятость, часто именно на одном из предприятий, где молодой человек стажировался, что в целом является распределением на работу уже в процессе обучения.

В России по некоторым специальностям до 70% выпускников высшего и особенно среднего профессионального образования не работали по приобретенной профессии (табл. 4.3.1). Это относится даже к самым востребованным и современным профессиям таким, как например, информационная безопасность, вычислительная техника и пр., в то время как критерием успешности образования является трудоустройство молодого человека после окончания обучения, то есть его адаптация на рынке труда.

Молодежь как наиболее чувствительная к переменам часть социума, сильнее реагирует на трансформации, происходящие в стране, и является носителем социальных инноваций. Она острее ощущает реальность рынка труда: она в первую очередь теряет работу, но и быстрее других находит ее.

У молодежи высокая потребность иметь работу, которую ей бывает трудно реализовать. Часто это происходит из-за отсутствия трудового опыта, особенно, когда система профессиональной подготовки не соответствует структуре вакансий на рынке труда,

Рис. 4.3.1. Доля выпускников 2012–2014 уч. гг. учреждений профобразования, основная работа которых в 2015 г. не была связана с полученной профессией, %

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2016. М.: Росстат, 2016. С. 89–90, табл. 2.44, 2.45.

а индивидуальные запросы – предлагаемым условиям занятости (рис. 4.3.1). Адаптация молодежи на рынке труда неотрывна от контекста проблем, которые должны решаться на институциональном уровне. Зависимость между профессиональной занятостью, готовностью (мотивацией) и возможностью работать по избранной профессии нарушилась в 1990-е годы.

Две структуры – профессиональная и образовательная, перестали являться частями одной системы, то есть произошло нарушение

связи элементов, благодаря которым система функционирует и развивается. Нарушение равновесия между подготовкой специалистов и вакансиями на рынке труда в частности привело к тому, что значительная часть выпускников образовательных учреждений в России не работают по полученной профессии.

Причиной такой ситуации может быть и ошибка в выборе профессии, что чаще всего является следствием несовершенства самой системы отбора студентов и выбора маршрутов их обучения профессии. В ряде стран на уровне государственных институтов существуют практики, обеспечивающие переход от обучения к занятости, а также формы профессионального образования, которые уже в процессе обучения помогают студентам выбрать будущее место работы и адаптироваться на нем, что формирует позитивный социальный опыт.

Притязания молодых людей таковы, что они не хотят «любую работу», они все чаще предпочитают руководствоваться собственным выбором и более широкими возможностями в этом вопросе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступление в трудовую жизнь, профессиональное продвижение, смена места работы или профессии особенно в условиях структурного кризиса может рассматриваться как социальная мобильность в ее конкретной форме профессиональной адаптации к резкой смене внешних и внутренних, субъективных и объективных обстоятельств. В этом смысле опыт российской адаптации различных категорий занятых и прежде всего молодежи к экономическим результатам смены социально-экономического строя заслуживает всестороннего и углубленного анализа. Полученные результаты позволяют выделить наиболее эффективные механизмы и методы выживания в абсолютно новых и крайне неблагоприятных условиях. Понимание характера и динамики антикризисной мобильности как процесса адаптации к резкому изменению условий (как социально-групповых, так и частных) раскрывает и многие особенности «обычной», не связанной с глобальными потрясениями социально-профессиональной мобильности, выбора личного жизненного пути.

Смена социально-экономической и политической модели, трансформация общественного устройства и всей парадигмы общественной жизни, привела к структурной и кризисной безработице, которая разделила рабочую силу по профессионально-образовательному признаку на востребованную и невостребованную. Динамика уровня безработицы рассматривается в работе как основной критерий адаптации рабочей силы на рынке труда, а профессия – как структурообразующий элемент социальных изменений, происходивших в России после 1990 года.

■ Профессиональные перемещения были тесно связаны с изменением социального статуса человека, черты и механизмы этого процесса были неоднозначны и имели три разнонаправленных вектора. Два процесса, с одной стороны – технологическое обновление и изменение социальной модели (исчезновение многих «советских» профессий), а с другой – глубокие кризисные явления, наложившись друг на друга, вызывали к жизни различные модели

профессиональной адаптации рабочей силы в условиях структурной и кризисной безработицы, следствием которых стали:

Вертикальная нисходящая профессиональная адаптация, которая проявлялась в бегстве из многих промышленных профессий, а также профессий характерных для советской государственной плановой системы управления, в которых резко сокращалось число занятых, вызывая структурную безработицу. Стремясь к равновесию, новая экономическая система удаляла из нее часть инженеров, которые оказывались без работы из-за сокращения промышленного производства, или учителей, которые искали и находили лучше оплачиваемую работу. Так появлялись грузчики, «челноки» и уличные торговцы с высшим профессиональным образованием.

В большинстве случаев это была потеря профессионального статуса при переходе к иным занятиям – явление характерное для трансформационного кризиса 1990-х годов. В результате структурной перестройки и перехода к рыночным принципам экономической жизни происходило кардинальное перераспределение трудовых ресурсов между секторами. Особенно это проявилось в сфере оказания услуг, куда приходила рабочая сила с различным уровнем квалификации и образования, в том числе и с высшим, которое было избыточным, поскольку существенно не влияло на возможности адаптации в новом занятии.

Изменение профессионально-квалификационного статуса было формой адаптации для многих занятых и безработных, новой социальной категории, практически неизвестной в социалистическом плановом хозяйстве.

При этом сохранялись профессии, в которых, если и происходили перемещения, то они носили *горизонтальный характер без вертикальных сдвигов*, сохраняя черты прежней профессиональной структуры, например, специалисты в области исследований и разработок.

Наряду с этим происходила *вертикальная восходящая профессиональная адаптация*: часть рабочей силы адаптировала свои профессии к условиям рынка (например, юридические, экономические), конвертируя их в новый социальный и экономический статус. Преимущества адаптации на рынке труда, связанные со своим профессиональным образованием, смогли реализовать и специалисты

в области ИКТ, инженерных направлениях, которые встроились в новые направления, связанные с компьютерными технологиями.

Анализ профессиональных перемещений засвидетельствовал профессию как институт и важнейший структурный элемент, влиявший на изменение социальной структуры российского общества в 1990-е годы – период «открытых и проницаемых» возможностей.

- В условиях глубокого структурного кризиса начала 1990-х годов занятые и безработные уходили из одних и тех же профессий и приходили (или пытались) в другие, что свидетельствовало о «неблагополучии» в профессиях, ушедших со сменой старой экономической системы. Такое совпадение профессиональных перемещений занятых и безработных было особенно характерно в период 1990–1994 гг., когда причиной потери занятости были обстоятельства, а не профессиональные характеристики людей. Сравнительный анализ профессионального состава и образовательного уровня занятых и безработных позволил показать, что однонаправленные межпрофессиональные перемещения наблюдались у всей рабочей силы и имели единые закономерности. Уход из одних профессий и приход в другие свидетельствовал о смене в общественном разделении труда и о формировании новой профессиональной структуры, что, как правило, для многих означало смену материального положения, социального статуса и всего, что связано с профессиональной деятельностью.

Со второй половины 1990-х годов картина профессиональных перемещений занятых и безработных меняется, они перестали быть столь же ярко выраженными, что свидетельствовало о постепенном складывании новой конфигурации секторов и профессиональной структуры экономики.

Процессы ухода от одних профессий и прихода в другие являются неотъемлемой частью динамики рынка труда, отражающей закономерные процессы изменения баланса профессий вследствие развития разделении труда, а также конъюнктуры рынка труда в условиях экономического подъема, восстановления (наблюдаемые периоды 2002–2007 и 2017–2018 гг.) или кризиса.

В отличие от кризиса 1990-х годов, когда межпрофессиональные перемещения были исключительно наглядны, обычно изменения в балансе профессий происходят постепенно, они растянуты во

времени, могут носить латентный характер, в результате чего часто ускользают от наблюдения.

- Для многих миллионов неформально занятых и внутренних трудовых мигрантов трудоспособного возраста центральным мотивом является получение средств к существованию. Неформальная занятость как форма стихийной адаптации для более чем 20% рабочей силы в России позволяет зарабатывать на жизнь, способствуя сдерживанию роста безработицы.

Вместе с тем положительную динамику неформальной занятости в условиях благополучной экономической ситуации в первой половине нулевых годов можно объяснить как отсутствием соответствующих вакансий в формальном секторе, так и тем, что заинтересованность в формальных трудовых отношениях из-за сокращения роли социальных стимулов (государственных и корпоративных) была недостаточной для работника. При этом среди НФЗ есть небольшая по численности часть специалистов, которая могла бы быть конкурентоспособной на формальном рынке труда, однако выбирающая для себя неустойчивость и неопределенность как новую нормальность.

- Другая форма стихийной адаптации – внутренняя трудовая миграция, обусловленная во многом различиями в экономическом развитии регионов России и неудовлетворенностью проживающих там людей, особенно молодежи. ВТМ значима как для индивидуальной адаптации рабочей силы, так и стратегических целей страны в области ее пространственного развития.

Преобладание потоков трудовых мигрантов в пределах своего Федерального округа указывает на нежелание далеко уезжать от места постоянного жительства, где существуют более налаженные бытовые условия. Фактору близости к месту постоянного проживания отдается предпочтение при выборе маршрута миграции порой даже в большей степени, чем благоприятной экономической ситуации в другом регионе.

- Перспективной формой привлечения специалистов на внутренний рынок труда является образовательная иммиграция молодежи, в частности, из бывших союзных республик в Россию, для которых стиль и более высокое качество жизни, а иногда и стоимость образования и проживания, часто знание русского языка

заставляют сделать выбор в пользу обучения в российском вузе. Многие из тех, кто приезжает учиться из СНГ, рассматривают возможность остаться здесь после окончания учебы, что вполне отвечает интересам России по привлечению профессионалов на свой рынок труда.

- Участие в социальной экономике (СЭ), которое рассматривается в монографии как форма стихийной адаптации, выгодно отличается от неформальной занятости и внутренней трудовой миграции, поскольку не связано ни с потерей легального статуса (как в неформальной занятости), ни переменой привычного места жительства (как при миграции). Самоорганизация рабочей силы в местах постоянного проживания, как правило, занятой в сельскохозяйственных и ремесленных производствах, широко распространена в западноевропейских странах и ее доля в ВВП страны может достигать до 10%.

По мере продвижения на Восток доля СЭ постепенно снижается, что отчасти можно объяснить утратой предпринимательского опыта в восточной части Европы, а также и тем, что такие формы самоорганизации получают наибольшее распространение там, где развит семейный характер трудовых отношений и существует большее доверие между его членами.

Влияние СЭ может выходить за рамки прямой экономической выгоды, которая оценивается в количественных показателях, поскольку предприятия СЭ способствуют адаптации достаточно большой части общества, прежде всего в сельскохозяйственном производстве выводя занятость из «тени» (где особенно велика доля неформальной занятости), а также заинтересовывая людей оставаться в местах их постоянного проживания.

- Молодежи уделяется в монографии значительное внимание как субъекту социально-профессиональной адаптации. Адаптация молодежи имеет две составляющие: ее первичная адаптация на рынке труда, обусловленная вступлением в трудовую жизнь, тесно связанная с профессиональной подготовкой и институциональной средой в стране, и вторичная – антикризисная, которая существенно отличается от первичной.

Длительные периоды безработицы в молодости увеличивают вероятность того, что в будущем люди останутся без работы,

поскольку упускается возможность приобрести навыки и опыт, необходимые для того, чтобы оставаться на рынке труда.

Пандемия коронавируса создала новые препятствия для молодежи на рынке труда, поскольку секторы, которые обычно обеспечивают молодым первую занятость (розничная торговля и гостиничный бизнес), больше всего страдают от мер социального дистанцирования, которые могут потребоваться еще в течение месяцев.

■ Кризис 2020 г., спровоцированный пандемией, может воздействовать на тенденции, рассмотренные в работе: рост НФЗ и ВТМ, запрос на самоорганизацию в СЭ, развитие различных форм онлайн образования. Современный кризис не должен привести к массовой смене профессий, как это было в 1990-е годы, когда, например, за счет сферы услуг происходила массовая адаптация рабочей силы. Сейчас, наоборот, риск *прекаризации* велик именно в этой сфере.

Серьезно повлияв на процесс цифровизации, кризис усилит внутри-профессиональные перемещения и повышение уровня образования как следствие возникновения более жесткой конкуренции части персонала, профессиональная адаптации которого будет изучаться, когда появятся качественные статистические данные.

Возможность удаленной работы в большей мере применима в бизнесе, финансовой и административной сферах, где многие функций могут выполняться дистанционно, а также науке, искусстве. Ученые, преподаватели, журналисты и многие другие, чья работа может выполняться удаленно, не почувствовали разницы в выполнении профессиональных функций, а благодаря возможности использовать цифровые технологии успешно адаптировались в новых условиях. Диверсифицируются профессии нематериального производства в целях возможности использования удаленной занятости в каких-то ее сегментах.

Наряду с этим во время кризиса миллионы оказались лишены альтернативы продолжать работу или нет. Менее всего приспособлена занятость к тому, чтобы стать удаленной в промышленном производстве, в сельском хозяйстве, разработке природных ресурсов и связанных с ними отраслях.

В отличие от 1990-х годов, когда сектор услуг был резервуаром, в котором многие находили работу, безработица, которой сопровождается современный кризис, сильно затронула именно

этот сектор. Вполне очевидно, что для абсолютного большинства занятых более широкое использование цифровых технологий и развитие навыков их встраивания в повседневные профессиональные функции, внесет качественные изменения на внутри профессиональном уровне.

- Отечественный опыт представил исключительный материал для понимания механизма формирования новой структуры рабочей силы, свидетельствуя о том, как профессия в переломные моменты может быть социальным институтом, позволяющим человеку адаптироваться, моделируя свой социальный статус согласно обстоятельствам.

При этом целью автора при написании настоящей работы не был сравнительный анализ трансформации социально-профессиональной структуры России и других стран, а интерес представляло то особенное, что опыт России вносит в мировой контекст: как происходит адаптация рабочей силы за счет изменений профессиональной структуры, сформированной в рамках одной социально-экономической системы, и миллионов работников ее составляющих, к слову этой системы и переход к их существованию в новых социально-экономических условиях. В 1990-е годы Россия оказалась на пике *политических* событий, захвативших затем и Восточную Европу. Россия вышла из трансформационного кризиса с меньшими потерями, если сравнивать данные о безработице со странами ЦВЕ.

Несмотря на различия 1990-х и 2020-х годов, происходившее и тогда, и теперь перемены могут свидетельствовать о возможности адаптации современных людей путем смены профессии и занятия. что способно сдерживать обвал занятости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Законодательные акты и государственные программы Российской Федерация:

Федеральный закон № 60-ФЗ от 5 апреля 2013 г. Глава 49.1. Особенности регулирования труда дистанционных работников. Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 14, ст. 1668.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с изменениями 2019 года (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53, ст. 7598). URL: zakon-ob-obrazovanii.ru

Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации 2016, № 18, ст. 2495; № 27, ст. 4294, 2017, № 1, ст. 43).

Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» о самозанятых гражданах, оказывающих услуги физическим лицам. Собрание законодательства Российской Федерации 2017, № 31, ст. 4748.

Федеральный закон от 15.12.2019 № 428-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». Собрание законодательства Российской Федерации Выпуск № 50, 2019 г. ст. 7201.

Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве,

в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». Собрание законодательства Российской Федерации, 2018, № 49, ст. 7494) Собрание законодательства Российской Федерации Выпуск № 49, 2018 г. ст. 7494.

Федеральный закон от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ «О кредитной кооперации».

Федеральный закон от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации».

Федеральный закон от 8 мая 1996 года № 41-ФЗ «О производственных кооперативах».

Закон от 19 июня 1992 года № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации».

Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политике Российской Федерации на 2019–2025 годы»

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июня 2017 г. № 1632-р Программа. «Цифровая экономика Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации № 32 от 7 августа 2017 года, ст. 5138.

Постановление Госкомстата от 25 октября 2001 года № 76 Об утверждении Методологических положений по измерению занятости в неформальном секторе экономики. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=302398#08069287697449319>

Закон Липецкой области от 24.12.2018 г. № 224-ОЗ «Об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов».

Постановление администрации Липецкой области от 30.10.2013 г. № 490 «Об утверждении государственной программы Липецкой области «Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области» (в ред. от 29.12.2018).

Комплекс мер по развитию сельскохозяйственной потребительской кооперации в Липецкой области на 2017–2020 годы.

Европейский Союз:

Устав Европейского Кооперативного Общества (SCE). Регламент Совета ЕС 1435/2003 от 22 июля 2008 г. URL: <http://base.garant.ru/2569183/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/>

EU. Social Economy in the EU. URL: http://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy_en

Regulation (EEC) No 337/75 of the Council of 10 February 1975. establishing a European Centre for the Development of Vocational Training. OJ L 39, 13.2.1975. P. 1.

EU The Small Business Act for Europe. URL: https://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/small-business-act_en

COSME. Europe, s Programme for Small and Medium-sized Enterprises. URL: www.ec.europa.eu

CIRIEC. Recent evolutions of the Social Economy in the European Union. URL: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-17-875-en-n.pdf>

II. Выступления и заявления государственных деятелей, представителей министерств и ведомств

Выступление В.В. Путина на Пленарном заседании ПМЭФ 7 июня 2019 год. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>

Доклад Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша на Генеральной Ассамблее 22 июля 2019 г. «Кооперативы в процессе социального развития». URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/74/206>

Discours de Schneider-Ammann J. N. (Président de la Confédération) La globalisation: déclinou nouveau départ? Un regard Suisse. 21.11.2016. URL: <https://www.admin.ch/gov/fr/accueil/documentation/discours/discours-conseillers-federaux.msg-id-64547.h>

Discours de Schneider-Ammann J.N. Elements of Success in Our Education System. International Congress on Vocational and Professional Education and Training. 2016.

III. Официальные документы и информационные материалы ООН и международных организаций

MOT. Рекомендация MOT о содействии развитию кооперативов №193 от 03.06.2002 г. URL: www.ilo.org/normativeinstrument/wcms_r193_ru

MOT Рекомендации, касающиеся статистического определения неформальной занятости. URL: <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/download/guidelines/russian/defempl.pdf>

ILO Cooperatives for People-Centered Rural Development. 30 June 2011. URL: https://www.ilo.org/employment/units/rural-development/WCMS_158998/

UNESCO. International Standard Classification of Education (ISCED) 2011. URL: <http://uis.unesco.org/en/topic/international-standard-classification-education-isced/>

ILO. The Informal Economy and Decent Work: A Policy Resource Guide supporting transitions to formality 15 May 2013.

URL: https://www.ilo.org/emppolicy/pubs/WCMS_212688/lang--ja/index.htm

UNCTAD. World Investment Report 2017 Investment and the Digital Economy.

URL: <https://unctad.org/en/pages/publicationwebflyer.aspx?publication-id=1782>

ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2020. URL: www.ilo.org/wesodata

ILO. Tripartite Interregional Symposium on the Informal Economy: Enabling Transition to Formalization. Geneva, 27-29.11.2007. P.1.

ILO. Informality and the Quality of Employment in G20 Countries. Report prepared for the G20 Labour and Employment Ministerial Meeting held in Melbourne, Australia. 10-11 September 2014.

ILO World Employment and Social Outlook: Trends 2020. URL: www.ilo.org/wesodata

OECD Factbook 2015-2016. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-factbook-2015-2016_factbook-2015-en

EESC. Best practices in public policies regarding the European Social Economy post the economic crisis. June. 2018. P55. URL: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-04-18-002-en-n.pdf>

IV. Статистические справочники, обзоры и методические руководства по их использованию

Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/107/007.htm>

Народное образование и Культура в СССР: Статистический сборник. С. 174–175. URL: [OBRAZ_SSSR_1989_obrazovanie/pdf](http://obraz_ussr_1989_obrazovanie/pdf)

Занятость, безработица, служба занятости. Толковый словарь терминов и понятий. М.: Нива России, 1996. С. 288.

Росстат. Российский статистический ежегодник. 2015. М. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/yar/year17.pdf

Росстат. Россия в цифрах: официальное издание. 2019. М. С. 552. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/rus19.pdf>

Росстат. Россия и страны-члены Европейского Союза. Статистический сборник. 2017. М. С. 266. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/rus_es.pdf

Росстат. Демографический ежегодник России. М., 2017. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13207>

Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. Статистический сборник. Официальное издание. М., 2018. С. 91. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf

Росстат. Обследование населения по проблемам занятости. М., 2015. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm

Росстат. О межрегиональной трудовой миграции. 2016. М., 2017. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018

Росстат. Труд и занятость в России: официальное издание. М., 2017. С.263. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf

Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2018. URL: [gks.ru/free_doc/doc_2018/rabsila18pdf](http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rabsila18pdf)

Росстат. Регионы России: социально-экономические показатели. Официальное издание. М., 2018. С. 1164. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf

Росстат. Регионы России: основные характеристики субъектов Российской Федерации. Официальное издание. М., 2018. С. 753. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Reg_sub18.pdf

Росстат. Социально-экономическое положение РФ. 2016. URL: www.gks.ru/free_doc/doc+2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf

Росстат. Численность и миграция населения РФ. 2016. URL: www.gks.ru/bgd/regl/d17_107/Main.htm

Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. Официальное издание. 2016. (По результатам выборочного обследования рабочей силы). 2016., С. 9–90, табл. 2.44, 2.45. URL: www.gks.ru/free_doc2016/rab_sila16.pdf

Росстат. Методическое руководство для пользователей базы микро-данных по обследованию занятого населения. М., 2003.

Росстат. Занятость и безработица в Российской Федерации. URL: [gks.ru>bgd/regl/b09_01/Isswww.exe/Stg/d09/3-2.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/Isswww.exe/Stg/d09/3-2.htm)

Росстат. Россия и страны Содружества Независимых Государств. 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_05/Main.htm

Росстат. Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство. М., 2003. 297 с. URL: <https://www.gks.ru/metod/izmer.pdf>

ОЭСР. Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство. 2002. URL: oecd.org/std/dnm

Евростат. URL: <http://www.eurostat.ec.europa>

ОЭСР Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство. 2002. URL: https://siteresources.worldbank.org/PGLP/Resources/measuring_informal_economy.pdf

V. Базы данных, информационные источники

Данные форм. федеральной статистических наблюдений № ВПО-1.
URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/statan/stat/>

United States Census Bureau. URL: <http://www.census.gov/hhes/migration/data/acs/state-to-state.html>

EU EEPO. European Employment Policy Observatory. URL: <https://ec.europa.eu>

OECD. Education Working Papers. URL: <https://ideas.repec.org/s/oec/eduab.html>

OECD. Education at Glance ET-ERASMUS. European Community action scheme for the mobility of university students (ERASMUS), 1987–1995. URL: <https://cordis.europa.eu/programme/id/%7CET-ERASMUS>

OECD. Working and Learning: A Diversity of Patterns. Social, Employment Working Papers. 2015. №. 169. Publishing. Paris. 10p. URL: <https://ideas.repec.org/s/oec/eduab.html>

ОЭСР, ЕК, МВФ. Система национальных счетов 2008 (СНС). §6.40. Нью-Йорк. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf>

EU ESS. European Social Survey. URL: <https://www.european-social-survey.org/>

CIRIEC. Centre international de recherches et d'information sur l'économie publique, sociale et cooperative. URL: www.european-social-survey.org/data/round-index.html

CIS. Stats committee Database. URL: <http://www.cisstat.com/0base/index-en.htm>

EEPO. European Employment Policy Observatory. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/organisation/eepo-european-employment-policy-observatory_en

EU. Erasmus. URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en

Cedefop. European Center for the Development of Vocational Training. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en>

EU EEPO. European Employment Policy Observatory. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/organisation/eepo-european-employment-policy-observatory_en

EU Tempus. (Trans-European Mobility for University Studies). URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/31-trans-european-mobility-for-university-studies-tempus>

UN. Human Development Reports. URL: www.hdr.undp.org

VI. Международные научные конференции

Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия. Материалы конференции в ИМЭМО РАН 20–21 апреля 2009 г. М.: ИМЭМО РАН. С. 112–117.

Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этно-социокультурных противоречий. 26 февраля 2013. ИМЭМО РАН – доклад Хохловой М.Г. «Профессиональная занятость как ресурс социальной стабильности». МЭиМО. №№ 11, 12. 2013 г.

Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2019. 1662 с.

Социальная стратегия российской системы образования. Материалы международной научной конференции – Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений 14–15 апреля 2011 г. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена.

Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. 2016. Екатеринбург. Доклад Хохловой М.Г. «Адаптация безработных на рынке труда в периоды социально-экономической нестабильности». С. 6457–6466.

XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции. 15–16 марта 2018. Екатеринбург: Гуманитарный университет. С. 53–59.

EURICSE.10-th International Workshop on Cooperative and Responsible Finance for Development. 20–21 June 2019. Trento. Italy.

ESA the 11th Conference «Crisis, Critique and Change». 28–31 August. 2014. Turin. Italy.

7th Interim Meeting ESA RN19 Sociology of Professions. 24–26 May 2012. Finland, University of Helsinki. Emerging and transforming labour markets – доклад Хохловой М.Г. «Professional occupation as a social lift».

ESA the 10th Conference «Social Relations in Turbulent Times».(7–10 September 2012. Geneva. Switzerland. Доклад Хохловой М.Г. «Unemployment in Russia: stages and coping strategies».

7th CIRIEC Conference on social economy (CIRIEC 2019) 2019.06.06–09 Bucharest Romania. URL: https://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy_en

VII. Монографии, сборники научных трудов, главы в коллективных монографиях, статьи в научных журналах, диссертации

Архипов А.И., Шацкая И.В. Совершенствование механизма государственно-частного партнерства в сфере образования / Государственно-частное партнерство: состояние и проблемы. Махачкала: Наука плюс, 2015. С. 94–99.

Бояркин Г.Н. Трудовая миграция и ее роль в трансформации рынка труда. Диссертация (автореферат). М.: Научно-исследовательский институт труда и социального страхования. 2005.

Бобков В.Н., Черных Е.А. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2014. №3 (193). С. 23–55. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/308/2cf/7326583/2014_Chernyih.pdf

Боргояков С.А. Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования. // Наука и школа. 2017. №6. С. 20–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-rodnyh-yazykov-v-rossiyskoy-sisteme-obrazovaniya/viewer>

Вебер М. Основные социологические понятия / Избранные произведения. М: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Варнавский В.Г. Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике: учебное пособие. М: МГИМО МИД РФ, 2013. 142 с.

Волошина И.А., Новиков П.Н., Зуев В.М. Понятие профессии в составе профессионально-трудовой и образовательной терминологии. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. №10. С. 85–97.

Гульбрандсен Т. Элиты и профессионалы // МЭМО. 2016. №11 (60). С. 71–83.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2017. fom.ru/SMI-i-internet/13585

Клинова М.В. Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. 400 с.

Клопов Э.В. У истоков рыночной трансформации сферы занятости: отмена «фланговых» ограничений рынка труда (легализация безработицы и снятие запретов на вторичную занятость) // Varia. (Материалы изучения сферы труда). Социально-трудовые исследования. 2000. Вып. XIV. М.: ИМЭМО РАН, 2021. С. 94–123.

Кадчинская М.И., Яковлева А.С. Прекариат – новый социальный класс // Симбирский научный вестник. 2018. №1 (31). С. 75–79.

Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001, 308 с.

Колесникова Г.И. Воздействие на сознание в системе ведения сетевых войн: опыт социально-философского осмысления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. №3 (3–2). С. 311–314.

Колесникова Г.И. Социальная политика России: концепция развития личности в XXI веке. // Международный научный журнал. 2017. № 3. С. 112–116.

Кревневич В.В. Социальные последствия автоматизации: на материалах международного исследовательского проекта: «Автоматизация и промышленные рабочие». Отв. ред. Клопов Э.В. М.: Наука, 1985. 188 с.

Кревневич В.В. Автоматизация и удовлетворенность трудом. М.: Мысль, 1987. 215 с.

Мансуров В.А. Юрченко О.В. Социология профессиональных групп: история становления и перспективы. // Вестник института социологии. 2013. №7. С. 91–106.

Международная студенческая мобильность как показатель успешности системы образования // Бюллетень о состоянии российского образования. 2015. №4. С. 1–18.

Мукомель В.И. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение. / Россия реформирующаяся. Ежегодник. / Отв. ред. Горшков М.К. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 250–272.

Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.

Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность. // Общественные науки и современность. 2001. №6. С. 101–113.

Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. 160 с.

Полушкина Е.А., Краснова Г.А. Развитие системы непрерывного образования Нидерландов: состояние и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-nepreryvnogo-obrazovaniya-niderlandov-sostoyanie-i-perspektivy/viewer>

Проблема урбанизации в СССР. М.: МГУ, 1971. 109 с.

Профессиональные группы: динамика и трансформация. Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ИС РАН, 2009. 419 с.

Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ИС РАН, 2013. 315 с.

Профессиональные группы в модернизирующемся российском обществе. Отв. ред. Мансуров В.А. М.: ФНИСЦ РАН. 2018. 220 с.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учебное пособие. М.: Наука, 1995. 240 с.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Антропологические исследования профессий/ Антропология профессий: Сборник научных статей. Ред. Романова П.В., Ярская Е.Р. Саратов: Саратовский гос. тех. университет. 2005. 464 с.

Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграции. М.: Статистика, 1973. 148 с.

Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. /Отв. ред. Бестужев-Лада И.В. М.: Наука, 1990. 168 с.

Синявская О.В., Бирюкова С.С. Возможные меры снижения неформальной занятости и скрытой оплаты труда. // Журнал новой экономической ассоциации. № 1(37). 2018. С. 193–202.

Система, структура и процесс развития современных международных отношений. / Отв. ред. Гантман В.И. М.: Наука, 1984. 422 с.

Современная Испания: проблемы и решения. / Ред. Кузнецов А.В. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 101 с.

Сорокин П.А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп / Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994. С. 344–349.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Сорокин П.А. Социальная мобильность. Пер. с англ. М.: Академия, 2005. 588 с.

Социально-трудовые отношения: сравнительный анализ западных и российских практик действий на рынке труда. / Отв. ред. Комаровский В.В., Веденева В.Т. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 207 с.

Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. / Ред. ак. А.А. Дынкин. М.: Магистр, 2011. 480 с.

Тарасова А.Н. Неформальная занятость на рынке труда. Тюмень, 2004. Автореферат диссертации. URL: <http://mail2.tmlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/22.00.03/371.pdf>

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 567 с.

Транснациональные политические пространства: явление и практика. / Отв. ред. Стрежнева М.В. М.: Весь мир, 2011. 376 с.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. // Научные доклады: социальная политика. 2015. №8. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС. 108 с.

Хохлова М.Г. К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992-2002 гг. // Социально-трудовые исследования. Безработица в постсоветской России. 2005. Выпуск XVII, М.: ИМЭМО РАН, С. 64–76.

Хохлова М.Г. Россия как центр учебной иммиграции из СНГ // Россия и новые страны Евразии. 2018. №4. С. 176–183.

Хохлова М.Г. Неформальная занятость: к вопросу о терминах // Социально-трудовые исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 89–97.

Хохлова М.Г., Хохлов И.И. Мировые тенденции в развитии образования // МЭиМО. 2014. №6. С. 90–91. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1723

Худякова Л.С., Сидорова Е.А., Миграционная политика Европейского союза: новые стратегии и перспективы. // Экономические стратегии. № 7(165) 2019. С. 66-73.

Шибутов М.М. Миграция из Казахстана в Россию: сколько, кто и почему. URL: <https://regnum.ru/news./news/2304708.html>

Шацкая И.В. Трансформация системы профессиональной подготовки кадров в условиях модернизации российской экономики. Докторская диссертация. М.: Институт Экономики РАН, 2015.

Шмаков М. Право на достойный труд необходимо отстаивать в борьбе. Профсоюзы. 2008. №9. Официальный сайт ФНПР. fnpr.ru/6/31/4069.html

Attitudes towards the impact of digitalisation on daily lives. // Special Eurobarometer 503. 2020 March. P. 2.

Abbott A. The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 435 с.

Bauman Z. Liquid Modernity. Текущая современность. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. С. 240.

Breen R. Explaining cross-national variation in youth employment. Market and Institutional Factors // European Sociological Review. 2005. Vol. 21. № 2. P. 125–134.

Brzinsky-Fay Ch. The Measurement of School-to-Work Transition as Processes: About event and Sequences. European Societies. 2014. Vol. 16. № 2. P. 213–232.

Boeri T., Garibaldi P. Shadow Sorting. NBER Macroeconomic Conference Held in Budapest in June 2005.

Globalization, Uncertainty and Youth in Society. / Edited: Blossfeld H.-P., Klijzing E., Mills M., Kurz K.L., N.Y.: Routledge, 2005.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Between Light and Shadow: Informality in the Russian Labour Market. // IZA DP No. 8279 June 2014.

Hirshleifer J. Economic Behavior in Adversity. Brighton, 1987 / Цит. по Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М.: 2011. С. 149.

Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton: University Press, 2015. 496 p.

King R. Theorising New European Youth Mobilities // Population, Space and Place. Vol. 24, (1). URL: <https://doi.org/10.1002/psp.2117>

Mkandawire T. The Social Policy in a Development Context. Geneva: UNRISD 2001. 38 p.

Mannheim K. The Problem of Generations / Essay on the Sociology of Knowledge./ Ed. Kecskemeti P. L.: Routledge 1952. P. 276–320.

Novy M., Smith M.-L., Khatfrnak T. Inglehart's scarcity hypothesis is revisited: In postmaterialism macro or micro-level phenomenon around the world? // International Sociology. Vol. 32, No 6, November 2017. P. 683–706.

Olcese C., Saunders C., Tzavidis N. In the Streets with a Degree: How Political Generations, Educational Attainment and Student Status Affect Engagement in Protest Politics. // International Sociology. 2014. Vol. 29. № 6 (November). P. 527–542.

Pierson C. «Late Industrializers» and the Development of the Welfare State. / Social Policy in a Development Context. Mkandawire T. (ed.) 2004. L.: «Palgrave Macmillan». P. 215–245.

Quintini G. Working and Learning: A Diversity of Patterns // Social, Employment Working Papers, 2015, no. 169, P. 4–24.

Raffe D. Explaining National Differences in Education–Work Transitions: Twenty Years of Research Transition Systems // European Societies. 2014. Vol. 16. № 2. P. 175–193.

Ramaswamy V., Gouillart F. Building the Co-creative enterprise // Harvard Business Review. 2010. Vol. 88(10).

Renooy P., Williams C. Flexibility and Work 2014: Bringing the Undeclared Economy out of the Shadows – the Role of Temporary Work Agencies. // Yearly Report on Tackling undeclared work in 27 European Union Member States and Norway: Approaches and measures since 2008.

Renooy P., Wusten S., Meijer R. Undeclared Work in an Enlarged Union. An Analysis of Undeclared Work an in-Depth Study of Specific Items. 2004.

URL: https://www.researchgate.net/publication/234833136_Employment_European_Social_Fund_

Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. N.-Y.: Bloomsbury academic, 2011. https://www.researchgate.net/publication/256485856_

Sackmann R., Wingens M. From Transitions to Trajectories: Sequence Types / Heinz W., Marshall V. (ed.). Social Dynamics of the Life Course. Transitions, Institutions and Interrelations. 2003.N.Y.: Routledge, P. 93–115.

Touraine A. Can we Live Together, Equal and Different? // European Journal of Social Theory, November.1998. 177 p.

Undeclared Work in an Enlarged Union. // Special Eurobarometer 498. September 2019. 40 p. URL: https://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2250_92_1_498_ENG

Youth on the Move. Europe 2020: a European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. URL: http://europa.eu/youthonthemove/docs/communication/youth-on-the-move_EN.pdf

Научное издание

Хохлова Марина Геннадьевна

Профессиональная мобильность населения
как форма социальной адаптации
(Россия в международном контексте)

Монография

Художник *А. Никонова-Флоренская*
Верстка *Е. Песковой*

ISBN 978-5-9535-0565-9

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Подписано в печать 24.06.2021
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Объем 10,125 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 601

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор»,
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

**В 2020–2021 гг. в серии «Библиотека Национального
исследовательского института мировой экономики
международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук»
вышли из печати:**

1. Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах / под ред. В.И. Васильева, А.М. Кокеева – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 127 с. – ISBN 978-5-9535-0589-5. – DOI 10.20542/978-5-9535-0589-5.
2. Глобальное управление: кризис или трансформация? Мировое развитие. Выпуск 22 / под ред. А.А. Алешина, Ю.А. Барониной, А.Р. Борисовой и др. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 225 с. – ISBN 978-5-9535-0590-1. – DOI 10.20542/978-5-9535-0590-1.
3. Запад-Восток-Россия 2020. Ежегодник / отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 207 с. – ISBN 978-5-9535-0591-8. – DOI 10.20542/978-5-9535-0591-8.
4. Мировой энергетический переход: тенденции и риски / под ред. С.В. Жукова. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 116 с. – ISBN 978-5-9535-0593-2. – DOI 10.20542/978-5-9535-0593-2.
5. Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2021: индекс ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 178 с. – ISBN 978-5-9535-0592-5. – DOI 10.20542/978-5-9535-0592-5.
6. Васильев В.И. Европейская политика Германии. Опыт, проблемы, перспективы. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 226 с. – ISBN 978-5-9535-0574-1. – DOI 10.20542/978-5-9535-0574-1.
7. Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 166 с. – ISBN 978-5-9535-0580-2. – DOI 10.20542/978-5-9535-0580-2.
8. Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности / под общ. ред. Е.С. Хесина; отв. ред.: Ю.Д. Кваشینн, М.В. Клинова, А.А. Невская. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 317 с. – ISBN 978-5-9535-0587-1. – DOI 10.20542/978-5-9535-0587-1.
9. Запад-Восток-Россия 2019. Ежегодник / отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 183 с. – ISBN 978-5-9535-0572-7. – DOI 10.20542/978-5-9535-0572-7.
10. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А.Г. Арбатов. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 177 с. – ISBN 978-5-9535-0576-5. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0576-5.

11. Контуры мирового энергетического перехода / под ред. С.В. Жукова. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 122 с. – ISBN 978-5-9535-0573-4. – DOI 10.20542/978-5-9535-0573-4.
12. Мировая экономика и энергетика: драйверы перемен / под ред. С.В. Жукова. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 164 с. – ISBN 978-5-9535-0571-0. – DOI 10.20542/978-5-9535-0571-0.
13. Могилевкин, И.М. Россия в мировых экономических связях. Ретроспективный анализ. – М.: ИМЭМО, 2020. – 151 с. – ISBN 978-5-9535-0579-6. – DOI 10.20542/978-5-9535-0579-6.
14. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 182 с. – ISBN 978-5-9535-0582-6. – DOI 10.20542/978-5-9535-0582-6.
15. Особенности процесса глобализации в отраслях и комплексах мировой экономики / под ред. В.Б. Кондратьева. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 245 с. – ISBN 978-5-9535-0575-8. – DOI 10.20542/978-5-9535-0575-8.
16. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы / отв. ред.: Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 276 с. – ISBN 978-5-9535-0588-8. – DOI 10.20542/978-5-9535-0588-8.
17. Ромашкина Н.П., Марков А.С., Стефанович Д.В. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии / отв. ред.: А.В. Загорский, Н.П. Ромашкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 98 с. – ISBN 978-5-9535-0581-9. – DOI 10.20542/978-5-9535-0581-9.
18. Россия и мир: 2021. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук.проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 154 с. – ISBN 978-5-9535-0585-7. – DOI 10.20542/978-5-9535-0585-7.
19. Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред.: Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 211 с. – ISBN 978-5-9535-0584-0. – DOI 10.20542/978-5-9535-0584-0.
20. Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 198 с. – ISBN 978-5-9535-0583-3. – DOI 10.20542/978-5-9535-0583-3.